

Министерство национальной политики Удмуртской Республики
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
Центр по изучению современных этнополитических процессов
и межнациональных отношений

Распределенный научный центр межнациональных и межрелигиозных проблем
Региональная общественная организация национально-культурного развития
«Ассамблея народов Удмуртии»

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ КАМСКО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА

Выпуск 1

Ижевск, 2015

УДК 94(470.4/5)(063)
ББК 63.3(2Рос.Удм)
И90

Общая редакция
доктор исторических наук, профессор *А.Е. Загребин*

Редакционная коллегия:
кандидат исторических наук, доцент *В.С. Воронцов*
кандидат исторических наук, доцент *Р.Н. Касимов*
кандидат исторических наук, доцент *Д.А. Черниенко* (отв. ред.)

Рецензент:
научный сотрудник Института истории и культуры
народов Приуралья Удмуртского государственного университета,
доктор исторических наук *Л.Д. Макаров*

И90 **Историко-культурное наследие славянских народов Камско-Вятского региона** 2015: Научный альманах / Общ. ред. А.Е. Загребин; ред. кол.: В.С. Воронцов, Р.Н. Касимов, Д.А. Черниенко (отв. ред). – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2015. – 160 с.

ISBN 978-5-4344-0316-0

Издание включает материалы Межрегионального круглого стола «Историко-культурное наследие славянских народов Камско-Вятского региона» (Ижевск, 29 мая 2015 г.), состоявшегося на базе УИИЯЛ УрО РАН и посвященного Дню славянской письменности и культуры. Статьи посвящены вопросам формирования славянского населения Камско-Вятского региона, современным этносоциальным, этнодемографическим и языковым процессам, религиозной ситуации, межкультурным и межконфессиональным отношениям, опыту популяризации истории и культуры славянских народов, деятельности национально-культурных общественных организаций.

Издание предназначено для историков, краеведов, культурологов, всех интересующихся историей родного края.

ISBN 978-5-4344-0316-0

УДК 94(470.4/5)(063)
ББК 63.3(2Рос.Удм)

- © Министерство национальной политики Удмуртской Республики, 2015
- © Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2015
- © Региональная общественная организация национально-культурного развития «Ассамблея народов Удмуртии», 2015
- © Коллектив авторов, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово	5
КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ТРАДИЦИИ	7
<i>Харин Е.С.</i> Вклад древнерусского монашества в дело просвещения и летописания.....	7
СЛАВЯНЕ В КАМСКО-ВЯТСКОМ РЕГИОНЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	22
<i>Михеева Г.А.</i> Некоторые вопросы изучения русского периода истории города Малмыжа на Южной Вятке	22
<i>Шихов С.Н.</i> Генеалогическое исследование русских крестьян Елабужского и Сарапульского уездов (XVIII – начало XX вв.).....	35
<i>Мельникова О.М.</i> Врач Федор Васильевич Стрельцов: история становления археолога в российской провинции.....	47
<i>Воронцов В.С.</i> Динамика численности славянских народов Удмуртии	61
<i>Черниенко Д.А.</i> Украинцы Удмуртии: история малой этнической группы.....	66
<i>Черниенко Д.А., Хаба С.М.</i> Прием и размещение вынужденных переселенцев из Восточной Украины в Камско-Вятском регионе	77
ТРАДИЦИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В ВЯТСКОМ КРАЕ	94
<i>Титова Е.И.</i> Роль и значение женского фактора в воспитании детей в среде старообрядчества Вятского региона в XIX веке.....	94
<i>Трушкова И.Ю.</i> Взаимное восприятие старообрядцев и мусульман в Вятском регионе в XX веке в контексте мировых этноконфессиональных процессов	101
<i>Титова Е.И., Трушкова И.Ю.</i> Традиции воспитания детей у старообрядцев в XX – начале XXI века (на примере Уржумского района Кировской области).....	111

ФИННО-УГРЫ – СЛАВЯНЕ – ТЮРКИ: ОПЫТ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	119
<i>Чемоданов И.В.</i> Взаимодействие славянского, финно-угорского и тюркского компонентов в процессе осуществления аграрных преобразований 1930-х гг.: на примере Кировского края	119
<i>Касимов Р.Н.</i> Влияние русской православной культуры на отдельные элементы календарной обрядности чепецких татар	137
<i>Клементьев А.А., Касимов Р.Н.</i> К проблеме изучения этнических стереотипов удмуртского народа о русских (на основе фольклорных и литературных сюжетов)	142
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ	148
<i>Юминова В.Б.</i> Деятельность Общества русской культуры Удмуртской Республики по сохранению и развитию славянских традиций в 2011–2015 гг.	148
ТОЧКА ЗРЕНИЯ	154
<i>Халявин Н.В.</i> Несколько слов о проблемах преподавания истории в высшей школе (из опыта преподавателя отечественной истории)	154
Резолюция	159

426063, г. Ижевск ул. Орджоникидзе 33а. ОКПО: 29999763; ОКГУ: 4220003; ОГРН: 115180000164;
ИНН/КПП: 141048997/184101001

«29» мая 2015 г.

Уважаемые коллеги!

В последние годы в Удмуртии реализуется исследовательское направление, посвященное изучению этнокультурных взаимодействий финно-угорских, славянских и тюркских народов. Такой подход полностью соответствует современным тенденциям в отечественной исторической науке, которая трактует российскую цивилизацию как результат совместной деятельности и общее достояние всех народов, проживающих на ее территории.

Славянский этнокультурный компонент Камско-Вятского региона имеет важнейшее историко-культурное значение. Формирование русского населения в нашем регионе началось в эпоху средневековья, носило аграрный, крестьянский характер и сыграло важную роль в хозяйственном освоении края. История других восточнославянских народов – украинцев, белорусов, связана с более поздним периодом конца XIX – первой половины XX вв. и в значительной степени зависела от успехов индустриализации страны, активных миграционных процессов, вызванных особенностями развития России и СССР в разных сферах жизни.

В настоящее время славянское население составляет более 60% в Удмуртии, более 90% в Кировской области. В этнической структуре

региона славянские народы занимают заметное место: русские – первое, украинцы – четвертое-пятое, белорусы – седьмое-девятое. Их представители сыграли значительную роль в социально-экономическом освоении Камско-Вятских земель, на протяжении многих поколений укрепляли научно-технический потенциал региона.

Сегодня национально-культурные объединения славянских народов не только проводят большую работу по сохранению и популяризации традиционной культуры, но также принимают активное участие в научно-просветительских мероприятиях, помогают в исследовательской деятельности. В этой связи изучение исторических, социальных, демографических, миграционных и иных процессов у славянских народов, их взаимодействие с финно-угорским и тюркским миром приобретают дополнительную актуальность и значимость.

*Председатель Ассамблеи народов Удмуртии,
директор Удмуртского института истории,
языка и литературы УрО РАН,
доктор исторических наук, профессор*

А.Е. Загребин

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ТРАДИЦИИ

Е.С. Харин

ВКЛАД ДРЕВНЕРУССКОГО МОНАШЕСТВА В ДЕЛО ПРОСВЕЩЕНИЯ И ЛЕТОПИСАНИЯ

Статья посвящена изучению вопроса о культурно-исторической и общественной роли древнерусских монастырей. Делается вывод о том, что монастырь был местом, откуда шло образование, навыки к труду, вера и нравственность, именно в монастырской среде начала зарождаться самобытная древнерусская литература. Монахам принадлежала также особая роль в создании древнерусской проповеди и летописи, которые весьма способствовали формированию национального самосознания Древней Руси.

Ключевые слова: Древняя Русь, летописание, митрополит Киевский и всея Руси Иларион, монашество, Русская Православная Церковь.

Монастырь на христианском Востоке никогда не рассматривался как место полной изоляции для эгоистичного «самоспасения», а скорее, наоборот, был местом, где жертвенное служение на благо ближнего достигало своего полного завершенного состояния. Монастырь издревле был и «врачебницей, и крепостью, и питательницей», и многим другим

Харин Егор Сергеевич (Отец Георгий) – священник, протоиерей, настоятель храма Святителя и Чудотворца Николая г. Ижевска, руководитель епархиального Отдела по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями Ижевской и Удмуртской епархии РПЦ МП, кандидат исторических наук.

для всех приходящих в него. Здесь следует особо упомянуть еще об одном способе служения монашества миру в виде центров учености и просвещения (разумеется, в средневековом смысле).

В формировании монастырей как центров христианского просвещения определяющую роль сыграла студийская традиция. Уникальная история Студийского монастыря, его местонахождение в центре византийской столицы, его значение в деле защиты иконопочитания, его литургическая и гимнографическая деятельность, его роль в духовном руководстве мирян, его влияние на византийскую политическую элиту, его богатство и величие, и, разумеется, масштаб личности Феодора и других студийских игуменов и старцев – все эти факторы способствовали тому, что в течение нескольких веков монастырь занимал центральное место в византийском монашестве, в византийском богословии, в византийской церковной литературе [14, с. 162-165].

Спектр просветительской деятельности Студийского монастыря и других обителей, принадлежавших его кругу, был очень широк. Вполне законно провести параллель между этими обителями и учеными бенедиктинскими монастырями Средневековья [13, с. 159]. Студийский монастырь располагал богатейшей библиотекой [15, с. 135]. Обычай переписывать книги установился в монастыре при игумене Платоне, дяде и предшественнике Феодора. Последний в надгробном слове Платону упоминает, что тот собственноручно переписал множество книг [13, с. 158]. Во время Феодора в монастыре уже был скрипторий, где целый штат писцов переписывал книги: устав Феодора предусматривает наказания для писцов (в частности, если те не следуют в точности оригиналу или не соблюдают правила пунктуации) [13, с. 159]. Искусство каллиграфии было высоко развито в Студийском монастыре [Там же]. Именно со Студийской обителью связано происхождение минускульного письма, которое «было введено для келейных занятий, а не для чтения вслух» [Там же].

Поощряя переписывание и собирание книг, Феодор не забывал напоминать монахам своего монастыря о необходимости чтения

книг. Одно из наставлений студийского Ипотипосиса содержит краткие правила пользования монастырской библиотекой: «Следует знать, что в дни, когда нет у нас телесного труда, библиотекарь ударяет в било, и собираются братья в место, где [хранятся] книги, и каждый берет [по одной] книге, и читает ее до вечера. Прежде же чем ударят к вечерне, библиотекарь снова ударяет в било, и все, приходя, возвращают книги согласно списку» [Там же].

Из этого правила можно заключить, что чтение книг рассматривалось как своего рода награда; предполагалось, что им можно заниматься в свободное время, тогда как в обычные дни предпочтение отдавалось телесному труду. Так или иначе, но именно Студийский монастырь оказал решающее влияние на древнерусскую монастырскую традицию. Древнерусские монастыри также стали центрами христианского просвещения.

Так, согласно сообщению В.Н. Татищева, дочь Всеволода Ярославича Янка основала при Андреевском монастыре в Киеве школу для богатых девушек: «Собравши же младых девиц неколико, обучала писанию, такоже ремеслам, пению и иным полезным знаниям...» [25, с. 95; 23, с. 61-62; 26, с. 23]. Источник этой информации неизвестен, однако подобное упоминание позволяет утверждать, что монастырь был местом, откуда шло образование, навыки к труду, вера и нравственность. Упоминаний о существовании школ при монастырях в период до середины XIV в. нет.

Существуют отдельные известия, подтверждающие грамотность русских иноков. Так, в Печерском монастыре был монах Никон «седащу и делающу книги...» [1, с. 334]. Это указание относится ко второй половине XI в. Будучи инокиней, Евфросиния, уединившись в соборной церкви св. Софии в Полоцке, «нача подвижнеиший подвиг постнический восприимати, нача книги писати своима рукама, наемь емлющи, требующим даяше» [7, с. 209]. Это прямое указание на то, что одно из благочестивых занятий в стенах обитателей – списывание книг. Необходимость переписывания диктовалась широким распространением христианства, связывающим все большие терри-

тории Древней Руси. Очевидно, что уже в древнерусский период при монастырях существовали скриптории, в которых создавались и переписывались церковные произведения, были и библиотеки, где эти книги сохранялись. До настоящего времени сохранилось небольшое число рукописей XII – середины XIV в., дающих нам основание по определенным критериям относить их к книжным мастерским монастырей уже существовавших [18; 21; 20, с. 24–51; 10; 22]. Так, на примере новгородско-псковского материала Н.Н. Розов определил наличие книгописания в новгородском Хутынском монастыре. Имел свою библиотеку и Юрьев монастырь, однако сведения об этом очень скудны [20, с. 38; 16, с. 176].

В Киеве, кроме Печерского монастыря, книжный центр существовал, вероятно, и в Зарубском монастыре. Летопись сообщает нам об одном из выходцев этого монастыря: «В то же лето постави Изяслав митрополитом Клима Смолятича вывед из Заруба, бе бо черноризечь скимник и бысть книжник и философ, так якоже на Руской земли не бяшетъ...» [4; 11, с. 72]. Авраамий Смоленский, подвизавшийся в своем монастыре, был автором некоторых сочинений, таких как «Слово о небесных силах, чего ради создан бысть человек», а также молитвы, изданной С.П. Розановым [30, с. 213-216; 2, с. 163]. Туров – еще один центр просвещения в Западной Руси. Здесь выдающимся представителем просвещения и книжности являлся Кирилл, епископ Туровский. Он был автором поучений, торжественных слов и молитв, таких как «Притча о душе и теле», «Повесть о белоризце и мнишестве», «Сказание о черноризцем чине», 8 слов на церковные праздники, 30 молитв и 2 канона [22, с. 211-221]. Творчество Кирилла Туровского явилось одним из наивысших достижений литературы XII в. Его сочинения имеют высокий художественный уровень, глубокую символику. В его произведениях четко прослеживается идея единства Руси, которая является одной из основных идей древнерусских летописей и агиографических произведений.

Нельзя не сказать и того, что древнерусская письменность, которая вся в той или иной степени имеет религиозно-нравственную

направленность, вышла из монастырской среды. Не все сочинения были вполне оригинальны, но древнерусский писатель-монах вообще мало стремился к тому, чтобы непременно создать нечто новое. Причиной этого отчасти была недостаточная образованность церковных кругов, отчасти же – великое почитание книги – вообще и религиозных творений в особенности, ибо они содержат в себе Божественную истину, и человеческая рука ничего не смеет добавлять к ним от себя. Пример подобного отношения – преп. Феодосий: «многошъды же паки великууму Никону седающю и делающю книги, и блаженууму въскраи того седающю и придушю нити еже на потребу таковууму делу» [1, с. 344]. И все-таки древнерусскими монахами сделано немало произведений, несущих на себе печать творчества. «Во всяком случае, вряд ли Никон писал книги для получения дополнительного дохода – это было для него особого рода служение» [12, с. 48].

Здесь мы не можем обозреть всю древнерусскую письменность. Достаточно будет лишь подчеркнуть особую роль древнерусского инока в создании этой письменности и подробнее остановиться на двух ее жанрах: древнерусской проповеди и летописи. Первая свидетельствует о религиозно-нравственном, а вторая – о национально-культурном служении монашества.

Возможно, проповедь XI–XIII вв., если ее рассматривать с историко-литературной стороны, не была вполне оригинальной. Важнее для того времени было ее содержание и то воздействие на людей, которое оказывало выраженное в ней христианское мировоззрение. В проповеди с христианской точки зрения говорится о слабости человеческой природы, осуждаются суеверия и грехи, указывается путь ко спасению. Эсхатологизм красной нитью проходит через религиозное мировоззрение русского человека, с первых дней христианства на Руси. Выдающимися проповедниками были преп. Феодосий Печерский и Авраамий Смоленский. «Слово о небесных силах» св. Авраамия имеет особую эсхатологическую окраску. Как и Феодосий, который проповедовал братии об основах иночества, Лука Жидята, епископ Новгородский (ум. ок. 1059 г.), требовал от

своей паствы хранить верность христианским основам жизни. По-другому проповедовал Кирилл, епископ Туровский, от которого сохранилось 9 проповедей. Он стоял на более высокой ступени культуры и образованности, чем его современники. Проповеди, которые он произносил по случаю праздников литургического года – лучшая из них произнесена на Вознесение Христово – были богословски глубоки и, может быть, не вполне понятны пастве, но они говорят о хорошем знании им Священного Писания, Святых Отцов и вообще, о его незаурядной для того времени учености. Они очень хороши в литературном отношении, содержат в себе иносказания и притчи, и характеризуют Кирилла как человека византийской церковной культуры.

Другим представителем этой культуры был Климент, митрополит Киевский (1147–1154, ум. 1164 г.). Он родился в Смоленске в ту пору, когда этот город переживал культурный расцвет. Он был русским и в Киевские митрополиты его выбрал великий князь, но в этом сане он оставался недолго, так как Константинопольская Патриархия всегда стремилась к тому, чтобы на митрополичьей кафедре был грек. Климент был образованным человеком, обладал не только богословским, но и классическими философскими знаниями, – это единственный древнерусский епископ, получивший у летописца прозвище Философ. Известен он главным образом как автор послания к пресвитеру Фоме.

Кирилл Туровский и Климент – оба принадлежат к монашеству XII в., эпохе, когда византийская ученость уже в течение двух столетий оказывала влияние на русские церковные круги, и влияние это не могло остаться бесследным. Но у них был еще один предшественник, блестящий проповедник в среде новообращенного народа, соединявший в себе глубокую веру, дар слова и ярко выраженное национальное сознание. Это был митрополит Киевский Илларион.

Древний летописец, который сообщает нам, что Илларион был сначала священником в дворцовой церкви в Берестове (вероятно, будучи иеромонахом), называет его, как уже было сказано, «мужем благим, книжным и постником», но ничего не говорит о его происхождении.

Скорее всего, благодаря постоянному общению с нерусскими кругами – с болгарами и греками – Илларион смог получить христианско-богословское образование. Но перед нашим мысленным взором Илларион предстает не только как ученый христианин. Это был христианин с сильной склонностью к аскезе, возможно, он был первым русским монахом. «Неполнота сведений о жизни Иллариона связана с проблемами в материалах об истоках русского иночества вообще» [24, с. 39]. Неизвестно, где и как начал он свое подвижничество. В 1051 г. по воле великого князя Ярослава и с согласия народа он был наречен Киевским митрополитом. Еще в пору своего пресвиторского служения (ок. 1039 г.) он, по не вполне известному поводу, произнес слово. Это слово, известное как «Слово о законе и благодати...», вероятно, не было церковной проповедью, потому что по своему уровню оно стояло значительно выше понимания широких слоев населения.

В начале «Слова...» Илларион сравнивает Ветхий Завет («закон») с Новым Заветом («благодатью»). Ветхий Завет – это лишь приуготовление к Новому Завету; во второй части «Слова...» он говорит о князе Владимире как просветителе русского народа; третья, заключительная часть «Слова...» – это молитва, произносимая от лица всего народа. Илларион в своем творении приводит историко-философскую идею о том, что в мировой истории, направляемой Божественным Промыслом, происходит смена народов, стоящих в центре исторического процесса. Избранный Богом Израиль и его история – эпоха закона, а на смену ей идет эпоха благодати, когда всякий народ и правоверующий становится избранным. Вторая часть «Слова...» важна для нас потому, что в ней выразилась национальное и патриотическое сознание митрополита Иллариона. Владимир уверовал во Христа не в результате проповеди греческих миссионеров, как утверждает ПВЛ, а исходя из внутренней потребности души и убежденности в истинности новой веры.

Национально-патриотические воззрения Иллариона и его национально-церковная оппозиция грекофильской легенде об обращении Владимира были той идеей, которая выражала национально-куль-

турные воззрения всего древнерусского иночества, в особенности, печерской братии, и ревностно исповедовалась русским монашеством [24, с. 40]. Такие воззрения способствовали укоренению мысли о русификации Русской Церкви, в результате чего произошел ряд исторических событий, говорящих о наличии в Русской Церкви оппозиции политике Константинопольского патриарха. Национальные настроения Иллариона были, возможно, не последней причиной того, что Ярослав в 1051 г., когда его отношения с Византией особенно обострились, велел Собору русских епископов хиротонисать Иллариона и возвел его на вдовствовавший после смерти митр. Феофемпта престол. Начиная с этого времени сведений о митрополите Илларионе нет; на кафедре он оставался недолго: когда Ярослав стал искать примирения с Константинополем, Иллариону пришлось оставить престол (1054/55 г.).

Дальнейшая жизнь Иллариона связана с историей Печерского монастыря и печерским монашеством, в особенности с национально-культурной деятельностью этой обители, ставшей духовным центром Древней Руси. Небезынтересно учесть при этом точку зрения М.Д. Приселкова о том, что Великий Никон из Жития Феодосия и митр. Илларион – это одно и то же лицо [19, с. 35-39].

Такую замечательную личность как Илларион-Никон невозможно изъять из истории древнерусского монашества, он должен стоять в центре внимания при выяснении вопроса о национальном самосознании Древней Руси. Национально-культурное творчество поглощало значительную часть духовных сил монашества, и в определенном смысле это имело негативные последствия для чисто аскетического делания, в первую очередь для братии Печерского монастыря. Неизвестно, что тогда важнее было для Киевской Руси: формирование национально-русского самосознания или воспитание двух-трех поколений иноков, становление которых страдало из-за обмирщения, влияния государственных и социальных условий.

После низложения с митрополичьей кафедры (ок. 1051–1055 гг.) Илларион пришел к Антонию, жившему в старой Илларионовой

пещерке; и с этих пор Илларион известен уже как Никон Великий из Жития св. Феодосия и Печерского Патерика. Перемена имени связана с принятием великой схимы. Никон сразу же стал играть особую роль в жизни Печерского монастыря. Поскольку Антоний не имел иерейского сана, Никон принимал и постригал послушников. Из-за пострижения двух дружинников великого князя Никон подвергся княжескому гневу и вынужден был на некоторое время уйти из монастыря, но уже в 1068 г. вернулся. В 1068–1074 г. Никон был главным помощником Феодосия в духовном окормлении братии. После недолгого игуменства Стефана, который был преемником Феодосия и вынужден был покинуть обитель из-за недовольства братии, Никон в 1077/78 гг. избирается настоятелем и управляет монастырем до своей кончины в 1088 г. Десять лет его настоятельства составляют одну из важнейших эпох в истории формирования монастыря. При нем было продолжено строительство каменной церкви, которую приглашенные греческие мастера украсили мозаикой, живописью, резьбой.

Но самым главным делом игуменства преп. Никона было создание древнерусской летописи. Думается, что именно Никон-Илларион мог благословить по примеру греческих монастырей написание истории обители. Именно благодаря ему, его национально-церковной позиции, летописи не стали калькой греческих хроник, а воплотили подлинно христианский, национально-русский дух. Древнерусский монастырь с этих пор стал центром летописания и облик русского летописца неотделим от чина черноризцев. Вследствие этого, взгляд на мир, заключенный в летописи, имеет христианский, аскетический характер.

«Во времена Никона начал создаваться летописный свод. Так называемый «Свод 1039 г.» составленный в греческом окружении Киевской митрополичьей кафедры, был переработан и продолжен. Так возник «Свод 1073 г.» в основном написанный Никоном» [29, с. 420-460]. Продолжением этого Свода явился «Свод 1095 г.», в создании которого главная роль принадлежала монаху Нестору, прозванному

Летописцем; этот «Свод 1095 г.» является «Первоначальной» русской летописью, или «первоначальной Киевской летописью», которая лежит в основе древнерусской летописи 1116 г. А эта летопись (известная как ПВЛ) составляет основу известной Лаврентьевской (1377 г.) и Ипатьевской (XV в.), а также всех остальных русских летописей.

На примере Нестора особенно хорошо виден результат работы Никона по формированию национально-русского мировоззрения. Идеологически Нестор был верным учеником Никона. Он пришел в Печерский монастырь еще при игумене Стефане, то есть между 1074 и 1077 гг., но его литературная деятельность приходится в основном на 80–90 гг. XI в. Нестор написал также два агиографические сочинения: «Житие Феодосия» и «Житие св. страстотерпцев Бориса и Глеба».

«Житие Бориса и Глеба» было первым, агиографическим творением Нестора, оно появилось в нач. 80-х гг. XI в., т.е. уже при Никоне. Религиозное и политическое мировоззрение писателя имеет ярко выраженные национальные черты, поэтому влияние Никона тут бесспорно. «Житие Бориса и Глеба» было особенно любимым чтением народа. Нестор написал его «чтобы воздать хвалу христианским добродетелям убиенных князей», а также, чтобы изложить свою национально-русскую доктрину. В основе ее лежит мысль о единстве Руси и о наследственном праве в княжеском роде. Эта мысль ясно выражена у Нестора и в «Житии Феодосия» (в истории спора святого с князем). Нестор был ревностным приверженцем этой идеи, приобретшей впоследствии столь своеобразные черты в деятельности московских святителей.

О том, что эта идея находила поддержку не только у братии Печерского монастыря, но имела сильную опору в монашеских кругах вообще, говорит агиографическое сочинение известное под названием «Память и похвала князю русскому Володимеру». Имя автора неизвестно, с уверенностью можно определить время ее написания, которое относится к 1-й пол. XII в. Неизвестный писатель подвергает сомнению «Корсунскую» легенду, его церковно-политическое мировоззрение носит сугубо национальный русский характер.

Литературно-исторические и агиографические труды печерских черноризцев весьма способствовали формированию национального самосознания Древней Руси. Другие литературные памятники XII в., например, «Хождение в Святую землю игумена Даниила» и «Слово о полку Игореве» говорят о том, что национальное самосознание глубоко укоренилось в народной душе. Не будет преувеличением сказать, что задача формирования национального самосознания складывающегося Русского государства главным образом и в первую очередь решалась древнерусским иночеством. С точки зрения государства, разумеется, это является великой заслугой монашества, но с чисто церковной, христианско-аскетической точки зрения это было необязательно для возрастания первых поколений иноков в условиях общежития.

Отдельный вопрос представляет момент наличия в древнерусском летописании специфических монашеских черт, на которые необходимо обращать должное внимание. Первое, на что обращается внимание исследователя — это то обстоятельство, что к составлению летописи монахи относились как к своему послушанию — делу, от достойного исполнения которого зависит спасительность пребывания инока в монастыре: «игумень Силивестръ святаго Михаила написах книги си Летописецъ, надеяся от Бога милость прияти...» [6, с. 276]. Следом возникает вопрос, какой христианский смысл вкладывался летописцем в составляемые им повествования. Проще говоря, какова цель составления летописи для самих монахов [27].

Возможная цель составления летописи становится понятна, если учесть, что за монастырским богослужением часто читалась книга Откровения св. Иоанна Богослова. Общее настроение ожидания грядущего Суда, свойственное этому разделу Писания, сообщалось всей монастырской жизни. Каждый свой день монах начинал с тропарей «Напрасно Судия приидет...», а монастырская полуношница завершалась грозным «Се жених грядет...» [9]. В одном из тропарей, читаемых во время службы на первой неделе Великого поста, говорится: «На Страшном судилищи без оглагольников (обличи-

телей) обличаюся, без свидетелей осуждаюся; книги бо совестные разгибаются и дела сокровенные открываются» [8]. Представляется, что такими книгами, знающими и повествующими о человеческих деяниях, могли быть летописи. Такое их восприятие отразилось на Руси довольно рано, еще в «Изборнике 1076», составленного для Святослава Ярославича, в 1073–1076 гг. княжившего в Киеве: «Яко да написаеть ся въ твои мысли вьсегда еда запечатлится в твоим сознаниим навечно: Вьторааго пришьствия Соудии Гьрдыи на престоле седяштя: книги отьвързаемы, дела таинная обличаема: любодеяния, татьбы (воровство), грабленя, лихоимания (лихоимство), хоулы, клеветы, зависть...» [3, с. 438-440]. Ведь все известные нам летописи как раз и повествуют о человеческих деяниях, и не всегда самых достойных. В одном из списков «Повесть временных лет» так и озаглавлена: «Повесть временных дей (деяний, поступков) Нестора черноризца Феодосиева Печерскаго монастыря» [28, с. XVIII]. И в Откровении св. Иоанна Богослова, и в Изборнике 1076, и в тропаре о «совестных книгах» сообщается во множественном числе. Но ведь и летописи велись во многих местах многими летописцами и сохранились они в достаточном количестве. Возможно, что именно на Апокалипсис или на великопостный тропарь ориентировались монахи «труждаясь в делах летописания и поминая лета вечныя» [17, с. 356]. Таким образом, летопись, безусловно, имела эсхатологическую направленность, претендуя на звание «совестной книги» человеческих деяний.

Другим свидетельством эсхатологической направленности древнерусского летописания является отношение летописца ко всевозможным «знамениям». «Се оуже наказаеть ны Богъ знаменьи, земли трясениемъ его повеленьемъ: не глаголеть оусты, но дела наказаеть. Всемъ казнивъ ны, Богъ не отьведеть злаго обычая. Ныне землю трясетъ и колеблетъ, безаконья грехи многая отрясти хошетъ, яко лествие от древа», – замечает Серапион, епископ Владимирский [5, с. 440]. Поскольку, по пророчеству, перед концом Света их будет особенно много, летописцы и фиксировали небесные знамения и следующие

за ними казни Божьи, как бы задаваясь постоянно терзающим всех вопросом: не настали ли последние времена? Каждый православный должен в любую минуту быть готовым предстать перед Высшим Судом, а забывшим напоминает Серапион Владимирский: «Слышасте, братье, самого Господа, глаголяща въ Евангелии: «И въ последняя лета будет знаменья въ солнци, и в луне, и въ звездахъ, и труси по местомъ, и глади». Тогда реченное Господомъ нашимъ ныня збысться – при насъ, при последнихъ людяхъ. Колико видехомъ солнца погибша и луну померькъшыю, и звездное пременение!» [Там же].

Другой, несомненно монастырской чертой летописания было соблюдение евангельского «Не судите, да не судими будете. Имже бо судом судите, судят вам» (Мф. 7; 1-2). Отсюда отсутствие субъективности и собственного мнения в оценке событий и даже сохранение противоположных своей точек зрения намногие из них. Например, «Повесть временных лет» донесла до нас два мнения по поводу апостольского учения на Руси и ее крещения. По раннему, сторонником которого был и Нестор, не было апостолов на Руси («телом апостоли не суть сде были»), а крещение ее осуществлено кн. Владимиром по воле Божьей. Согласно другой – апостол Андрей посетил Киевские горы, благословил их и предсказал, что «на сихъ горахъ восияеть благодать Божья» [6, с. 27].

Остается также малоизвестной роль Печерского монастыря в деле христианизации Руси на заре нашей истории. Дело в том, что трудно представить себе проповедь Православия как вероучения и христианской этики на древнерусской земле методом философских диспутов подобно проповеди апостола Павла в греческом ареопаге, или, скажем, путем полемических трактатов по примеру апологетов первых веков на римском Востоке. Скорее всего, проповедь христианства велась больше примером, чем одним только словом. Так что, именно Печерские преподобные надолго стали тем незыблемым идеалом мудрости и духовного богатства, которыми уже с первых веков нашей истории была проникнута вся древнерусская культура – от народных былин и преданий до высокой книжности и церковного искусства.

Источники и литература

1. Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси. Начало Русской литературы XI – начало XII вв. – М., 1978.
2. Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему / подгот. С.П. Розанов. – СПб., 1912. – 210 с.
3. Изборник 1076 года / изд. подгот. В.С. Голышенко [и др.]. – М., 1965. – 1091 с.
4. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. – СПб., 1908. – Т. 2. – XVI с. – 938 стлб. – 87 с.
5. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. – М., 1981. – 616 с.
6. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало Русской литературы XI – начало XII вв. – М., 1978.
7. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. СПб., 1908. – Т. 21, половина 1: Книга степенная царского родословия. – Ч. 1. – VII. – 342 с.
8. Стихаре постный и цветной. XIII в. // ОР РНБ. Соф. 85.
9. Часослов. XII в. пергам. // ОР РНБ. Qn 1. 57.
10. *Вздорнов Г.И.* Искусство книги в Древней Руси: рукопис. кн. Сев.-Вост. Руси XII – начала XV вв. – М., 1980. – 551 с.
11. *Громов М.Н.* Русская философская мысль X–XVII вв. – М., 1990. – 289 с.
12. *Долгов В.В.* Древняя Русь: мозаика эпохи: очерки социальной антропологии общественных отношений XI–XVI вв. – Ижевск, 2004. – 218 с.
13. Илларион (Алфеев), игумен. Преподобный Симеон Новый Богослов и православное предание. Изд. 2-е. – СПб., 2001. – 675 с.
14. Илларион (Алфеев), иеромонах. Жизнь и учение св. Григория Богослова. – М., 1998. – 507 с.
15. *Каждан А.П.* Книга и писатель в Византии. – М., 1972. – 152 с.
16. *Каргер М.К.* Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде // Советская археология. – 1946. – Т. 8. – С. 175–224.
17. *Муравьев А.Н.* Жития святых Российской церкви также иверских и славянских. Месяц октябрь. – СПб., 1856. – 458 с.

18. *Покровский А.А.* Древнее псковско-новгородское наследие: Обзорение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ // Труды XV археологического съезда 1911 г. – М., 1916. – Т. 2. – С. 215–494.

19. *Приселков М.Д.* Митрополит Иларион – в схеме Никон – борец за независимую Русскую церковь: (эпизод из начальной истории Киево-Печерского монастыря) // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели: сб. ст. – СПб., 1911.

20. *Розов Н.Н.* Искусство книги Древней Руси и библиография (по новгородско-псковским материалам) // Древнерусское искусство. Рукописная книга. – М., 1972. – С. 24–51.

21. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. / АН СССР. Отделение истории. Археогр. комис. – М., 1984. – 405 с.

22. Словарь книжников и книжности Древней Руси. В 3 вып. Вып. 1. XI – первая половина XIV в. / отв. ред. Д.С. Лихачев. – Л., 1987. – 494 с.

23. *Слюсарев Д.* Церкви и монастыри, построенные в Киеве князьями, начиная с сыновей Ярослава, до пресечения киевского велико-княжения // Тр. Киевской духовной академии. – 1892. – № 1. – С. 104–154.

24. *Смолич И.К.* Русское монашество. 988–1917 гг. Жизнь и учение старцев. – М., 1999. – 606 с.

25. *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. В 8 т. Т. 2. История Российская. Ч. 2. Гл. 1–18. – М.; Л., 1963. – 352 с.

26. *Толочко П.П.* Древний Киев. – Киев, 1983. – 327 с.

27. *Ужанков А.Н.* Русское летописание и Страшный Суд / «Совестные книги» Древней Руси // Православие.ру. 2000. 28 марта. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravoslavie.ru/archiv/letopis.htm> (24.01.2015).

28. *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. – Петроград, 1916. – VIII, LXXX. – 403 с.

29. *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – СПб., 1908. – XX. – 687 с.

30. *Шевырев С.П.* Истории русской словестности. В 4 ч. Ч. 3. Столетия XIII, XIV, начало XV. – СПб., 1887. – XVI, 223 с.

СЛАВЯНЕ В КАМСКО-ВЯТСКОМ РЕГИОНЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Г.А. Михеева

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ПЕРИОДА ИСТОРИИ ГОРОДА МАЛМЫЖА НА ЮЖНОЙ ВЯТКЕ

В статье характеризуются источники и историография русского периода города Малмыжа на южной Вятки. Автором исследуются разные периоды исторических изысканий, а также вновь вводимые в научный оборот документы, характеризующие становление и развитие системы государственного управления в условиях Просвещенного абсолютизма.

Ключевые слова: история изучения, краеведение, крепость Малмыж, фортификации.

Изучение российского провинциального города Малмыжа началось в конце XVIII в. и включает в себя несколько этапов.

1. Первый этап – накопление фактов и их систематизация. Начало изучения истории Малмыжа относится к концу XVIII в. и связано с именем известного путешественника Н.П. Рычкова [1]. Его расширенные путевые заметки составлены по принципу отличия одних местностей от других и поэтому в них зафиксированы типичные для конкретной местности черты народов, населяющих округу Малмыжа.

Михеева Галина Александровна – преподаватель истории Кировского государственного автодорожного техникума, кандидат исторических наук.

Н.П. Рычков описывает историю Малмыжа до XVII в., основываясь на преданиях малмыжских жителей. Н.П. Рычков относит массовое заселение округа Малмыжа русскими ко времени правления царя Ивана Грозного. В городе, как отмечает путешественник, на момент посещения им Малмыжа уже не было никаких остатков укреплений, в связи с чем им был сделан вывод о первоначальном отсутствии укреплений. Жители города Малмыжа причисляются Н.П. Рычковым к потомкам стрельцов. Описание путешественника ограничивается проблемами, которые можно было рассмотреть на основе устных преданий. Особенностью устного эпического творчества является отражение самых ярких событий истории, окрашенных эмоциональными сюжетами личных переживаний героев. Это придало запискам Н.П. Рычкова богатую эмоциональную окраску.

Накопление фактов по истории Малмыжа как города и начальная систематизация этих фактов продолжились в XIX в. Краткий экскурс в историю Малмыжа дал в 1808 г. первый историк Вятского края А.И. Вештомов [2, с. 204-205]. Его исторический экскурс начинается со времени взятия Казани. Историк совершенно не упоминает дорусский период истории Малмыжа. Историю города А.И. Вештомов рассматривал как часть истории Вятской земли. В задачу историка входило показать историю Вятской земли в составе Московского государства.

В 1841 г. описание уездного города Малмыжа опубликовал священник С.С. Шубин [3, с. 61-64]. Спецификой исследования является процесс христианизации в данной местности. В очерке автор затронул вопросы марийского периода истории Малмыжа, завоевание города русскими, обозначил время строительства русской церкви, изменение административного статуса города и современное публикации описание города. В его оценках исторических событий, связанных с завоеванием Малмыжа, явно присутствует прогрессивное значение русских завоеваний. Возможно, это не только личное мнение краеведа.

С.С. Шубин склонен проводить оценку событий, соотносясь с приоритетами современной его времени официальной точки зрения,

которую выражала газета «Вятские губернские ведомости». Жителей города С.С. Шубин называет посадскими людьми, указывая, что от них произошло сословие купцов и мещан.

В целом исторический рассказ о городе Малмыже С.С. Шубина является несколько видоизмененной версией сообщения Н.П. Рычкова. Краевед С.С. Шубин впервые описывает внешний вид и архитектурный облик Малмыжа середины XIX в. и акцентирует внимание на статусе города как административной единице.

Исторический очерк Малмыжа составил в 1903 г. еще один священник. С.В. Шубин рассказывает историю города в русский период [4, с. 21]. Историк указывал, что в 1584 г. Малмыж получил статус города Казанской области. В это время появилась деревянная крепость, которую охраняли 20, а затем 40 заслуженных стрельцов. Указами 1591 и 1611 гг. (у С.В. Шубина даты даны от сотворения мира – 7099 и 7119) стрельцам пожалована, вместо годового хлебного жалованья, пахотная и сенокосная земля в так называемой Пахотной слободе. Таким образом, превращение крепости в город С.В. Шубин связывает с процессом расселения стрельцов, которые с течением десятилетий становились пахотными крестьянами, занимая официально отведенную им городскую территорию в виде слободы. С.В. Шубин впервые поднимает вопрос о строительстве крепостных сооружений Малмыжа и статусе стрельцов, охранявших город, впервые упоминая царские грамоты начала XVII в.

В 1889 г. краткую историю Малмыжа описал в учебнике по географии Р.Н. Образцов, учитель, инспектор Нолинского городского училища [5, с. 31-40]. Историческое описание Малмыжа систематизировано в учебнике в статусе общепринятых исторических фактов. В учебнике по географии Вятской земли, дается численность населения и площадь города в конце XIX в. Приводится также небольшая справка о состоянии торговли в Малмыже, основных товарах и Екатерининской ярмарке.

В конце XIX в. краткий экскурс в историю Малмыжа проводит А.А. Спицын [6, с. 227-228]. В описании приводятся сведения о

жизни марийских племен до прихода русских, марийских князьях. Легенды, приводимые А.А. Спицыным, рассказывают о начале земледелия у марийцев. Приводятся сведения о битве марийцев и русских, основании нового марийского поселения в 12 верстах от Малмыжа – Черемисского Малмыжа. А.А. Спицын детально следует содержанию легенд, передавая их первоначальный смысл. Для ученого важно сохранить информацию, которая имеется в марийских памятниках устного народного творчества. А.А. Спицын упоминает интересные детали в преданиях, которые могут служить ориентирами в датировке различных этнических процессов в Малмыжском крае.

В целом первый этап в изучении Малмыжа характеризуется сбором краеведческих сведений. Этот период историографии Малмыжа можно назвать накопительным, т.к. историки в первую очередь поставили своей задачей зафиксировать разные виды исторических источников, особенно устных преданий.

2. С начала XX столетия начинается второй этап изучения Малмыжа как города – научное осмысление локальной истории. В самом начале XX в. историю Малмыжа подготовил М.Г. Худяков, историк, археолог, этнограф, доктор исторических наук. Он начал работать над темой, будучи еще студентом. Его многочисленные труды по истории Малмыжа можно назвать фундаментальными исследованиями для своего времени. Уроженец Малмыжа, он окончил гимназию в Казани и Казанский университет. В своих исследованиях опирался на предания, собранные С.В. Шубиным, С.К. Кузнецовым, К.П. Чайниковым, собственные записи. Автор множества работ по истории Малмыжа считал поздние добавления в версию Н.П. Рычкова произвольными [7, с. 35]. В 1920-е гг. М.Г. Худяков осуществил небольшую археологическую разведку в пределах города. Таким образом, М.Г. Худяков впервые актуализировал ряд вопросов, имеющих научный характер.

В XX в. в научный оборот вводятся новые источники. А.А. Эммаусский в работе «Вятские города 200 лет назад» основывается на «Топографическом описании наместничества 1784 года» по прислан-

ной из кабинета Екатерины II анкете [8, с. 255-262]. Историк вводит в научный оборот ценный источник по истории Вятского края.

Архитектурное наследие Малмыжа в системе городов Вятского понизовья рассмотрено в 1990-е гг. архитектором Л.Б. Безверховой [9, с. 172-173]. Впервые Л.Б. Безверхова составила динамику изменения планировочной структуры города в XV–XVIII вв.

В последние десятилетия проблемы формирования и развития культурного ландшафта городов Марийского края впервые начал разрабатывать А.Г. Иванов [10]. Им были сформулированы важные вопросы специфики развития городов на Марийской земле. Проблемы вхождения города Малмыжа и в целом марийских земель в состав Русского государства обстоятельно рассмотрены А.Г. Бахтиным [11]. Г.Н. Айплатовым и А.Г. Ивановым были исследованы и введены в научный оборот ценные источники по истории марийского народа в составе Русского государства [12]. В последнее время А.Г. Иванов и Г.Н. Айплатов продолжили публикацию уникальных сведений о самобытных традициях марийцев и русских Вятской губернии.

Культурный ландшафт Малмыжа формировался на многонациональной территории. Вопрос о взаимодействии населения различных национальностей в составе Русского государства обстоятельно рассмотрен в работах В.Д. Димитриева [13, с. 3-17]. Отмечено большое влияние на судьбу Малмыжа борьбы Русского государства с Казанским ханством.

На протяжении XIX и XX столетий в основном проведено накопление фактов по истории российского провинциального города Малмыжа, оформился общий свод этих сведений. В начале XXI в. история города требует переосмысления ряда этапов его развития уже на новом, более сложном уровне. Сделать это возможно с привлечением целого комплекса разноплановых исторических источников.

Особое значение для воссоздания облика русского города имеет изучение историко-культурных процессов, комплексное использование цивилизационного и формационного подходов, выявление особенностей отражения общероссийской истории в микроисториче-

ских, локальных вариантах и особенно – закономерностей освоения и развития культурного ландшафта городскими структурами.

Источники. Источники по заявленной теме уместно разделить на несколько групп. Для реконструкции ранней истории города и его окружи целесообразно использовать археологические материалы, а также предания. Еще с конца XIX в. к изучению различных мест Вятской губернии стали привлекаться археологические материалы. Впервые археологические материалы в научный оборот вводил А.А. Спицын [14].

В начале XX в. начинается пристальное внимание к устным преданиям, как источнику по истории края. И хотя их историческая достоверность ставится под сомнение, все-таки они признаются как один из интереснейших и аттрактивных источников, дополняющих канву исторических фактов живописными подробностями. О сборе преданий начал говорить в начале XX в. М.Г. Худяков, который уточнял, что в фольклоре можно найти сведения исторического характера. Эти сведения ценны для нас как показатель осмысления культурного ландшафта этносом.

К XVII в. сформировался культурный ландшафт русского провинциального города Малмыжа. Вятский регион уже прочно входил в состав Русского государства. В этот период важную роль в реконструкции исторического прошлого рассматриваемой территории играют письменные источники. В 2006 г. известный исследователь А.Г. Иванов отметил, что Г.А. Михеевой выявлены впервые вводимые в научный оборот фонды РГАДА (Российского государственного архива древних актов) [15]. Это позволило Г.А. Михеевой проследить специфику становления российской системы государственного управления, которая характеризуется рядом принимаемых к рассмотрению в органах управления вопросов. Также Г.А. Михеева отметила ряд характеристик исторического периода, которые отражены в документах как описания конкретных ситуаций. Среди этих документов – ландратские и ревизские сказки, челобитные, документы Малмыжской воеводской канцелярии и др. Эти документы относятся

в XVII–XVIII вв. В них содержатся сведения об экономическом состоянии Малмыжа и его округа, данные о населении и сословной картине города, расширении и усложнении городской территории, ее внутренней застройке, культурных объектах [16].

Писцовые книги – один из основных источников по социально-экономической истории. Первой писцовой книгой Малмыжской земли можно считать книгу Ивана Болтина, относящуюся к 1603 г. [17, с. 10-12]. В 1662 г. в «Книге Малмыжского города» зафиксирован факт присылки документа из Казани за подписью дьяка Афанасия Ташлыкова о повелении «переписать и сделать имянную и перечневую наличную роспись, сколько в Малмыже наличо и в отсылках всяких служилых и посадских людей порознь по чином и у них детей и братьей и племянников и соседей и подсоседников, которые Великого Государя в службу поспели и которые в недорослях с именами и с Отцы и с прозвищами и сделав имянную и перечневую наличную роспись присылать в Казань по вся годы в сентябре...» [18, с. 48]. Из данной записи видно, что переписывалось мужское население с целью учета возможных служивых людей.

В начале XVII в. в связи с острой потребностью государства в деньгах была проведена реформа налогообложения. В 1716–1717 гг. состоялась ландратская перепись. Ее итоги выявили необходимость замены нестабильной, трудно определяемой фискальной единицы – двора, и подворная система была преобразована в подушную.

Подушные переписи получили название ревизий. Как известно, ревизский учет населения – это учет податного населения для сбора подушной подати и реализации воинской повинности. Указ о проведении первой ревизии был издан 26 ноября 1718 г. Сначала для подачи ревизских сказок устанавливался срок в один год, а вся ревизия должна осуществляться за три года. За 140 лет было проведено десять ревизий: пять в XVIII в. и пять в XIX в. В Малмыже первые перечневые росписи населения города начали составляться в XVII в.

Ревизские сказки 1721 г., переписные книги купцов и пахотных солдат, материалы второй ревизии 1748 г., а также третьей ревизии,

проходившей в Малмыже в течение восьми лет с 1762 по 1770 г., подавались через Малмыжскую канцелярию в администрацию Казанского уезда. Ревизские сказки являются ценными источниками, характеризующими социальную структуру города в XVIII в.

Важным источником для реконструкции динамики культурного ландшафта городов с XVIII в. являются многочисленные челобитные. Законодательство того периода характеризовалось следующим образом. Активизация законотворчества вела к противоречию, особо остро ощущавшемуся в XVIII в., когда еще не была окончательно отработана законодательная процедура между абсолютистской государственной властью и стремлением к детальной (если не сказать мелочной) регламентацией жизни общества и частной жизни подданных. Например, на имя императрицы Анны Иоанновны поступает из Малмыжа множество челобитных по самым различным вопросам: о пропаже двух лошадей, о беглых крестьянах, о проблемах с постояльцами во дворе солдата пригорода Малмыжа. Зачастую ответ приходилось ждать несколько месяцев, но на каждый случай поступал Указ от имени императрицы с повелением о правилах разрешения вопросов [19].

С конца 60-х гг. XVIII в. началось первое крупномасштабное обследование состояния земель России – Генеральное межевание, предпринятое по манифесту Екатерины II, которое продолжалось и в первой половине XIX в. С этого времени появляются исторические источники, на основе которых представляется возможным проследить характер межевания и распланирования городских территорий, что подтверждают материалы по городским и пригородным дачам Малмыжа из Фонда Вятской губернской чертежной комиссии (межевого архива) Государственного архива Кировской области.

Особый интерес представляют картографические материалы, относящиеся ко времени массового освоения Малмыжской земли русскими и собиравшиеся для официальных учреждений с целью уточнения податных ресурсов. Планы входили в свод документов Главного инженерного управления и в каталог военно-ученого архива Российского Государственного военно-исторического архива.

В XIX в. ушли в прошлое челобитные, остались прошения, место проеморий заняли отношения, т.е. документы, направлявшиеся по нисходящей вертикали государственных учреждений. В связи с необходимостью вносить деньги на нужды города, в конце XVIII в. существует необходимость учета купеческого городского населения. Особой разновидностью донесений служат различные отчеты, посылаемые нижестоящим учреждением вышестоящему. Сведения о состоянии Малмыжа периодически включаются в отчеты Вятского губернатора. Журнал становится обычным явлением как форма фиксации обсуждения и решения различных вопросов на заседаниях различных учреждений. В Малмыже сохранились, например, журналы заседаний Городской думы. На смену пыточным речам приходит протокол допросов и письменные показания подследственных.

В разные исторические периоды возникают различные учреждения, которые выполняют административные функции на местах. В начале XVIII в. таким фискальным органом был Малмыжский магистрат, который появился в результате реформ Петра I. Позднее существовала должность Малмыжского городского головы и такое учреждение как Малмыжский распорядительный уездный комитет, а также учреждения губернского масштаба, такие как канцелярия Вятского губернатора и Вятский губернский статистический комитет. В документах этих учреждений сохранились сведения в большей степени статистического характера с позиции официальной политики своего времени.

Справочные издания как самостоятельный вид исторических источников содержит информацию о государственном аппарате служащих. Среди них – адрес-календари Вятской губернии. В 1888–1894гг. в «Календарях Вятской губернии» печатались сведения на основании доставленных городскими управами программам о хозяйстве городов.

Изменение способа государственного управления на протяжении XIX в. породило новый вид источников, таких как статистика. Органами статистики на местах были губернские статистические ко-

митеты, которые составляли статистические таблицы и приложения к губернаторским отчетам. В 1860 г. вышло «Положение о губернских и областных статистических комитетах». В соответствии с этим документом провинциальные статкомитеты взяли на себя, помимо статистических работ, налаживание краеведческой работы на местах и содействие проведению подробных описаний «... городов и особенно по чему – либо замечательных в губернии или области местностей, в отношении топографическом, историческом, промышленном, торговом, сельскохозяйственном и проч.» [20, с. 319]– для дальнейшего использования фактов применительно к статистике Вятской губернии.

С появлением периодической печати появилась возможность установить связь по линии «общество – личность». Местная газетная периодика появилась позже столичных газет. В России местная печать начала развиваться с официального издания «Губернских ведомостей» согласно правительственному положению об издании официальных печатных органов в губернских городах. «Вятские губернские ведомости» издавались в г. Вятке с 1837 г.

Роль издателя была очень велика, часто издатель был одновременно и редактором. Изучение личности издателя способствует пониманию целей, которые он преследовал. А.И. Герцену, будучи в ссылке в Вятке, пришлось участвовать в подготовке неофициальной части «Вятских губернских ведомостей» [21, с. 24]. Несколько статей было подготовлено им к печати в 1838–1842 гг. Известно, что А.И. Герцен содействовал развитию изучения родного края. Не без его участия была опубликована статья по истории города Малмыжа С.С. Шубина в 1841 г.

Краеведческие находки ценных документов и первично обработанные на начальном (краеведческом) – уровне материалы продолжали публиковаться и в первой половине XX в. Но, к сожалению, часть рукописей осталась в неопубликованном виде. Среди них ценные рукописные работы П.Н. Луппова [22], которые были разработаны им для Вятского НИИ краеведения в 1930-е гг. Сейчас рукописи П.Н. Луппова хранятся в собрании Кировского областного краеведческого музея.

В фондах Малмыжского музея находятся документы о православных объектах города. Например, в ведомостях о церквях и причтах Первого благочиннического округа, содержатся сведения по истории православных храмов города [23].

В Кировском областном краеведческом музее хранятся фотодокументы, характеризующие общий вид города и православных храмов в начале XX в.

Собранием сведений о состоянии в XX в. культурного Малмыжа являются постановления Малмыжского районного исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, Малмыжской городской администрации. Документы хранятся в архивном отделе администрации Малмыжского района Кировской области. В этих источниках впервые начинает проследиваться осознание ценности культурного ландшафта города как памятника природы и истории [24].

Таким образом, комплексное использование разных групп источников является основой для реконструкции культурного ландшафта города Малмыжа и его округа, решения проблем органичного развития города в природной среде, выявления специфики города в различные эпохи, динамики его функций и т.д.

Источники и литература

1. Рассказ Н.П. Рычкова о покорении Малмыжа // ТВУАК. – 1916. – Вып. 1-2. – Вятка, 1916. – Отдел 3. Прил. – С. 45; Рычков Н.П. Журнал или Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства // Энциклопедия земли Вятской. Т. 4. История. – Киров, 1995. Приложение II. – С. 124–133.

2. История вятчан времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества, или с 1181 по 1781-й год через 600 лет сочиненная главным народного училища учителем исторических наук титулярным советником Александром Вештомовым в 1807 и 808-м годах. – Казань, 1907.

3. Шубин С.С. Описание уездного города Малмыжа // Вятские Губернские ведомости. – 1841. Прибавление к № 34. – № 17.

4. Шубин С.В. К истории города Малмыжа // ТВУАК. – 1915. – Вып. 2-3. Отдел 3. – Вятка, 1915.
5. Образцов Р.Н. Учебный курс географии Вятской губернии (Родиноведение). – Вятка, 1889.
6. Спицын А.А. К истории Вятских инородцев // Календарь Вятской губернии на 1889 год. – Вятка, 1889. Отдел 5.
7. Худяков М.Г. История покорения Малмыжского края // Полтыш-князь черемисский. Малмыжский край. – Йошкар-Ола, 2003.
8. Эммаусский А.А. Вятские города 200 лет назад // Полтыш – князь черемисский. Малмыжский край. – Йошкар-Ола, 2003. – С. 255–262.
9. Безверхова Л.Б. Города Вятского понизовья. Конец XVI в. // Энциклопедия земли вятской. Т. 5. Архитектура. – Киров, 1996.
10. Иванов А.Г. Очерки по истории Марийского края XVIII века. – Йошкар-Ола, 1995.
11. Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. – Йошкар-Ола, 1998.
12. Айплатов Г.Н., Иванов А.Г. Владенные выписи ясачных марийцев Кокшайского уезда 1686 года // Марийский археографический вестник. – Йошкар-Ола, 1997. – №7. – С. 119–140; они же. «Государева служба» и именные списки «конной черемисы» в документах середины XVII века // Марийский археографический вестник. – Йошкар-Ола, 2005. – №15. – С. 165–172; Айплатов Г.Н. Расселение марийцев во второй половине XVI- начале XVII веков // Происхождение марийского народа. – Йошкар-Ола, 1967. – С. 140–146; Иванов А.Г. Культура и быт русских и марийцев Яранского уезда Вятской губернии в описаниях приходского духовенства середины XIX века // Марийский археографический вестник. – Йошкар-Ола, 2005. – №15. – С. 172–186.
13. Димитриев В.Д. Сведения о чувашских землях, селениях и крестьянах в Свяжских писцовых книгах 1565–1567 годов // Исследования по истории дореволюционной Чувашии. – Чебоксары, 1989.
14. Спицын А.А. Новые сведения по доисторической археологии Вятского края. – Вятка, 1887.
15. РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. – Оп. 2. Ч. 1. – Д. 1102, 1138, 1149, 1153, 1181; Ф. 1040. Малмыжская воеводская канцелярия. – Оп.1. – Д. 1, 2, 4. Сборники входящих челобитных 1736 г.

16. РГВИА. Ф. 349. Главное инженерное управление. – Оп. 47. – Д. 2434. Малмыж. План. 1784 г.; Ф. 846. Каталог военно-ученого архива. – Оп. 16. – Д. 20735. Генеральная карта Вятской губернии.

17. Волость черемисская в Малмыже по списку с писцовой и межевой книги Ив. Болтина 7111 (1603) года // ТВУАК. – 1907. – Вып. 2. – Вятка, 1908. Отдел 3.

18. Книга Малмыжского города // ТВУАК. – 1915. – Вып. 2–3. Отд.

19. ГАКО. Ф. 9. Малмыжский городской магистрат. – Оп. 3. – Д. 7, 12; Ф. 835. Малмыжский городской голова. – Оп. 1. – Д. 1, 2, 3, 25; Ф. 1287. Малмыжский уездный распорядительный комитет. – Оп. 1. – Д. 3, 4, 6.

20. Положение о губернских и областных статистических комитетах // Вятские Губернские ведомости. – 1861. – № 39.

21. *Чудова Г.Ф.* В те далекие годы (очерки по истории краеведения Вятской губернии). – Киров, 1981.

22. *Луппов П.Н.* Историческая справка по развитию важнейших грунтовых дорог в Вятском крае в XVI–XVIII столетиях. Рукопись. – Библиотека КОКМ, 1928; Он же. Колонизация территорий Кировской области и районирование ее в прежнее время. Рукопись. – Библиотека КОКМ, 1941.

23. Ведомость о церквях и причтах Первого благочиннического округа // Фонды Малмыжского краеведческого музея Кировской области, без номера.

24. Архивный отдел администрации Малмыжского района (АОАМР) Кировской области. Ф. 1. Малмыжский районный исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Нижегородского края. – Оп. 1. – Д. 10, 16, 18, 21, 23; Ф. 52. Малмыжский городской совет. – Оп. 1. – Д. 10, 622, 778, 874.

С.Н. Шихов

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РУССКИХ КРЕСТЬЯН ЕЛАБУЖСКОГО И САРАПУЛЬСКОГО УЕЗДОВ (XVIII – начало XX вв.)

Статья посвящена анализу познавательного потенциала архивных документов для генеалогических реконструкций. Обращено внимание на состояние российской и региональной историографии в указанной проблематике. На примерах прослеживается история некоторых семей.

Ключевые слова: архив, генеалогия, документ, историческая память, история семьи, малая родина, родословная, семейный ценности.

Интерес к истории Отечества закладывается в раннем возрасте не только в школе или учебных заведениях, но, прежде всего, в семье, когда ребёнок задаёт вопросы, спрашивает родителей о своих предках, бабушек и дедушек об их родителях, дедах и прадедах. Акция «Бессмертный полк» во время 70-летнего юбилея Победы ещё раз показала актуальность семейных ценностей и сохранения памяти предков среди миллионов наших соотечественников. Однако знание

Шихов Сергей Николаевич – магистрант Института истории и социологии Удмуртского государственного университета, преподаватель социально-экономических и гуманитарных дисциплин в системе среднего профессионального образования, краевед, член Ижевского отделения УРО РОИА (Российского общества историков-архивистов).

семейной истории большинством населения ограничивается, как правило, не более чем на три-четыре поколения и не простирается ранее XX в. Как заявил Президент РФ Д.А. Медведев на совместном заседании президиумов Совета по культуре и искусству и Совета по науке, технологиям и образованию 22 апреля 2011 г., посвящённом подготовке к празднованию 1150-летию зарождения российской государственности: «...Практически три четверти населения нашей страны не знают своих предков, это печально. Многие равнодушны просто и к истории своего города или села. Да, сейчас интерес к этому пробуждается, но опять же, если сравнить ситуацию, допустим, с ситуацией в Западной Европе, да и во многих других частях света, там практически любой гражданин, не важно, какого он рода и звания, что называется, каковы его корни, может проследить своих предков на много колен назад. У нас это истёрли из памяти, тому были идеологические объяснения, как вы помните, просто отказывались иногда от родственников и от своего социального происхождения, как принято было говорить. Но на самом деле это часть нашей общей истории, и от отношения к своей семейной истории зависит отношение к истории государственной» [1].

Но история семьи – это не только близкие родственники, это история рода, представители которого ощущают свою причастность к прямому предку и другим представителям на протяжении многих поколений. Не зря в мусульманских семьях шежере (родословие) должно было быть не менее семи поколений, а в православных семьях, как указывает Е.М. Берестова, церковный брак запрещался до 5-й степени кровного родства [2, с. 59-60], из чего любой православный крестьянин должен был знать, как минимум, своих прадедов и прапрадедов (деды дедушек и бабушек), всех их потомков, родственников и свойственников.

Изучением истории рода и семьи занимается генеалогия – вспомогательная историческая дисциплина, изучающая, по определению М.Е. Бычковой, «родственные связи между отдельными лицами и историю семей различного социального происхождения» [3].

Среди известных историков-генеалогов конца XIX – начала XX вв. можно выделить таких известных исследователей, чьи работы касались, в основном, изучения русского дворянства, как кн. Долгоруков Пётр Владимирович, кн. Лобанов-Ростовский Алексей Борисович, В.В. Руммель и В.В. Голубцов – авторы фундаментальных трудов по русскому дворянству в виде родословных книг), Баумgarten Николай Александрович и Экземплярский Андрей Васильевич изучали генеалогии Рюриковичей как в целом, так и их отдельные ветви, Савёлов Леонид Михайлович, который занимался историей мелкопоместного дворянства и впервые заложил теоретические основы научной генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины, написав курс лекций по генеалогии [4, 5].

В 1920-е гг. изучение истории отдельных семей не столько дворянского или купеческого сословия, сколько представителей династий деятелей науки и искусства ещё продолжается и развивается по инерции. Например, в публикации Е.В. Пчелова семьи Пушкиных, гр. Толстых, декабристов, писателей и поэтов, деятелей науки и искусства анализируются как с точки зрения их генеалогии, так и медицинской генетики, позволяя проследить родственные связи знаменитостей [6]. Впоследствии тема генеалогии, евгеники и генетики оказалась под запретом вплоть до конца 1980-х гг. Авторы второй половины XX – начала XXI в. изучают историю семьи в контексте её принадлежности к определённому сословию (купечеству, дворянству или крестьянству), выявляя те или иные закономерности развития того или иного рода на фоне истории страны. Среди важных публикаций можно отметить научные диссертационные исследования А.С. Кулешова «Род Аксаковых в истории России: социогенеалогическое исследование» (Москва, 2010); Р.А. Гимазовой «Просветительская деятельность Нигматуллиных-Буби: конец XIX – начало XX веков» (Казань, 2004); И.В. Масловой «Купеческая династия Стахеевых: вторая половина XIX в. – 1917 г.» (Казань, 2000); И.В. Есиевой «Купеческая династия Ушковых: первая половина XIX в. – 1918 г.» (Казань, 2004). Широко известно имя А.И. Аксёнова – основоположника полномасштабного

научного изучения генеалогии российского купечества. М.Е. Бычкова подготовила ряд научных и популярных изданий по генеалогии. В.Б. Кобрин занимался вопросами опричнины и княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв., и в 1984 г. опубликовал учебник по вспомогательным историческим дисциплинам, в том числе и генеалогии. И.Н. Извеков в диссертации «Формирование генеалогической культуры старшекласников...» (2011 г.) показывает роль изучения истории семьи в процессе воспитания молодого поколения.

Несмотря на открытость архивов и бурный интерес к генеалогическому и краеведческому направлению за последние 25 лет на общероссийском уровне, в Удмуртии не было создано, в отличие от других регионов (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Пермь, Мурманская и Ярославская области и др.), историко-родословных или генеалогических обществ. Долгое время практически не было научных исследований по истории крестьянства русского происхождения Вятской губернии на современной территории Удмуртии (Глазовский и Сарапульский уезды, части Малмыжского и Елабужского уезда). Среди изданных трудов по историко-родословной и краеведческой тематике хотелось бы в первую очередь отметить фундаментальный труд в виде коллективной монографии «Предпринимательские династии Камско-Вятского региона. XVIII–XX вв.». Книга посвящена судьбам более чем десяти прикамских купеческих династий, богато иллюстрирована оригинальными фотографиями XIX – начала XX вв., снабжена научно-справочным аппаратом, генеалогическими таблицами и родословными схемами [7, с. 250-266]. В 2009 г. Э.В. Алексеева, одна из соавторов указанной монографии, опубликовала более полный вариант родословной своих предков из ижевских фабрикантов и купцов отдельным изданием [8].

В конце 2013 г. Санкт-Петербургским генеалогом-любителем сарапульского происхождения А.А. Потаповым выпущена в свет книга «Истоки сарапульского родословия. Поколенная книга сарапульских родов. Село Вознесенское – село Сарапул, на основе документов 1621–1780 гг.», где публикуются обработанный материал

в виде готовых посемейных списков по источникам РГАДА, ГАКО и НА РТ XVII–XVIII вв. [9, с. 10-118]. Вместе с электронным ресурсом (компакт-диск) «Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков» В.С. Чуракова [10] труд А.А. Потапова является практически единственной возможностью для потомков первых жителей Сарапула поработать с источниками, не выезжая в архивы Москвы, Казани и Кирова.

Среди краеведов, историков-архивистов и генеалогов-любителей, работавших в ЦГА (г. Ижевск), НА РТ (г. Казань), ГАКО (г. Киров) и опубликовавших свои историко-родословные изыскания, можно выделить труды историка-краеведа и журналиста С.А. Жилина «Граховы – обыкновенная история. Семейно-генеалогический очерк», где автор впервые публикует не только факты семейной хроники Граховых, но и картину жизни русской крестьянской семьи XIX в. на основе архивных данных [11, с. 38-64], и «Старое Грахово», описывающий жизнь одноимённого села в XIX в. В приложении автор даёт список всех жителей села на март 1816 г. по материалам 7-й ревизской сказки [12, с. 148-153]. Краевед П.П. Фертиков в книге «Починок Патраковский – деревня Патраки...» [13, с. 118-163] публикует родословные росписи всех жителей деревни с 1863 по 2008 гг. на основе архивных материалов ЦГА УР и устного опроса потомков первых односельчан. Заслуживает огромного уважения труд С.Г. Шейдаевой, посвящённый не только своей родословной, но и анализу и происхождению фамилий русских людей, заселивших Бемьшевский медеплавильный завод в XVIII–XIX вв. [14, с. 25-126]. Хотя вышеупомянутая монография С.Г. Шейдаевой была издана лишь в 2012 г., хорошо помню, как зимой 2000–2001 гг. в читальном зале старого здания ЦГА УР на улице Удмуртской г. Ижевска Светлана Григорьевна тщательно просматривала метрические книги и духовные росписи по Ф.72 «Свято-троицкой церкви Бемьшевского завода (село Бемьж Елабужского уезда)». Нельзя не отметить также таких исследователей как В.П. Митрохин, А.В. Нельзин, В.С. Логинов, Е.Ю. Уральцева и многих других, чьи генеалогические исследования

по непривилегированным сословиям нашего края не были опубликованы массовыми тиражами.

Для некоторых историков-исследователей изучение истории семьи, генеалогия и родословная являлись лишь начальной точкой для последующего профессионального занятия историей как наукой. Например, А.Л. Мусихин, родившийся в г. Кирове и живущий в Нижнем Новгороде, от истории своей семьи и родословной пришёл к источниковедению и историографии Вятки в целом, участвует в исторических конференциях и считается серьёзным специалистом в вопросах ранних источников Вятской земли.

Для восстановления родословных предков, живших на территории нынешней Удмуртии, большую ценность представляет методическое пособие А.В. Огородниковой [15]. Так же можно выделить публикации в периодической печати писателя, поэта, краеведа и исследователя Ижевска и Вятской губернии С.А. Жилина, где он подробно описывает свою деятельность в архивах Ижевска, Кирова, Казани и других городов, даёт полезные советы начинающим любителям архивного поиска. Как путеводитель для работы в Центральном государственном архиве УР (ЦГА УР) при поиске предков необходим также справочник «Православные храмы...», где даны сведения не только о всех православных и старообрядческих приходах, существовавших до революции на территории Удмуртии, но и о документах личного и генеалогического характера, которые велись православной церковью – это метрические книги, духовные (исповедные) росписи и брачные обыски [16]. В плане методологии поиска предков можно выделить книгу А.В. Краско «Школа практической генеалогии. Методическое пособие для начинающих генеалогическое исследование», которая была издана Российской Национальной библиотекой при содействии Русского генеалогического общества (г. Москва) [17].

Источниками получения информации для изучения истории крестьянской семьи являются, в основном, архивные документы, такие как метрические книги и духовные (исповедные) росписи

за XVIII – начало XX вв., ревизские сказки XVIII–XIX вв. (последняя ревизия податного населения состоялась в 1858 г.), Первая Всероссийская перепись населения 1897 г., сельскохозяйственные переписи и похозяйственные книги XX в. В метрических книгах и ревизских сказках содержится информация личного характера, к которой относится дата рождения, венчания и смерти, имена, отчества и фамилии предков и родственников, что в большинстве своём интересует только представителей конкретной семьи, их потомков и родственников. Также в данных документах можно проследить пути миграции русских крестьян, когда на протяжении всего XIX в. на территории Елабужского и Сарапульского уездов Вятской губернии активно осваивались новые земли и появлялись русские починки и деревни.

Например, интересно проследить появление русских крестьян в удмуртской деревне Селянур Елабужского уезда по документам ЦГА УР (г. Ижевск) и НА РТ (г. Казань):

Ведомость о крестьянах, переселившихся из прихода села Анзирки в приход завода Бемышевского, составленная священноцерковнослужителями села Анзирки с показанием из метрических книг, кто именно и в каком году родился [18, лл. 1-1об.] (см. табл.).

Эта же семья встречается в документах фонда ревизских сказок Национального архива Республики Татарстан [19, л. 83об.-84].

В ревизской сказке д. Новая Анзирка Елабужского уезда Вятской губернии за 1858 г. значится: Митрофан Андреевич Марков – на 1850 г. ему было 50 лет. По распоряжению палаты Г.[осударственных] имуществ от 17 сентября 1856 г. за №734 перечислен Граховой волости Староятчинского сельского общества в д. Селянур. Жена Авдотья Димитриева.

Сыновья: Семен – на 1850 г. ему было 25 лет. Жена Настасья Кирилова. Дочь Дарья. Сыновья: Козьма, Макар.

Архип – на 1850 г. ему было 21 год. Жена Авдотья Антонова. Сын Лавр – на 1850 г. ему было 1 год.

Запись №78. Основание: Ф. 3, оп. 2, д. 575, л. 83об.-84.

=1855 года=

число людей			
мужского пола	женского пола	Ясашные крестьяне и их домашние	лета от рождения
			кто именно в каком году родился
1		Игнатий Фокеев Курылев	49
	1	жена его	
		дети их (7 человек)	
6		Брат его Иван Фокеев	
	5	жена его Домна	
		дети их (6 человек)	
11		Михайло Михайлов Колчин	49
		жена его	
		дети их (4 человека)	
14		Михайла Михайлова Колчина отец отставной солдат Михаил Иванов	69
	11	жена его Матрона Аврамова	70
			* умер в 1867 году в возрасте 86 лет (прим. С. Н. Шихова)
			по духовным росписям за 1854 год
15		Митрофан Андреев Марков	60
	12	жена его Евдокия Дмитриева	60
			по духовным росписям за 1854 год
16		дети их Симеон	30
			род. 1825 г., января 2 дня
17		Архип	26
	12	жена Симеона Настасья Кирилова	
18-21		внуки Митрофана Андреевича Маркова	
		жена Архипа и внучки Митрофана Андреевича Маркова	
	13-16		
священник Стефан, диакон Василий Свечников			

Архивные документы, подтверждающие переезд первых жителей починка Юрино Елабужского уезда из села Колесниково Сарапульского уезда [20, л. 71]: Выписка о бракосочетании:

Запись о бракосочетании по части II метрической книги Проуро-Ильинской церкви села Новогорское за 1861 год.

Запись № 13 от 24 февраля 1861 года.

Жених: Сарапульскаго уезда села Колесникова, проживающего в Юринскомъ Елабужскаго уезда удельнаго крестьянина Стефана Аврамова Савинова сынъ Наумъ, православнаго вероисповедания, холость, 23 лет.

Невеста: Девица прихода села Новогорскаго Пророко-Ильинской церкви отданнаго в военную службу крестьянина Алексія Григорьевъ Федотовыхъ дочь Евфимия, православнаго вероисповедания, 20 летъ.

Поручители: по женихе и невесте села Новогорскаго крестьянинъ Павелъ Симеоновъ Дроздовъ, починка Верхнекокшанскаго удельный крестьянинъ Филиппъ Яковлевъ Питерскихъ и починка Юрина удельныя крестьяне Киприанъ Никифоровъ Юринъ и Антоній Дмитріевъ Санниковъ.

Далее по селу Колесникову (которое с 1780 по 1918 гг. входило в Сарапульский уезд Вятской губернии) в ф. 420 ЦГА УР документы по жителям села в виде метрических книг и духовных (исповедных) росписей сохранились с 1780 по 1922 гг., что позволяет перейти от фондов ЦГА до времён Петра I к фондам РГАДА Ландратной переписи и первых ревизий населения Каракулинской дворцовой волости Уфимского уезда Казанской губернии.

В качестве примера генеалогического исследования собственной родословной в результате работы в архивах Ижевска, Кирова и Казани на протяжении более чем 15 лет (с 2000 по 2015 гг.) можно привести результат в виде родословного древа на 7 линий из 8 (прадедушек и прабабушек) глубиной в 12 поколений с 1714 по 2014 гг. Хотя это и не предел, если в РГАДА сохранились документы по населённому пункту и процессе исследования родословной не возникло «белых пятен», то вполне возможно выйти к временам Ивана Грозного и Бориса Годунова, даже если предки были из простых русских крестьян.

Несмотря на то, что, например, все мои предки, известные по архивным документам с 1714 г., принадлежали к крестьянскому сословию, среди них было много замечательных личностей. К примеру, один из моих прадедов, Иван Михайлович Балаухин, участвовал в Первой мировой войне, а во времена коллективизации из-за угрозы раскулачивания ему пришлось уехать из деревни в город к своему старшему сыну, который был директором завода, а во время Гражданской войны воевал на стороне красных. Другой мой предок воевал на стороне белых, и судя по делу, хранящемуся в ЦГА УР, возвращение

в семью НКВД ему «припомнил» спустя полтора десятилетия. При чтении листов архивного дела 85-летней давности [21] о том, какой был «кровопийца и эксплуататор трудового народа» покойный Иван Степанович Шихов, а его вдову Наталью Никитичну Шихову и четверых детей «освободили» от всех их вещей, от тарелок до платьев и до мельницы с домом, наворачивались слёзы... Оба моих деда, Иван Иванович Шихов и Алексей Иванович Пролеев, доблестно сражались во время Великой Отечественной войны на Курской дуге, в Сталинграде и Восточной Пруссии, получили награды, имели ранения... Да и сам мой интерес к истории возник с дома моего деда и бабушки, который в XIX в. имел два этажа – кирпичный низ и деревянный верх, а по преданию старожилов (Лидии Константиновны Граховой, родившейся в нём до революции), в 1812–1813 гг. там жили пленные французы, в чём я не зря сомневался, и сведения не подтвердились документально.

История любой семьи заслуживает достойного изучения и уважения. И если даже в какой-либо семье не было государственных и общественных деятелей, знаменитых представителей науки, искусства, литературы, в любом случае родственники в каждой семье достойны памяти потомков. Примером может служить 400-летний род Строгановых, одна ветвь которого – потомки Аникея Фёдоровича Строганова – стала знаменитой купеческой династией, представители которой впоследствии получили графский и баронский титулы, а затем даже породнились с правящей династией Романовых. Другая ветвь рода – потомки родного брата вышеупомянутого, Владимира Фёдоровича Строганова, так и остались на протяжении многих столетий государственными крестьянами, среди которых не появился ни один прославившийся чем-либо деятель [22, с. 38-45].

Невозможно научиться любить свою страну, заинтересовать человека историей Отечества без знания семейной истории, где в любой крестьянской или рабочей семье были свои герои, пусть даже и не отмеченные официальным званием или наградами при сражениях в Великой Отечественной, Первой мировой, Гражданской и других

войнах. Историю делают люди, её создавали наши предки и родственники. Таким образом, зная свою родословную, история России предстаёт перед нами не только в обезличенных датах и жизнеописаниях знаменитых политиков и общественных деятелей, но и через судьбу конкретных людей и их родственные связи.

Источники и литература

1. Президент РФ. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/12075>.
2. *Берестова Е.М.* Православная церковь в Удмуртии (вторая половина XIX – начале XX в.): Социально-культурная деятельность. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. – 232 с.
3. *Бычкова М.Е.* «Что значит именно родные». – М., 2000.
4. *Савёлов Л.М.* Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию российского дворянства. Изд. 2-е. – Острогожск, 1897.
5. *Савёлов Л.М.* Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском Археологическом институте преподавателем института Л.М. Савёловым. Т. 1–2. – М., 1906–1909.
6. Родословная гениальности: из истории отечественной науки 1920-х гг. – М.: Старая Басманная, 2008. – 350 с.
7. Предпринимательские династии Камско-Вятского региона. XVIII–XIX вв.: Коллективная монография / Отв. ред., авт. предисл. Н.П. Лигенко; Удмуртский институт истории, языка и лит-ры УрО РАН. – Ижевск, 2008. – 260 с.
8. *Алексеева Э.В.* Родословная ижевских фабрикантов охотничьего оружия: XIX–XX вв. – Ижевск: КнигоГрад, 2009. – 183 с.
9. *Потанов А.А.* Истоки Сарапульского родословия. Поколенная книга сарапульских родов. Село Вознесенское – село Сарапул, на основе документов 1621–1780 гг. – Сарапул: [б.и.], 2013. – 200 с.
10. Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков [Электронный ресурс] / УИИЯЛ УрО РАН; авт.-сост. В. С. Чураков. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2009. – 63 Мб.
11. Граховы – обыкновенная история. Семейно-генеалогический очерк / Автор-составитель С. Жилин. Руководитель проекта «Старое Грахово» Валерий Грахов. – Ижевск: КнигоГрад, 2013. – 84 с.

12. Старое Грахово / Автор-составитель С. Жилин. Руководитель проекта «Старое Грахово» Валерий Грахов. – Ижевск: КнигоГрад, 2011. – 200 с.

13. *Фертиков П.П.* Починок Патраковский – деревня Патраки Якшур-Бодьинского района Удмуртской Республики. 1863–2008: Страницы истории. – Ижевск, Удмуртия, 2008. – 168 с.

14. *Шейдаева С.Г.* История села в фамилиях людей: Бемышевский медеплавильный завод. Лингвокраеведческий очерк. – Ижевск, 2012. – 196 с.

15. Начинаящему исследователю родословной. Программа и методические рекомендации для педагогов МО УР. Учебное издание. – Ижевск: Удмуртия, 2007. – 136 с.

16. Православные храмы Удмуртии: Справочник-указатель по документам ЦГА Удмуртской Республики. – Ижевск: Удмуртия, 2000. – 479 с.

17. Краско А.В. Школа практической генеалогии. Методическое пособие для начинающих генеалогическое исследование. – СПб.: Изд-во «Российская национальная библиотека», 2013. – 176 с.

18. ЦГА УР. Ф. 72. – Оп. 1. – Д. 38 за 1855–1856 гг.

19. НА РТ. Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 575.

20. ЦГА УР. Ф. 297. – Оп. 1. – Д. 1.

21. ЦГА УР Ф. Р-428. – Оп. 2. – Д. 333.

22. *Лейбин В., Вишневецкая Ю.* Другие Строгановы. Как живёт в веках одна русская деревня и один крестьянский род // Русский репортёр. – 2015. – № 10 (386). – С. 38–45.

О.М. Мельникова

ВРАЧ ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ СТРЕЛЬЦОВ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ АРХЕОЛОГА В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ¹

В статье рассматривается процесс становления ученого в российской провинции. На примере биографии врача Ф.В. Стрельцова исследуется мотивация к историческим занятиям, организационная и исследовательская деятельность родиноведа в рамках Общества изучения Прикамского края в г. Сарапуле и Научного общества изучения Вотского края в Ижевске в 1910-х – начале 1930-х гг.

Ключевые слова: краеведение, Общество изучения Прикамского края, Научное общество изучения Вотского края, профессиональная наука, социальная травма, Ф.В. Стрельцов.

Изучение истории профессионального исторического сообщества невозможно вне обращения к биографиям деятелей, чья профессиональная деятельность была далека от исторических изысканий, но интерес к истории родного края стал определяющим в их жизнен-

Мельникова Ольга Михайловна – научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета, доктор исторических наук, доцент.

¹ Публикация подготовлена в рамках научного проекта РГНФ №14-11-18005 «История и историки в Удмуртии в 1920 – начале 1930-х гг.: исследовательские практики и власть».

ном пути. Обращаясь к этой тематике, историк науки оказывается в актуальном тренде исторической науки, для которого «ответ на вопрос, каким именно образом унаследованные от далеких предков или же не так давно сложившиеся в обществе или социальной группе традиции, обычаи, представления определяют поведение людей, а, следовательно, сам ход событий и их последствия (не говоря уже о проблеме творческого начала в истории), требует выхода на уровень анализа индивидуальной деятельности [14, с. 55].

Имя Ф.В. Стрельцова – организатора и популяризатора археологии – долгие годы было незаслуженно забыто и в научной литературе практически не упоминалось. Более того, вплоть до начала 2000-х гг. существовал некий научный миф, который связывал конец краеведческой деятельности Ф.В. Стрельцова с известными судебными процессами в Удмуртии начала 1930-х гг.

Но при этом самостоятельно сложилась, к сожалению, изолированно от научной, историографическая краеведческая традиция. Она не раз обращалась к биографии Ф.В. Стрельцова как ее важнейшего деятеля. Правда, ее начало было положено лишь в 1964 г., когда вышла статья воткинского краеведа В.Н. Ступишина [13], посвященная биографии Ф.В. Стрельцова, написанная на основе личных встреч и сохранившейся автобиографии краеведа.

В 2002–2003 гг. в «Воткинской газете» опубликованы очерки Э.И. Гаевского «125-летие врача-краеведа». Они основывались на уже упомянутой статье В.Н. Ступишина. Автор привлек также архивные материалы из фондов Воткинского музея истории и культуры [2].

В 1995 г. на кафедре новейшей российской истории Удмуртского государственного университета под руководством доцента, к.и.н. П.Н. Дмитриева студенткой Е.А. Панкратовой была написана курсовая работа «Очерк жизни и деятельности Ф.В. Стрельцова». В ней дана характеристика краеведческой деятельности Ф.В. Стрельцова на основе музейных материалов г. Воткинска, однако специальный анализ его деятельности в области археологии автором не проводился. В 2010 г. выпускница исторического факультета Д.Н. Гусева написала вы-

пускную квалификационную работу «Археологическая деятельность Ф.В. Стрельцова», где проанализированы археологические занятия краеведа в контексте выявленных ею биографических источников в Воткинском музее истории и культуры.

Сведения об археологических работах Ф.В. Стрельцова упоминаются в монографии «Научная археологическая школа Р.Д. Голдиной в Удмуртском университете» [5, с. 45], где особо оценивается его роль в составлении одной из первых археологических карт Удмуртии. В энциклопедии «Удмуртская Республика» также можно найти имя Федора Васильевича, где он назван «крупным краеведом» [15, с. 117].

Археологические аспекты деятельности Ф.В. Стрельцова впервые специально обозначены в работе «Провинциальное археологическое сообщество Вятской, Казанской, Пермской губерний (вторая половина XIX – начало XX вв.)» [6, с. 90-91], где указаны биографические и библиографические данные о его публикациях. Написан ряд статей, посвященных развитию провинциальной археологии. В них содержится анализ отдельных аспектов археологического творчества Ф.В. Стрельцова [4; 7]. Отчасти об этом пишет А.Ю. Юрпалов, характеризуя этнографические изыскания Сарапульского земского музея [19]. Краткий обзор деятельности Ф.В. Стрельцова в Сарапульском земском музее дан в совместной публикации А.Ю. Юрпалова и С.Л. Шкляевой [17]. Обстоятельный анализ археологической деятельности дан О.М. Мельниковой в монографии «Археология в российской провинции: исследователи, научные общества, парадигмы» [9].

Ф.В. Стрельцов пришел в археологию на волне любительского интереса к истории края. Как секретарь в Обществе изучения Прикамского края он вел многие дела, связанные с развитием археологии, в том числе, относящиеся к изданию его «Известий». Это оказалось важным опытом, который получил дальнейшее развитие уже после октября 1917 г.

В своей автобиографии Ф.В. Стрельцов сообщает: «В метрической выписке Благовещенской соборной церкви Воткинского завода «О рождении крестьянского сына Федора Ивановича Стрельцова»

значится, что я родился 15 декабря 1877 года во Владимирской губернии, Вязниковского уезда, Сакулинской волости в деревне Каменной в семье крестьянина Василия Ивановича Стрельцова и законной жены его Натальи Федоровны, которые являются оба православными» [9, с. 31].

Его дед и отец служили приказчиками у одного из воткинских купцов. Когда будущему врачу было 10 месяцев, отец перешел на службу приказчиком к воткинскому купцу Гарнову, имевшему дела в селе Касево Бирского уезда Уфимской губернии и лавочку-филиал в селе Калегино того же уезда. Ф.В. Стрельцов пишет в автобиографии: «Таким образом, я оказался в семье сельского торговца, который, оставаясь крестьянином Владимирской губернии, продолжал ежегодно платить подати за клочок земли, числившимся за ним» [9, с. 31]. Спустя несколько лет, живя уже в г. Сарапуле, Василий Иванович Стрельцов переписался в мещане. Он вел свою торговлю, сын помогал ему в свободное время, даже в студенческие годы.

Образовательная траектория Ф.В. Стрельцова была весьма извилиста. По окончании Калегинской начальной земской школы родители отдали сына в Сарапульское духовное училище. Окончив училище по первому разряду, Стрельцов, как особо успевающий ученик, был переведен для продолжения образования в Вятскую духовную семинарию. Но юношу не прельщала карьера сельского священника: «Я заявил родителям, что учиться дальше не буду; в ответ получил: «Как хочешь, но потом на нас не пеняй» [9, с. 32]. Но, по всей видимости, признание в семье ценности образования, в конечном итоге подвигло юного Стрельцова на дальнейшее обучение. Оно было продолжено в гимназии. Но, не в Сарапуле, а в Перми, куда он был принят в 5 класс.

В Перми определился дальнейший путь Ф.В. Стрельцова: весной 1898 г. двадцатилетний юноша успешно окончил гимназию. Примерное поведение, прилежание и отличные успехи в науках дали возможность педагогическому совету наградить выпускника серебряной медалью. В его аттестате было только две «четверки» – по латинскому языку и математической географии. Эта награда давала возможность поступить в Московский университет на медицинский факультет [9, с. 32].

Уже на первом курсе Стрельцов оказался замешанным в студенческом движении. Отношение к революционным событиям в России неслучайно достаточно подробно описывается в автобиографии и в биографиях Ф.В. Стрельцова. В советское время это придавало определенный социальный статус, а, учитывая некоторые проблемы, которые возникнут у Ф.В. Стрельцова во взаимоотношениях с властью в начале 1930-х гг., этот факт биографии делал его образ положительным в глазах органов советской власти. Хотя, безусловно, искренность его включения в политическую жизнь страны также не стоит игнорировать, так как студенчество в России действительно являлось одной из наиболее политически активных социальных групп.

По окончании университета он с 26 июня 1904 г. поступил на работу в Сарапульское земство. Статус врача был первостепенным для Ф.В. Стрельцова. Безусловно, он определялся значимостью этой профессии в жизни горожан и небольшим числом образованных и просвещенных в области медицины людей. Не случайно, участвуя в деятельности научных обществ, все свои статьи и заметки он неизменно подписывал: «Врач Ф.В. Стрельцов».

Жизнь в Сарапуле была связана с одним из значимых изменений в его жизни. В качестве врача он был приглашен для обследования погребений с монетами времен Михаила Федоровича, обнаруженных в 1909 г. при строительстве городского водопровода. В официальных архивных материалах Сарапульского земского музея указывалось, что по просьбе Сарапульской земской управы ОАИЭ при Казанском императорском университете командировало в Сарапул известного археолога-антрополога профессора М.М. Хомякова [9, с. 35].

В рукописи биографии Ф.В. Стрельцова, составленной краеведом В.Н. Ступишиным, есть дополнения к этой информации. Во-первых, приглашение Стрельцова для обследования обнаруженных погребений было связано с его профессиональными занятиями медициной. Результатом этого случайного события в жизни Ф.В. Стрельцова стала его первая краеведческая статья «Раскопки на Оползине», опубликованная в газете «Прикамская жизнь» [13, с. 11]. (Впоследствии

для Ф.В. Стрельцова это станет правилом: все его археологические и шире – краеведческие изыскания, планы и программы по их проведению становились достоянием широкой общественности, в первую очередь, через местную периодическую печать).

Заинтересовавшись этими находками, он уже никогда не оставлял своего интереса к древней истории края, став одним из активных деятелей Сарапульского земского музея, членом-учредителем Общества изучения Прикамского края. По поручению музея и Общества Ф.В. Стрельцов проводил экскурсии на археологические памятники Среднего Прикамья, занимался приобретением археологических материалов для музея, проводил этнографические наблюдения.

В «Кратком Отчете деятельности музея за первый год» [1909 г. – *О.М.*] деятельность Ф.В. Стрельцова охарактеризована как собирательская: «Летом 1909 г. приступлено к собиранию коллекций по естественной истории и к розыску предметов доисторической археологии. При этом приняли деятельное участие Ф.В. Стрельцов, П.П. Беркутов и С.Н. Миловский» [16, оп. 1, д. 7, л. 39].

По всей видимости, секретарем земского музея Стрельцов стал после 1910 или в 1910 г., т.к. первые протоколы заседаний правления музея подписаны Н.М. Мусерским. Общение с коллегами по Обществу, участие в его работе в качестве секретаря, переписка с известными учеными, поддерживавшими Общество и Музей, формировали в Ф.В. Стрельцове научный взгляд на археологические объекты Среднего Прикамья.

Занимаясь в эти годы частной врачебной практикой, он, как любитель, уделял значительное внимание археологическим работам, однако, соблюдал при этом сложившиеся в то время в России правила. Согласно инструкциям Императорской археологической комиссии (ИАК), не имея специальной методической подготовки, Ф.В. Стрельцов не мог проводить самостоятельные раскопки. Поэтому собственные археологические изыскания сводились к экскурсиям на памятники в пределах Сарапульского уезда. Экскурсии являлись своеобразной формой археологических разведок, они предполагали осмотр поверхности, сбор находок, описание памятника.

Известен совместный с Л.А. Беркутовым отчет в ИАК «Описание Сайгатского городища и могильника близ с. Сайгатка Осинского уезда Пермской губернии [1, с. 153]. В 1914 г. в газете «Прикамская жизнь» Ф.В. Стрельцов опубликовал «Описание археологической экскурсии на Сайгатское городище и могильник». В IV выпуске «Известий Сарапульского земского музея» вышла его статья «Шихан на правом берегу р. Белой» [11, с. 97-98].

Будучи секретарем Общества, Ф.В. Стрельцов вел не только всю его документацию (автографы протоколов его заседаний сохранились в фонде «Письменные источники» Музея истории и культуры Среднего Прикамья), но и занимался составлением и редактированием «Известий Общества изучения Прикамского края». От имени Сарапульского земского музея в качестве его секретаря Ф.В. Стрельцов вел переписку с другими научными организациями, обществами, учеными и краеведами. В ЦГА УР сохранилось несколько автографов Ф.В. Стрельцова финскому археологу А.М. Тальгрёну [16, оп. 1, д. 3, л. 1].

С начала Первой мировой войны Ф.В. Стрельцов председательствовал в продовольственной комиссии городской управы, следил за снабжением Сарапула мукой и сахаром. Тогда же Сарапульским отделением Русского общества Красного Креста при активном содействии Ф.В. Стрельцова был открыт лазарет, заведовать которым был назначен Федор Васильевич. С организацией Союза земств и городов лазарет перешел в его ведение. В 1916 г. Земгор направил Стрельцова на Западный фронт для обслуживания окопных рабочих.

Лишь осенью 1924 г. Стрельцов возвратился в родные края и устроился на работу в Ижевске, ставшем к тому времени столичным городом. 12 апреля 1925 г. Федор Васильевич был принят в члены НОИВК, где сразу же стал активно содействовать развитию археологических исследований.

Он был избран ученым секретарем НОИВК. Как член Общества, инициировал создание в его структуре секции археологии, что, безусловно, было весьма обоснованно, так как он исходил из того, что

подлинная история удмуртского народа могла быть восстановлена как его история во все исторические эпохи, включая дописьменные. Ф.В. Стрельцов никогда сам не раскапывал археологические памятники, но он был замечательным организатором, систематизатором и популяризатором археологии. Благодаря его инициативе сегодня известны практически все шаги, предпринятые в Ижевске в 1920-е гг. для развития археологии: они нашли отражение в «Трудах НОИВК» и в местной периодике.

В декабре 1925 г. он предложил свои, уже проверенные в Сарапуле, формы деятельности в области археологии. По его мнению, Обществу «необходимо приобрести литературу – создать библиотеку и издать свои труды». Он рекомендует «приобретать имеющиеся готовые материалы у некоторых лиц Вотобласти – как например у гр. Верещагина, затем рекомендует путем выпуска анкет собирать необходимые для общества данные – непосредственно от населения, через учительство, селькоры и т.п.». Этот уже проверенный в Сарапульском земском музее шаг получил поддержку Правления Общества. Оно приняло эти предложения и сочло «необходимым выпуск анкеты Археологической секции в количестве 1500 экз.».

Масштабы проведенной работы Ф.В. Стрельцов оценивает в статье «Археологические памятники и палеонтологические находки Вотской автономной области», где опубликованы и систематизированы по уездам собранные материалы анкет [12].

Как руководитель историко-археологической секции НОИВК Ф.В. Стрельцов вел переписку с удмуртскими краеведами, интересовавшимися археологическими памятниками родного края. Подлинным детищем исследователя стали «Труды Научного общества по изучению Вотского края». Ф.В. Стрельцов выступал в качестве редактора и составителя всех выпусков этой продолжающейся серии. Особое направление его деятельности – это публикация собственных археологических статей. Тематически они связаны как с описанием отдельных археологических памятников, так и описанием результатов полевых исследований, проводимых на территории Удмуртии.

Значительная часть публикаций краеведа была связана с популяризацией археологических знаний, информированием населения об археологических исследованиях в Вотской автономной области на страницах местной периодической печати. Ф.В. Стрельцов сотрудничал с газетами «Ижевская правда», «Гудыри», «Голос Крестьянина», в которых постоянно публиковались его заметки и статьи на исторические темы.

Ф.В. Стрельцов занимался формированием библиотеки НОИВК. Знаток археологической литературы, Ф.В. Стрельцов выступил в качестве научного редактора книги Я.И. Ильина «Рой книг. Собрание книг и статей об удмуртах (вотяках) областных и внеобластных», выпущенной НОИВК в 1929 г. [3]. Из предисловия к книге Я.И. Ильина видно, что Ф.В. Стрельцов и сам готовил к публикации полное библиографическое издание книг по истории, в том числе и по археологии Удмуртии. Он писал «Если бы были уже обнародованы такие труды, как <...> фольклорный материал К. Герда, «Этнография вотяков» проф. Налимова, вотская история М. Ильина и М. Худякова, археологические исследования А.П. Смирнова и С.Г. Матвеева <...>, целый ряд других научно-исследовательских трудов, между прочим, имеющих в распоряжении Науч. Общ. по изучению Вотского края, обогащение настоящего издания произошло бы само собой. Можно надеяться, что обнародование таковых произойдет в недалеком будущем, после чего они войдут в составляемый более полный указатель Ф.В. Стрельцова» [3, с. 11].

Энтузиазм первых месяцев работы НОИВК постепенно сменился прагматичным мнением о том, что профессиональное археологическое исследование края невозможно только собственными силами. Несомненной заслугой Ф.В. Стрельцова стало активное участие в организации профессиональных археологических исследований в Удмуртии с участием московских археологов С.Г. Матвеева и А.П. Смирнова, работавших с лета 1926 г. в Глазовском уезде. Проведение таких раскопок должно было соединить ретроспективно этнографическую [10] и археологическую историю и создать научную историю удмуртского народа.

Последние археологические сюжеты в творчестве Ф.В. Стрельцова датированы 1928 г. Они свидетельствуют о достаточно широком понимании предмета археологии. 20 августа 1928 г. ВЦИК и Совнарком РСФСР, заслушав доклад Наркомпроса о музейном строительстве, постановили: «Поручить Народному Комиссариату просвещения РСФСР представить на утверждение Совета Народных Комиссаров РСФСР список памятников революционного движения, искусства и старины, подлежащих охране и не могущих быть изъятыми, уничтоженными или измененными без получения на то согласия со стороны Народного Комиссариата Просвещения РСФСР». В связи с этим НОИВК обратился к Главнауке с просьбой изучить пять памятников Вотской области: Михайловский собор, Александро-Невской собор, Благовещенский собор, главную башню Воткинского завода, а также главную башню Ижевского завода и взять под охрану то, что окажется достойным этого». Впервые под данным прошением Федор Васильевич подписался не только как врач, но и как археолог-любитель [9, с. 87].

На этом заканчивается деятельность Ф.В. Стрельцова в области археологии. Ее прекращение связано с политическими обстоятельствами внутренней жизни в СССР. В конце 1920-х гг., в связи с изменениями во внутренней политике, в стране начинается разгром краеведения. К. Герд и руководимое им общество «Боляк», а также и НОИВК обвинили в буржуазном национализме. В 1929 г. в газете «Ижевская правда» вышла статья «Реакционная проповедь под флагом науки», которая критиковала деятельность Ф.В. Стрельцова. В ней говорилось о том, что некоторая часть интеллигенции (имеются в виду Ф.В. Стрельцов и К. Герд), которая своими корнями связана с капиталистическими элементами, пытается атаковать ленинскую национальную политику партии. Эти люди предпочитают откапывать где-то в архивах писания «святых отцов» о жизни удмуртов». Типичным примером подобных выступлений приводятся «Труды Научного общества по изучению Вотского края» под редакцией Ф.В. Стрельцова, в особенности, его работы «История села В. Парзей Глазовского уезда» и «Вотские молитвы». Автор статьи в газете считал, что «Труды» инструктируют «местное

духовенство», т.е. попов и сектантов, как нужно успешно бороться против распространения идей безбожия среди удмуртов. «И печальнее всего, – пишет автор газетной статьи, – что вся эта контрреволюционная белиберда напечатана на советские деньги и в советском же журнале. Все эти антисоветские, великодержавные статьи и эти «инструкции» раскопаны из каких-то архивов, а краеведческое общество выпускает под редакцией бывшего ученого секретаря краеведческого общества гр. Ф. Стрельцова» [9, с. 88].

Дело «Союза освобождения финских народностей», сфабрикованное ОГПУ в отношении представителей интеллигенции финно-угорских народов не могло не отразиться на судьбе деятелей НОИВК. С мая 1932 по январь 1933 г. были арестованы 28 представителей удмуртской интеллигенции, и вместе с ними Ф.В. Стрельцов. В 1934 г. его обвинили в удмуртском национализме, что было абсурдно: Федор Васильевич был этническим русским. Он так и не понял, в чем же его, русского обвиняют. После недолгого заключения Стрельцов был выпущен. Спасаясь от репрессий (революционное прошлое обостряло политический слух), вся его семья спешно выехала к родственникам в Кострому, опасаясь дальнейших преследований [9, с. 88].

Однако Прикамье всегда влекло его. Через пять лет он поселился в Воткинске, обзавелся небольшим домом. С этого времени фигура Ф.В. Стрельцова исчезает со страниц местной археологической историографии. Постепенно в историографической традиции сложилось представление, что он пал жертвой репрессий. Но это далеко не так.

Наученный опытом прежних лет взаимодействий с властью, Ф.В. Стрельцов – исследователь и просветитель по духу – изменил лишь масштаб и тематику своей деятельности. Дальнейшие краеведческие интересы Ф.В. Стрельцова стали тесно связаны с основной марксистской тематикой исторической науки – историей рабочего движения, экономической историей заводов и заводских поселков. Изменение тематики работ стало своеобразным интеллектуальным бегством в те области исторического знания, которые были отно-

нительно безопасны и давали Ф.В. Стрельцову реализовать своей неугасающий интерес к истории родного края.

Представляется, что археологическая тематика, в значительной мере этногенетическая по своей сути, стала затухать в творчестве Стрельцова вследствие феномена «социальной травмы» [18], нанесенной советским режимом репрессивными действиями по отношению лично к Федору Васильевичу, и по отношению к его коллегам по НОИВК. «Дело СОФИН» как травматическое событие стало неожиданным, непредсказуемым, шокирующим. Оно вызвало нарушение привычного образа мысли и исследовательских стратегий, сложившихся у Ф.В. Стрельцова на протяжении предшествующих 15 лет его служения истории края. Сменой исследовательских интересов он предпринял попытку совладения с социальной травмой. Новое предметное поле краеведческих интересов – изучение истории рабочего класса – совпало с санкционированными советским государством ценностями и позволяло реализовать личностную потребность в историческом интересе [8].

К этому следует добавить еще одно социальное обстоятельство, по которому Ф.В. Стрельцов оказался в маргинальном состоянии в исследовательском историческом пространстве Удмуртии. С созданием в 1931 г. Удмуртского научно-исследовательского института и Удмуртского государственного педагогического института стала постепенно формироваться местная профессиональная историография.

В 1956 г. Ф.В. Стрельцову была выдана справка, по которой постановления от 9 июля 1933 г. и 4 ноября 1933 г. в его отношении были отменены и делопроизводством прекращены за отсутствием в его действиях состава преступления. Несмотря на это, ни одна из его исторических работ больше так и не была напечатана. До ухода на пенсию в 1957 г. Ф.В. Стрельцов работал в ряде лечебных учреждений г. Воткинска, регулярно выступал перед воткинцами с лекциями, докладами, статьями на медицинские темы, вел просветительскую деятельность. Сотни его лекций и десятки популярных статей были помещены в местной печати.

Своим богатейшим опытом он не устал делиться с молодыми коллегами, выступая с докладами и сообщениями на городских и республиканских конференциях врачей. Он был старейшим членом «Общества по распространению политических и научных знаний», общества «Знание», выступал с лекциями по радио, на предприятиях и в учреждениях. В 1957 г. в день 40-летия Октябрьской революции Ф.В. Стрельцову было присвоено Почетное звание Заслуженного врача УАССР.

Последние годы жизни Ф.В. Стрельцов провел в Воткинске в своем собственном доме на улице Пугачева. Он любил копаться в своем саду, забавляться с ручным грачиком, который потихоньку вытаскивал у него из кармана карандаш, по-прежнему увлекался рыбалкой, без конца путешествуя в зарослях Шарканского залива на своей миниатюрной одноместной плоскодонке с одним кормовым веслом. Скончался он в последние дни марта 1966 г. на 89 году жизни [9, с. 89].

Источники и литература

1. Белова Н.А. Перечень материалов экспедиций и раскопок в фонде Императорской Археологической комиссии рукописного отдела научного архива Института истории материальной культуры РАН. 1910 г. // Приложение. Императорская Археологическая комиссии (1859-1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. – СПб., 2009.

2. Гаевский Э. 125-летие врача-краеведа // Воткинская газета. – № 27 от 26 декабря 2002; № 1 от 9 января 2003; № 2 от 16 января 2003; № 3 от 23 января 2003; № 4 от 30 января 2003; № 5 от 6 февраля 2003.

3. Ильин Я.И. Рой книг. Собрание книг и статей об удмуртах (вотяках) областных и внеобластных (с 1762 по половины 1928 г.). – Ижевск, 1929.

4. Мельникова О.М. Л.А. Беркутов – первый профессиональный археолог в Среднем Прикамье // Материалы научно-практической конференции «Музей и социум», посвященной 95-летию образования Музея Сарапульского земства (ныне – Музей истории и культуры Среднего Прикамья). – Сарапул, 2006. – С. 128–133.

5. Мельникова О.М. Научная археологическая школа Р.Д. Голдиной в Удмуртском университете. – Ижевск: УдГУ, 2006. – 126 с.

6. Мельникова О.М. Провинциальное археологическое сообщество Вятской, Казанской, Пермской губерний (вторая половина XIX – начало XX вв.). Биобиблиографический словарь-справочник. – Ижевск: УдГУ, 2007.

7. Мельникова О.М. Становление профессиональной археологии в российской провинции в начале XX в.: А.А. Спицын и Музей Сарапульского земства // История и практика археологических исследований: материалы Международной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, 26-30 ноября 2008 г. – СПб., 2008. – С. 120–125.

8. Мельникова О.М. Концепция «социальной травмы» в биографическом преломлении // История в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана. – Казань, 13-15 ноября 2013 г. – Казань, 2013. – С. 348–351.

9. Мельникова О.М. Археология в российской провинции: исследователи, научные общества, парадигмы (по материалам археологических исследований на территории Удмуртии в 1900-1930- г.). – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2015. – 136 с.

10. Налимов В.П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. – Ижевск-Сыктывкар, 2010.

11. Стрельцов Ф.В. Шихан на правом берегу р. Белой // Известия Сарапульского земского музея. Вып. IV. – Сарапул, 1914.

12. Стрельцов Ф.В. Археологические памятники и палеонтологические находки Вотской автономной области // Труды Научного общества по изучению Вотского края. – 1927. – Вып. 3. – С. 61–76.

13. Ступишин В.Н. «Не хлебом единым жив человек» // Слово о земляках. – Ижевск: Удмуртия, 1965.

14. Ретина Л.П. От истории одной жизни к персональной истории // история через личность: историческая биография сегодня. – М.: Кругъ, 2005. – С. 55–74.

15. Удмуртская Республика. Энциклопедия. – Ижевск, 2000.

16. ЦГА УР. Ф. 349. Музей Сарапульского земства.

17. Шкляева С.Л., Юрпалов А.Ю. Ф.В. Стрельцов: штрихи к биографии // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2013. – Вып. 1. – С. 109–114.

18. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. – 2001. – № 1. – С. 6–16.

19. Юрпалов А.Ю. Роль музея Сарапульского уездного земства в этнографическом изучении Среднего Прикамья // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2010. – Вып. 2. – С. 116–121.

В.С. Воронцов

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ УДМУРТИИ

По материалам переписей населения советского и постсоветского периодов показана динамика численности восточнославянских народов Удмуртии, отмечены основные тенденции и закономерности этнических процессов, изменения в этнической структуре региона.

Ключевые слова: ассимиляция, брачность, демография, перепись населения, этническая структура, этнические процессы.

Удмуртия – одна из многонациональных и поликонфессиональных республик Российской Федерации. Исторически территория современной Удмуртии формировалась как контактная зона трех основных этнокультурных массивов – финно-угорского, славянского и тюркского, что в значительной степени обусловило специфику современных этнических, этнокультурных и этнополитических процессов.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. (ВПН-2010) в Удмуртии проживали представители более 130 национальностей,

Воронцов Владимир Степанович – старший научный сотрудник отдела междисциплинарных и прикладных исследований Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, доцент Удмуртского государственного университета, кандидат исторических наук.

из них самые многочисленные – русские (912539 чел., 62,2%), удмурты (410584 чел., 28,0%), татары (98831 чел., 6,7%). В десятку наиболее многочисленных этнических групп республики также входят украинцы (8332 чел., 0,6%), марийцы (8067 чел., 0,6%), азербайджанцы (3895 чел., 0,3%), армяне (3170 чел., 0,2%), башкиры (3454 чел., 0,2%), белорусы (2313 чел., 0,2%), чувашаи (2180 чел., 0,1%) [1; 3].

Демографические, миграционные, политические и социально-экономические процессы, происходившие в XX в., способствовали тому, что славянское население традиционно составляло значительную часть экономического и интеллектуального потенциала региона. По данным переписей населения, численность русских, украинцев и белорусов Удмуртии росла в абсолютных цифрах и в этнической структуре населения республики вплоть до конца 1980-х гг. (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности русских, украинцев, белорусов
Удмуртской Республики
(по данным переписей населения, чел.)

	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
<i>Все население</i>	1219350	1336927	1417675	1492172	1605663	1570316	1521420
Русские	679294	758770	809563	870270	945216	944108	912539
Украинцы	5760	7521	10267	11149	14167	11527	8332
Белорусы	1332	2160	2877	3149	3847	3308	2313

По данным ВПН-2010 численность восточнославянского населения в УР составила 923184 чел. или 60,7% от общей численности населения республики и 62,9% от лиц, указавших свою национальную принадлежность. Всего в РФ по данным ВПН-2010 проживало 111016896 русских (1 место), 1927988 украинцев (3 место), 521443 белорусов

(15 место), в сумме 82,7% населения страны. Большинство из них проживает в городской местности, так доля горожан среди русских составляет 78,4%, среди украинцев – 82,8%, среди белорусов – 83,7%. По уровню образования русские и украинцы опережают удмуртов и татар. Так, среди населения в возрасте 15 лет и старше доля русских с послевузовским и высшим образованием составила, соответственно, 0,6% и 22,5%, среди украинцев – 0,9% и 30%, среди татар – 0,6% и 20,4%, среди удмуртов – 0,3% и 13,7% [4].

В советский период минимальная численность русских, украинцев и белорусов была зафиксирована Всесоюзной переписью населения 1926 г., тогда в Удмуртии проживало 327493 русских, 143 украинца и 61 белорус. В последующие годы приток украинцев и белорусов в республику был связан с масштабным промышленным строительством и эвакуацией населения из западных регионов страны в период Великой Отечественной войны. Максимальная численность славян была зарегистрирована переписью населения 1989 г. (945216 русских, 14167 украинцев, 3847 белорусов).

За два постсоветских десятилетия численность населения Удмуртии в целом сократилось на 84243 чел. (5,2%), при этом численность русских уменьшилась на 32677 чел. (3,5%), украинцев на 5835 чел. (41,2%), белорусов на 1534 чел. (39,9%). Для сравнения: численность татар уменьшилась на 11659 чел. (10,6%), удмуртов – на 85938 чел. (17,3%). Столь существенное сокращение украинцев и белорусов объясняется не только негативными демографическими процессами (превышение смертности над рождаемостью), но и тем, что почти прекратился их приток в республику из-за распада СССР и появления новых самостоятельных национальных государств (табл. 2).

Для украинцев, белорусов и удмуртов сокращение численности связано еще и с ассимиляционными процессами. Собственно, это во многом объясняет, почему при примерно одинаковых уровнях рождаемости и смертности, темпы сокращения численности у разных этнических групп существенно отличаются.

Численность наиболее многочисленных национальностей Удмуртии и их прирост/сокращение за период 1989–2010 гг.

	1989 г. (чел.)	2002 г. (чел.)	2010 г. (чел.)	+ Прирост / – Убыль (чел.)	2010 г. к 1989 г., в %
<i>Все население</i>	1605663	1570316	1521420	- 84243	94,8
Русские	945216	944108	912539	- 32677	96,5
Украинцы	14167	11527	8332	- 5835	58,8
Белорусы	3847	3308	2313	- 1534	60,1
Удмурты	496522	460584	410584	- 85938	82,7
Татары	110490	109218	98831	- 11659	89,4
Марийцы	9543	8985	8067	- 1456	84,5
Башкиры	5217	4320	3454	- 1763	66,2
Чуваши	3173	2764	2180	- 993	68,7
Азербайджанцы	1799	3908	3895	+2096	216
Армяне	880	3283	3170	+2290	360

Следует отметить, что межнациональные семьи являются не только одним из интегральных показателей состояния межнациональных отношений в стране (регионе), но и основным ассимиляционным каналом. Дети из таких семей выбирают, как правило, национальность одного из родителей, тем самым численность одной этнической группы растет, а другой сокращается. В советский период доля межнациональных браков в Удмуртии была одной из самых высоких в стране (на 1989 г. – 22,5%). Точные данные о межнациональной брачности в современной России отсутствуют, однако общее представление о брачных процессах дают материалы последней переписи.

По данным ВПН-2010, в целом по стране из общего числа частных домохозяйств, состоящих из 2-х и более человек, 83,9% являлись мононациональными, 11,1% национально-смешанными и в 5%

домохозяйств отдельные члены семьи не указали национальность, в Удмуртии, соответственно, 68,6%, 26,8% и 4,6% домохозяйств [2]. Таким образом, доля национально-смешанных домохозяйств в Удмуртии более чем в два раза превышает общероссийский показатель, это наглядно подтверждает благоприятный климат межнациональных отношений в республике.

Источники и литература

1. *Воронцов В.* Этнический состав населения Удмуртии (по материалам переписей населения 1989–2010 гг.) // *Этнопанорама*, 2012. – №3-4. – С. 64–66.

2. *Воронцов В.* Этнодемографическая ситуация в Удмуртии // *Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов* / Под. ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2013. – С. 382–385.

3. *Воронцов В.С.* Национальный состав и демографические характеристики населения Удмуртской Республики // *Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки*. – Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН, 2012. – С. 10–18.

4. Население наиболее многочисленных национальностей по полу, возрастным группам, полу и уровню образования // *ФСГС по УР. Удмуртстат [Электронный ресурс]* – URL: udmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/udmstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (дата обращения 20.05.2015).

Д.А. Черниенко

УКРАИНЦЫ УДМУРТИИ: ИСТОРИЯ МАЛОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

В статье рассматриваются основные этапы формирования украинского населения на территории Удмуртии, закономерности и исторические условия переселенческого движения; показаны положение украинцев в современной этнической структуре региона, содержание и динамика основных этнических процессов.

Ключевые слова: адаптация, демография, миграции, регион, украинцы, эвакуация, этничность, этнокультурные процессы.

Формирование украинского населения в различных регионах России было обусловлено активизацией миграционных процессов, которые начали приобретать массовый характер к концу XIX в. после отмены крепостного права и последовавшего обезземеливания крестьян. Однако по ряду причин, связанных с природно-географическими условиями и особенностями экономического развития, Прикамье до определенного времени находилось в стороне от основных переселенческих маршрутов, которые проходили, главным образом,

Черниенко Денис Аркадьевич – старший научный сотрудник отдела междисциплинарных и прикладных исследований Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, доцент Удмуртского государственного университета, кандидат исторических наук.

через Нижнее и Среднее Поволжье, Южный Урал [9]. Для украинских крестьян-переселенцев, выбиравших новые места для поселения, преимущественно лесные территории бассейнов Камы и Вятки были малопривлекательными из-за качества почв, климатических и ландшафтных условий.

Промышленное производство на рубеже XIX–XX вв. постепенно оживало, но необходимая рабочая сила в этот период пополнялась, прежде всего, за счет русских жителей Уральского региона (рекрутов и приписных крестьян), а также местного населения удмуртских деревень. Известно, например, что особенностью этнической истории Ижевского завода, основанного в 1760 г., является то, что изначально вокруг него формировалось моноэтническое поселение – к середине XIX в. доля русского населения здесь составляла 95% [1, с. 92].

Не удивительно, что в данный период появление в удмуртских землях выходцев из юго-западных губерний Российской империи было скорее исключением из преобладавших этнодемографических процессов, их деятельность не всегда была связана с сельским хозяйством или работой по найму. По данным первой официальной переписи населения России 1897 г. во всей Вятской губернии зафиксировано 95 «малороссов», из них 39 человек в городах и 56 – в сельской местности. В том числе в Глазовском (4 человека, в городе нет, 4 в уезде), Елабужском (8-7-1), Малмыжском (9-1-8), Сарапульском (20-7-13) уездах, всего 41 человек (25 мужчин, 16 женщин). Как видно, почти половина всех малороссов проживала в портовом городе Сарапуле на р. Кама и его окрестностях. Но следует принять во внимание, что поскольку в переписных листах национальная принадлежность определялась по вероисповеданию и родному языку, то выходцев из юго-западных губерний (современная Украина), учтенных как «православные», могло быть больше.

Среди известных представителей юго-западных окраин империи, внесших заметный вклад в историю и культуру удмуртских земель можно назвать, прежде всего, имя иеромонаха Василия (Вениамина)

Пуцек-Григоровича – сына Лубенского казака из Полтавской губернии, выпускника Киевской духовной академии, ставшего позднее Казанским митрополитом. В середине XVIII в. он вел активную миссионерскую и просветительскую деятельность, в 1741–1744 гг. совершил ряд поездок в удмуртское село Дебёсы, где преподавал в школе, благословил создание первой грамматики удмуртского языка, принимал активное участие в крещении удмуртов [7].

Навсегда останется связанным с Удмуртией имя уроженца Житомира В.Г. Короленко – писателя, публициста, общественно-политического деятеля. В течение нескольких месяцев 1879 г. он находился в ссылке в г. Глазове, а в 1895–1896 гг. в качестве защитника принял самое активное участие в судебном процессе над группой крестьян-удмуртов, несправедливо обвиненных в человеческих жертвоприношениях. В.Г. Короленко своими статьями привлек к этому делу внимание общественности, ведущих адвокатов, сам выступал на суде и добился оправдательного приговора.

История дореволюционного Ижевска в той или иной мере связана с жизнью ещё нескольких известных людей, имевших отношение к Украине. Пока ещё это не мастера и рабочие, а представители администрации завода и различных его служб, инженеры. Среди них можно назвать Г.В. Роснянского – кадрового офицера из солдатской семьи Харьковской губернии, с 1856 по 1871 г. заведовавшего «ланкастерской» школой ружейного мастерства; Н.А. Ярошенко – художника, живописца-«передвижника», офицера-артиллериста, Черниговского дворянина, прикомандированного к заводу и бывавшего здесь с инспекциями в 1883–1884 гг. Но наиболее заметная фигура того времени – А.Г. Дубницкий – потомственный дворянин Херсонской губернии, генерал-майор, ученый-инженер, изобретатель сортов быстрорежущей стали, автор нескольких научных трудов, один из лучших специалистов оружейного дела и металлургии в России. На Ижевском заводе с 1889 по 1916 гг. прошел различные высокие должности до начальника всех Камских заводов, сделал ряд важнейших изобретений.

До конца 1920-х гг. численность украинского населения в Вятском крае, в том числе, в Вотской автономной области (ВАО), увеличивалась незначительно – до нескольких сотен человек (в Вятской губернии – 363 чел.). По данным переписи 1926 г., в ВАО проживали 143 украинца, из них 96 – в городе (86 в Ижевске); в Сарапульском округе Уральской области – 102 украинца, 51 – в городе (при равном гендерном соотношении).

Существенные изменения происходят только в период индустриализации 1930-х гг. На территории Удмуртии в это время действует более 170 промышленных предприятий, из них более половины (90) – новые. Перепись 1939 г. отмечает в Удмуртской АССР уже 5760 украинцев (0,47% всего населения), при этом большая часть – сельское население (60%). Приток рабочей силы из других регионов страны, в том числе Украины, связан, с одной стороны, со стремительным развитием промышленности (объемы производства выросли более чем в три раза, например, 16% всех токарных станков СССР производилось в Ижевске), с другой – острой нехваткой квалифицированных рабочих рук (после событий Гражданской войны осталось не более 30% кадров) [2, с. 372].

Заметную роль в укреплении связей Прикамья и Украины сыграла Великая Отечественная война и процессы массовой эвакуации. Первые железнодорожные составы из прифронтовых областей и республик стали прибывать уже в конце июня – июле 1941 г., в том числе эшелоны с жителями многих городов и областей Украины, приехавших в индивидуальном порядке, а также в составе учреждений и предприятий. В Удмуртию шло перебазирование как небольших промышленных объектов, так и крупных оборонных заводов, в том числе из Киевской, Харьковской, Полтавской и других областей Украины. В Ижевске и Воткинске размещались преимущественно предприятия военного профиля. Среди первых и одновременно одним из крупнейших эвакуированных в республику предприятий был Киевский завод «Арсенал» (№ 399). Первый эшелон с оборудованием и рабочими, техническим и руководящим персоналом

этого предприятия прибыл 8 июля 1941 г. в Воткинск. Последний состав приняли 5 сентября 1941 г. Всего в течение полутора месяцев прибыло 1100 вагонов в 36 эшелонах и завод был вывезен почти полностью [3, с. 225].

География и структура размещения была следующей: Ижевск – завод «Главстроймеханизация» (Днепропетровск), молочный комбинат (Одесса), швейная фабрика (Мелитополь), завод подъемно-транспортного оборудования (Харьков), цепной шарнирно-роликовый цех велосипедного завода (Харьков); Воткинск – завод «Арсенал» (Киев); Сарапул – кожевенный завод № 4 (Васильков, Киевская обл.), спиртовой завод им. Артема (Скороходово, Харьковская обл.), мебельная фабрика (Прилуки, Черниговская обл.), обувная фабрика № 5 (Харьков), сахарный завод (Кегичевка, Харьковская обл.); Глазов – химический завод (Ромодан, Полтавская обл.), стеклозавод «Пролетарий» (Ворошиловград), Будыльский спиртовой завод (Харьковская обл.), всего 14 предприятий из 34 эвакуированных на территорию Удмуртии [6, с. 30-59]. Уже в начале 1942 г. все эвакуированные в Удмуртии предприятия приступили к работе. Основные потоки переселенцев проходили через узловые железнодорожные станции, прежде всего, Ижевск, и другие города – Сарапул, Глазов, Воткинск, Можга, а также крупные поселки, где и оседала часть эвакуированных. Приезжие поступили здесь на заводы и фабрики (например, доля украинцев на некоторых крупных заводах Ижевска составляла более 4%). Всего на удмуртской земле в 1941–1945 гг. эвакуированные представляли свыше 40 национальностей, но самый значительный удельный вес занимали жители западных областей РСФСР, а также Украины и Белоруссии.

Значительное число эвакуированных после освобождения СССР от оккупации вернулось назад, но часть осталась жить и работать в Удмуртии на модернизируемых промышленных объектах: Ижевский и Сарапульский радиозаводы, Ижевский электромеханический завод, Чепецкий механический завод, завод «Редуктор», подшипниковый завод и т.д. По трудовой мобилизации после войны сюда приезжают и новые рабочие силы. Таким образом, в послевоенный период (вто-

рая половина 1940-х – 1950-е гг.) численность украинцев возрастает до 7521 человек или 0,56% населения (перепись 1959 г.). Именно в послевоенный период, несмотря на более активное расселение украинцев в административных районах республики (Увинском, Игринском, Базезинском, Камбарском, Кизнерском), существенно и на длительную перспективу соотношение сельского и городского населения изменяется в сторону последнего (с 1959 г. по 2000-е доля украинцев-горожан составляет 84–88%).

Наиболее мощные волны миграции в Приуралье приходятся на 1960–1980-е гг., когда за три десятилетия почти в два раза увеличивается численность украинцев, а также их доля в этнической структуре (перепись 1970 г. – 10267 чел. (0,72%); 1979 г. – 11149 (0,74%); 1989 г. – 14167 (0,88%). В это время складывается промышленная специализация Удмуртии – машиностроение и металлообработка (43 профильных завода, действовавших до 1991 г.) и ориентация на военно-промышленный комплекс (70% предприятий). Вводятся в эксплуатацию и быстро развиваются крупные заводы «Буммаш», «Нефтемаш», «Ижмаш» и многие другие, что требовало дополнительного привлечения не только рабочих рук, но и высококвалифицированных инженерно-технических кадров. В Удмуртию по системе распределения приезжают уроженцы Украины – выпускники вузов, представители смежных предприятий, которые со временем занимают ведущие руководящие должности на ключевых производствах (например, А.И. Грабко – начальник уранового цеха Чепецкого механического завода, П.И. Кишкан – директор Ижевской мебельной фабрики, Л.М. Кузьменко – зам. главного инженера Ижевского механического завода, М.Н. Малашенко – инженер-конструктор Воткинского машиностроительного завода, М.М. Погребняк – ген. директор «Удмуртгеологии», И.А. Романенко и А.М. Полусмак – директора Сарапульского радиозавода, И.С. Стыценко – директор Ижевского мотозавода и другие).

Большой вклад внесли выходцы из Украины в организацию и развитие науки и образования Удмуртии. В становлении научных

школ высших учебных заведений Ижевска важную роль сыграли, например, доктора наук, профессора В.И. Добровольский (Ижевский механический институт), В.В. Овсиенко (Удмуртский государственный университет), И.Б. Покрас (Ижевский механический институт), И.Г. Русяк (Ижевский механический институт), Р.С. Трикоз, В.П. Ковриго (Ижевская государственная сельскохозяйственная академия, ректор), Б.Н. Шульга (Удмуртский государственный университет, ректор) и другие. В Ижевске знают мастерство актеров драматического театра А.С. Глотко, Г.А. Любченко (1960–1970-е гг.), заметный след в культуре и искусстве оставило творчество художников В.П. Любарца, В.В. Окуня (представители т.н. «харьковской школы»). С 1993 г. по 2015 г. архиепископом Ижевским и Удмуртским (с 2013 г. – глава Удмуртской митрополии) являлся владыка Николай (в миру – Н.Я. Шкрумко (1927–2015), уроженец Хмельницкой области).

Таким образом, украинцы Удмуртии входят в состав этнической структуры Камско-Вятского региона с конца XIX в. и, будучи «малой этнической группой», соответствуют основным закономерностям ее развития [4]. Увеличив свою численность во второй половине XX в. (1950–1980-е гг.) более чем в два раза, украинцы представляют неотъемлемую часть общероссийского и регионального этнокультурного пространства, являясь к настоящему времени четвертым по численности этносом в Удмуртии после русских, удмуртов и татар.

В постсоветский период 1990–2010-х гг. этнические процессы стали приобретать иное содержание и интенсивность, что отразилось, в том числе, и на дальнейшей судьбе украинского этноса. Сравнительные данные переписей 1989, 2002, 2010 гг. показывают, что произошло сокращение численности как в абсолютном выражении (на 5835 человек), так и в относительном (с 0,88% до 0,56%), и этот процесс, очевидно, продолжается. Значительное сокращение численности украинцев в 1990–2010-е гг. связано не с отъездом на «историческую родину», а, прежде всего, с прекращением внешней миграции, общими негативными демографическими процессами в российском обществе, постепенной утратой этнического самосо-

знания. Основными причинами ассимиляции являются высокий уровень урбанизации (более 80%), длительное проживание в многонациональной среде с русским языком общения, преобладание смешанных русско-украинских семей. В результате постепенно, из поколения в поколение, утрачиваются внутренние мотивы и стимулы для сохранения национальных культурных и языковых традиций [10]. Кроме того, в постсоветский период на этническое самосознание оказывают влияние сложные политические взаимоотношения России и Украины.

Внешняя миграция уже не является фактором, существенно влияющим на демографические показатели. Так, по переписи 2002 г. в Удмуртии проживали и работали 402 гражданина Украины, в 2010 г. – 167. Но в течение 2014–2015 гг. ситуация изменяться в связи с массовым прибытием на территорию Удмуртии вынужденных переселенцев и беженцев из восточных областей Украины. В 2014 г. в республику приехало 5548 граждан Украины (из них с заявлениями о предоставлении временного убежища на территории РФ обратилось 687 человек); на 1 июля 2015 г. на учете состояло 1385 граждан Украины (с заявлениями на убежище обратилось 487). Но среди приезжающих, во-первых, не все этнические украинцы (до 60%), во-вторых, не все владеют украинским языком.

Украинский язык сегодня можно встретить только в среде тех, кто приехал непосредственно из Украины в советское или относительно недавнее время. Прослеживается очевидная тенденция – люди старшего возраста как основные носители языка уходят в силу естественных причин, среднее поколение склонно в течение жизни изменить мнение о своей национальной принадлежности, а молодежь, утрачивая семейные традиции, обычаи, язык, связи с «родиной предков», уже изначально идентифицирует себя как русских. Следует заметить, что данные процессы не являются типичными только для Удмуртии, но видны также на материалах других регионов страны и России в целом.

По переписи 2010 г. численность украинцев в Удмуртии – 8332 человека, наибольшие группы – в Ижевске, Сарапуле, Глазове,

Завьяловском, Увинском, Игринском районах. Все украинцы Удмуртии владеют русским языком и 33,3% украинским (в 2002 г. – 44,6%), для 24% этот язык родной. Особенностью украинского населения является то, что это в большинстве своем городское население – 83%, из них 2/3 проживают в Ижевске, а самый высокий удельный вес в г. Глазове (1,13%). Это население среднего возраста – 48 лет (2002 г. – 42,3), с высоким уровнем профессионального образования, в том числе высшим, ведущее активную трудовую деятельность в разных сферах (83%).

Итак, миграционное движение из Украины в Камско-Вятский регион и на территорию Удмуртии исторически включает в себя несколько этапов: 1) до 30-х гг. XX в. – незначительное переселение в экономических целях; 2) 1930–1950-е гг. – массовая трудовая (рабочая) мобилизация в условиях индустриализации и военного времени; 3) 1960–1980-е гг. – действие советской распределительной системы на рынке труда; 4) 1990–2010-е гг. – миграции в условиях постсоветских общественно-политических трансформаций.

Сегодня украинцы Удмуртии – это преимущественно техническая, творческая и научная интеллигенция, служащие, предприниматели, которые в значительной степени вовлечены в активные процессы урбанизации, модернизации и вносят заметный вклад в развитие промышленного, научного и культурного потенциала Удмуртии и всего Приуральского региона. С точки зрения классификации диаспоры украинцев можно отнести к группе городского, дисперсного населения со слабыми внутренними этнокультурными связями.

В этих условиях проблемы поддержания этнического самосознания, удовлетворения этнокультурных потребностей являются наиболее актуальными. Необходимость их решения привела в 2001 г. к созданию инициативной группой выходцев из Украины в г. Ижевске муниципальной культурно-просветительской организации, получившей уже в 2004 г. новый статус – Региональная общественная организация Удмуртской Республики «Общество украинской культуры «Громада». С этого времени уже более 10 лет «Громада»

активно участвует в общественной и культурной жизни республики [8, с. 155-157]. Отделения общества действуют в г. Ижевске, Сарапуле, Воткинске, Завьялово и некоторых районах республики.

Уставными задачами общества являются: содействие укреплению межнационального мира в регионе, формирование толерантного сознания, уважения к историко-культурным традициям украинского и других народов, создание условий для реализации национально-культурных потребностей украинцев, создание позитивного образа Украины у населения республики. В период 2004–2014 гг. обществом «Громада» проведены более 70 мероприятий: фестивали украинской культуры, литературно-музыкальные вечера, народные и календарные праздники, праздники национальной кухни, тематические выставки, концерты, публичные лекции, театрализованные представления и спектакли, участие в городских и республиканских творческих конкурсах и проектах, ведется сотрудничество с украинскими обществами соседних регионов России (Татарстан, Башкортостан, Самарская область). В 2006 г. в г. Ижевске на базе библиотеки-филиала им. П. Блинова был открыт информационный центр «Славянский дом», который несколько лет выполнял работу по координации деятельности славянских национально-культурных обществ Удмуртской Республики. На базе библиотеки-филиала им. И. Пастухова постепенно комплектовался фонд литературы на украинском языке, а также по истории и культуре Украины, в 2012–2013 гг. действовал украинский воскресный класс, регулярно оформлялись тематические книжные и фотовыставки, проходили научно-просветительские мероприятия.

В целом можно отметить, что деятельность национально-культурного общества украинцев в Удмуртии наряду с другими народами специалисты относят ко «второму эшелону» этнической мобилизации [5, с. 216]. За период своей почти 15-летней деятельности общество «Громада» накопило некоторый опыт по сохранению национальной культуры и обладает определенным потенциалом для ведения диалога с другими общественными институтами.

Источники и литература

1. *Васина Т.А.* Камские заводы: население, культура, быт (конец XVIII – первая половина XIX в.). – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. – 274 с.
2. Индустриализация // Удмуртская Республика: Энциклопедия / гл. ред. В.В. Туганаев. – Ижевск: Удмуртия, 2000. – 797 с.
3. История Удмуртии. XX век / под ред. К.И. Куликова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. – 544 с.
4. *Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я.* Малые этнические группы: основные этапы этнокультурного развития: по материалам СССР. // Советская этнография. – 1985. – № 4. – С. 13–22.
5. *Смирнова С.К.* Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. – М.; Ижевск, 2002. – 560 с.
6. Удмуртия в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / К.И. Куликов и др. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. – 305 с.
7. *Черниенко Д.А.* В.Г. Пуцек-Григорович – просветитель XVIII в. и народы Поволжья // Мат-лы Междунар. науч.-практич. конф. «Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании (IV Акмуллинские чтения)» (Уфа, 11 декабря 2009 г.). – Уфа: Ид-во БГПУ, 2009. – С. 372–375.
8. *Черниенко Д.А.* Деятельность РОО УР «Общество украинской культуры «Громада» как механизм формирования межэтнической толерантности // Этничность и власть: Материалы VI Международного семинара. – Симферополь, 2008. – С. 155–157.
9. *Черниенко Д.А.* Этнодемографическая ситуация и проблемы идентичности украинцев Южного Урала во второй половине XX – начале XXI в. // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.science-education.ru/120-15360>
10. *Черниенко Д.А.* Этноразноязыковые процессы в среде украинского населения Приуралья // Вестник Удмуртского университета. – 2013. – Вып. 3. – С. 99–104.

Д.А. Черниенко, С.М. Хаба

ПРИЕМ И РАЗМЕЩЕНИЕ ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ ВОСТОЧНОЙ УКРАИНЫ В КАМСКО-ВЯТСКОМ РЕГИОНЕ

В статье показаны причины, характер и состав современной миграции из Восточной Украины, особенности приема и размещения беженцев, динамика миграционной активности в 2014–2015 гг., деятельность региональных властей по трудоустройству и социальному обеспечению переселенцев, некоторые проблемы их первичной социальной адаптации.

Ключевые слова: беженцы, временное размещение, гуманитарная помощь, миграция, переселенцы, социальные гарантии, статус, трудоустройство.

Общественно-политический кризис в Украине 2013–2014 гг., последовавший с весны 2014 г. военный конфликт обусловили активную фазу миграционных процессов и привели к переезду

Черниенко Денис Аркадьевич – старший научный сотрудник отдела междисциплинарных и прикладных исследований Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, доцент Удмуртского государственного университета, кандидат исторических наук.

Хаба Степан Михайлович – почетный Председатель Региональной общественной организации Удмуртской Республики «Общество украинской культуры «Громада».

значительной части населения из восточных областей Украины в сопредельные территории России с дальнейшим квотированным распределением по различным регионам. Этот процесс, начавшийся стихийно, к осени 2014 г. приобрел массовый и организованный характер. Общий вынужденных переселенцев в Россию в течение 2014 г. составил более 800 тысяч человек. В этих условиях по регионам были определены квоты для приема в экстренном порядке граждан Украины. На тот момент предполагалось, что в Россию придет не менее 150 000 человек [19]. Значительную часть переселенцев должен принять Приволжский федеральный округ (ПФО). При этом социально-экономический потенциал его 14 субъектов для осуществления подобных мероприятий различен, что нашло отражение в принципах квотирования. Наибольшая доля пришлось на Нижегородскую, Самарскую, Саратовскую области (3,44%) и Республику Башкортостан (3,18%), наименьший показатель у Республики Марий Эл – 0,18%. Кировская область и Удмуртская Республика получили квоты в размере 0,65% и 0,24%, что составляет 975 и 360 человек соответственно. Позднее, в связи с большим количеством приезжих, квоты были пересмотрены в сторону увеличения и составили 1150 для Кировской области и 650 мест для Удмуртии [20].

Прибытие граждан Украины преимущественно из Донецкой и Луганской, а также других областей (Днепропетровской, Запорожской, Николаевской, Харьковской) в Удмуртскую Республику и Кировскую область носило главным образом самостоятельный и нерегулярный характер. Люди приезжали по собственной инициативе, прежде всего, к родственникам и знакомым, которые, как правило, обеспечивали их жильем, продуктами, помогали оформить необходимые документы и с трудоустройством. Таких граждан юридически правильнее называть не «беженцами», а «лицами, которым предоставлено временное убежище», это разные правовые статусы. По данным УФМС в первом полугодии 2014 г. на территорию Удмуртии частным образом и по индивидуальной инициативе прибыли

631 гражданин Украины [16]. Первая семья из восточной Украины приехала в Ижевск 9 июня [5], а первые документы для получения статуса беженцев в Удмуртской Республике поданы в 20-х числах июня семьей из г. Краматорска Донецкой области, разместившейся у родственников в г. Глазов [18].

В Кировской области к концу первого полугодия 2014 г. зарегистрировался 571 гражданин Украины (всего находилось 1240 человек из разных регионов), но не все среди них были беженцами. В среднем, в этот период ежедневно на учет становились 15-17 человек. Первое обращение от гражданина Украины поступило в УФМС по Кировской области 2 апреля, 30 июня первый человек получил статус лица, которому предоставлено временное убежище. Именно в апреле – июне 2014 г. количество приезжих возросло втрое. Ведомства и службы области в случае массового наплыва беженцев (несколько сотен человек в сутки) были готовы к объявлению чрезвычайного положения. 13 августа врио губернатора Н.Ю. Белых подписал распоряжение «О введении режима чрезвычайной ситуации в связи с миграцией населения с Украины на территорию Кировской области». К концу июля в области побывало 1919 граждан Украины, что в среднем составляло более 30 человек в день, правда, значительная часть из них через некоторое время выезжали из региона или возвращались на родину. На 1 августа на территории области находилось 979 граждан Украины.

С середины июля начался новый этап в процессе приема переселенцев – организованная доставка с дальнейшим размещением на подготовленных объектах. Еще до начала организованного этапа Главное Управление МЧС России по УР подготовило несколько квартир. Беженцев также готовы были принять некоторые СХП Завьяловского района, в Ижевске до 200 человек могли быть размещены в санаториях и профилакториях. Управление МЧС по УР прорабатывало ситуацию с размещением беженцев на длительный срок, было намечено 24 пункта временного размещения потенциальной вместимостью более 2000 человек, расположенные на базе

освобождавшихся к осени загородных детских лагерей и санаториев с условиями для проживания в зимний период.

В Удмуртии первая большая группа численностью 106 человек прибыла в Ижевск самолетом из Ростова-на-Дону 15 июля. Из аэропорта группу доставили в поселок Кварса Воткинского района, где с этого времени на базе общежития местного профессионального образовательного учреждения «Аграрный техникум» был создан штаб по приему вынужденных переселенцев и начал действовать пункт временного размещения (ПВР) с необходимой психологической помощью, информационной поддержкой, организовано питание, медицинское обслуживание, работал консультационный центр по социальным вопросам различных ведомств и служб. Специалисты районных и республиканского центров занятости населения оказывали прибывшим содействие в поиске работы. В пункте временного размещения проходила первичная адаптация, законодательно ограничений на срок пребывания здесь не устанавливалось (ориентировочно, в течение двух-трех месяцев.

С 21 июля на территории ПВР начал ежедневную работу консультационный пункт службы занятости населения [10]. В июле – августе в Кварсе побывали врио Главы Удмуртии А.В. Соловьев, Главный федеральный инспектор по УР Д.А. Мусин, Председатель постоянной комиссии по социальной политике Госсовета УР О. Казанцева, которые ознакомились с условиями проживания, процессом оформления документов для получения временного статуса, предоставления возможности работы, устройства детей в школы и детские сады. На пресс-конференции по итогам визита врио Главы республики А.В. Соловьев отметил, что «...наш регион как передаточное звено – приедут, поживут и уезжают. Люди ищут место получше. Будут ли ещё – жизнь покажет. Приток наверняка уменьшится...» [23].

К концу июля 2014 г. в Удмуртии на миграционном учете состояло 1374 человека из Украины, из них обратились в апреле 214 человек, в мае – 117, в июне – 261, в июле – 484 [2], в кварсинском ПВР – 98 человек. 16 августа в Ижевск из Ростовской области поездом прибыла

вторая организованная группа – 104 человека, 91 человека из них доставили в Кварсу, где 61 человек проживал еще из числа первой партии, т.е. с учётом вновь прибывших здесь находилось 152 гражданина Украины. 3 сентября на поезде из Ростова-на-Дону в Ижевск прибыла еще одна небольшая группа в составе 8 человек, их также отправили д. Кварса [3]. Всего, в летний период организованно в Удмуртию прибыло 237 граждан из Украины, из них порядка 70% нашли работу [17]. 130 в последующем выехали из пункта временного размещения, а 43 человека уехали в другие регионы (Самарскую область, Пермский край и др.). Всего за время приема переселенцев в ПВР проживали 236 человек, большая часть из них впоследствии выехала.

В Кировской области поток вынужденных переселенцев из Украины увеличился в первой половине августа. Первый массовый прием беженцев в Кирове состоялся 13 августа, когда поездом прибыли 106 человек (78 взрослых, 28 детей). 15 августа прибыла вторая организованная группа численностью более 50 человек [22]. Для приезжих были подготовлены места временного пребывания в 4 общежитиях и реабилитационном центре для инвалидов, подготовлены также резервные места для размещения в гостиницах, санаториях и профилакториях в разных районах. Всего в Кировскую область с 1 июня по 29 августа прибыло 618 граждан, вынужденно покинувших территорию Украины. Постановлением Правительства Кировской области от 28.08.2014 № 277/599 определены пункты временного размещения. К сентябрю в области было создано 8 ПВР стационарного типа с бесплатным проживанием и питанием на базе общежитий образовательных учреждений и реабилитационного центра, в которых находились 165 граждан. Также были подготовлены резервные ПВР в Арбажском, Кирово-Чепецком, Свечинском, Слободском районах. Всего к середине сентября на территории области были подготовлены 24 пункта для потенциального размещения граждан Украины.

Координация деятельности по приему, размещению и трудоустройству переселенцев в регионах была поручена различным

профильным министерствам и ведомствам: МВД, МЧС, ФМС, Роспотребнадзору, Пенсионному фонду, Государственной инспекции по труду, уполномоченным по правам человека, по правам ребенка и др. Органы власти развернули работу по трудоустройству прибывших граждан Украины, формированию базы вакансий, определению территорий приоритетного вселения, располагающих жилищным фондом и нуждающихся в рабочей силе и т.п. Ситуация с беженцами регулярно обсуждалась на заседаниях межведомственных рабочих групп, постоянно действующего координационного совещания по обеспечению правопорядка, комиссий по чрезвычайным ситуациям при Правительствах регионов, Общественно-консультативного совета при УФМС, открыты «горячая линия» на базе региональных управлений МЧС и странички-«памятки» на официальных сайтах органах власти. Также представители регионов принимали участие в окружных совещаниях, проводимых Полномочным представителем Президента РФ в ПФО М.В. Бабичем, в том числе, в форме видеоконференций.

В Правительстве Кировской области рабочая группа по вопросам приёма, размещения и адаптации переселенцев была создана 10 июня. Для финансовой поддержки беженцев открыт специальный счет, согласован план мероприятий, ведомственную координацию осуществляют территориальное Управление Федеральной миграционной службы, Департаменты социального развития, образования и другие. Размещение, питание, транспортировка, медицинское освидетельствование беженцев предусматривается за счет средств резервного фонда Правительства Кировской области, из которого выделено свыше 700 тыс. руб. На базе комплексного социального обслуживания населения открыт реабилитационный центр, работают учреждения по приему гуманитарной помощи для вынужденных переселенцев и беженцев от населения и спонсоров. В гг. Кирове, Кирово-Чепецке, Слободском, п. Фалёнки, а также в Кирово-Чепецком, Кумёнском, Нолинском, Слободском, Оричевском, Шабалинском и Унинском районах местное население

выражало готовность предоставить временное жилье на безвозмездной основе.

21 июля 2014 г. в Самаре состоялось совещание по оказанию помощи гражданам, вынужденно покинувшим Украину, под руководством полпреда Президента РФ в ПФО М. Бабича, который сообщил, что соответствующая «...работа будет проведена во всех регионах округа, поскольку «необходимо понять, какая помощь нужна вынужденным переселенцам с Украины, принять необходимые меры для нормализации ситуации и создать условия с учетом возможного увеличения миграционного потока беженцев, которые прибывают в регионы нашего округа». В тот момент общая численность прибывших на территорию субъектов Федерации округа – 16245 человек, в том числе 2816 детей, из них почти половина дошкольного возраста [14]. Наибольшее количество переселенцев прибыло в Пермский край, Саратовскую, Кировскую, Пензенскую и Самарскую области.

Главной задачей для приехавших являлось получение разрешения на работу. На всех встречах с представителями власти и в обращениях через СМИ подчеркивалось, что те, кто получит разрешение на временное проживание или свидетельство о предоставлении временного убежища, смогут обратиться в службу занятости наравне с местными жителями. В конце июня 2014 г. предприятия Удмуртии, например, имели 16 тыс. вакансий, но очень незначительная часть из них готовы были предоставить жилье. Другая проблема заключалась в малом количестве заявок, поступавших от самих переселенцев. Тем не менее, перед региональными властями Президентом Российской Федерации ставилась задача к концу октября обеспечить работой не менее 60% [6].

В августе через Центры занятости для переселенцев начали действовать первые ярмарки вакансий, в них принимали участие представители крупных предприятий различного профиля. В Удмуртии в базе данных региональной службы занятости населения имелось более 12 тыс. вакантных рабочих мест, из которых более 200 – с предоставлением жилья различного вида. Осенью количество

участников ярмарок как со стороны потенциальных работодателей, так и со стороны ищущих работу увеличивалось. В Кировской области более половины обратившихся смогли найти работу [15]. В Удмуртии выездные ярмарки вакансий регулярно проводились в Кварсе, проживающих здесь вывозили также на производства для ознакомления с условиями работы. Наиболее активно себя вели представители автозавода, хлебозаводов, радиозавода, строительные фирмы. В сельских населенных пунктах предлагалась работа на перерабатывающих предприятиях, даже с предоставлением жилья, но людей, имеющих отношение к сельскому хозяйству, оказалось очень мало. Кроме того, обозначилась общая проблема: жилье нужно арендовать за свой счет, а зарплата такая, что арендный взнос полностью ее съедает. Поэтому среди главных причин отказа от вакансий – работа не по специальности и неудовлетворение заработной платой. Большинство предпочли работу в городах республики – Ижевске, Воткинске, Глазове, Завьяловском районе, лишь несколько семей изъявили желание поселиться в сельских районах. В Ижевске трудоустраивались чаще всего в торговые сети, транспортные компании – ИПОПАТ, ИжГЭТ, крупнейшем промышленном предприятии Ижавто, интерес к поиску специалистов проявляли также концерн «Калашников», Сарапульский радиозавод и др. В Воткинске переселенцы устраивались на предприятиях «Мастер», «Воткинский хлебокомбинат», «Техновек», Завод РТО. В 2015 г. в Удмуртии ПВР функционирует в общежитии Воткинского промышленного техникума, куда в первом полугодии граждане Украины в организованном массовом порядке прибывали 5 раз.

Помимо трудоустройства не менее важными задачами являлось решение социальных проблем переселенцев в сфере медицинского обслуживания, образования, пенсионного обеспечения и т.д., тем более, что переселенцы часто прибывают без медицинских документов, без прививочных карт. Были подготовлены распорядительные документы в подведомственные учреждения здравоохранения, чтобы помощь гражданам Украины оказывали бесплатно. Плановая

помощь будет оказываться республикой в счёт будущей компенсации из федерального бюджета при наличии соответствующего статуса в миграционной службе и полис обязательного медицинского страхования. Региональные органы власти проводили выездные консультации для украинских граждан по вопросам пенсионного обеспечения и оказания помощи при оформлении документов. Запущена процедура получения индивидуальных лицевых счетов с постоянным страховым номером (СНИЛС), этот документ позволяет официально устроиться на работу и формировать свои пенсионные права на территории РФ.

Другим актуальным вопросом было образование для детей. Детские сады готовы были принимать желающих только при наличии свободных мест или на определенных условиях (например, трудоустройство матери в данный детсад). В школах основанием для обязательного зачисления являлась временная регистрация либо статус «беженец» или «вынужденный переселенец». Здесь необходимо было разработать программы адаптации учащихся, поскольку образовательные программы двух стран отличаются. Для учащихся из Украины было организовано бесплатное питание и проезд по единому проездному билету. По состоянию на середину августа 2014 г., на территории Удмуртии находилось 125 детей, из них 47 – в Кварсе, 64 ребенка были приняты в образовательные учреждения Удмуртии, в том числе 49 школьников и 15 дошколят. В Кировской области в сентябре пошли в школу 15 детей, в детсады – 12. Решался вопрос об обучении студентов в учреждениях системы СПО, где были места для проживания и обучения в Воткинске, Можге, Сарапуле. Вузы объявили дополнительный прием на ряд технических и гуманитарных направлений подготовки на бюджетные места. Так, например, в 2014–2015 учебном году студенты-граждане Украины обучались во всех пяти ВУЗах Удмуртии.

29 июля 2014 г. Правительство УР приняло постановление о выделении средств на содержание беженцев. Министерству образования и науки УР на питание и транспортные расходы каждого

вынужденного переселенца, размещенного в Кварсе, выделялось по 800 рублей в сутки. В Кировской области эта норма закреплена Указом Губернатора. Кроме того, 2 сентября Президиум Правительства УР утвердил процедуру оказания адресной финансовой помощи проживающим в жилых помещениях граждан России беженцам из Украины в размере 100 рублей в сутки на каждого человека за фактическое проживание в жилом помещении российских граждан с 15 июля по 15 августа текущего года одновременно, но не более 30 суток. На оказание данной адресной финансовой помощи в республиканскую казну из федерального бюджета перечислен трансферт в размере 426 тыс. руб. Подобное Постановление Правительства Кировской области об оказании беженцам адресной финансовой помощи подписано 6 октября 2014 г.

Активное содействие в оказании помощи вынужденным переселенцам в этот период оказывали не только региональные ведомства, но и национально-культурные организации. В Удмуртии это, прежде всего, РОО «Общество украинской культуры УР «Громада», о чем подробно рассказал зампреда Ю.В. Паламарчук [1]. Члены общества на базе муниципальной библиотеки им. М. Пастухова г. Ижевска еженедельно проводили встречи с прибывающими гражданами Украины по вопросам содействия в устройстве на работу, поиска жилья, перевода документов, юридической поддержки, организации досуговых групп для детей, обеспечения продуктами, одеждой, предметами обихода. Главным финансовым ресурсом стали добровольные пожертвования членов «Громады», а также неравнодушных к чужой беде членов разных общественных организаций. Свой вклад в размере 37 тыс. руб. внесли национально-культурные организации республики. Около 320 переселенцев обратились в «Громаду» за помощью. Силами активистов общества для беженцев были подготовлены культурные мероприятия: концерты, тематические литературно-музыкальные вечера, лектории о Великой Отечественной войне. В 2014 г. под эгидой Министерства национальной политики УР «Громада» реализовала проект «Удмуртия – территория

поддержки», ставший победителем конкурса социально значимых проектов, направленных на развитие межэтнической толерантности.

Всего в течение 2014 г. в Удмуртии на миграционный учёт поставлено 5548 граждан Украины (в том числе первично 3315). С заявлениями на предоставление временного убежища обратилось 1158 человек и по состоянию на 31 декабря 2014 г. состояло на учете лиц, ищущих убежище 914 человек (украинцев 60%, русских 34%), выдано 533 разрешения на временное проживание, признано беженцами 5 [4]. В Кировской области было на учет поставлено 5982 граждан Украины (37% от общего количества иностранцев), из них временное убежище предоставлено 1222, статус беженца получили 8. В течение года все организовано прибывшие размещались в 8 пунктах временного размещения (191 человек) [11].

В первом полугодии 2015 г. в Удмуртии доля граждан Украины среди всех въехавших иностранцев составляла 11% (2 место). На 1 июля состоят на учете лиц, получивших временное убежище, 1385 человек (украинцев 59%, русских 34%), статус беженца получили 6. В структуре временно проживающих граждане Украины составляют 32,5% (626 чел.) и находятся на первом месте; по виду на жительство – 13% (205 чел., третье место) [13]. В Кировской области за данный период времени доля граждан Украины среди всех прибывших оставалась наибольшей и составляла 27%. На миграционный учет поставлено 2615 человек, что на 60% выше показателей прошло года. Из них 302 человека подали о выдаче разрешения на временное проживание, 298 подали заявление о предоставлении временного убежища, за видом на жительство обратилось 87 человек [12].

По прогнозам компетентных органов, в случае, если ситуация в восточных областях Украины будет стабильной, то основные показатели миграционной активности будут снижаться, граждан, желающих получить разрешение на временное проживание станет меньше, но количество желающих оформить вид на жительство или гражданство РФ увеличится в связи с большим количеством поданных заявлений и документов в 2014 г.

Вместе с тем, за рассматриваемый период миграционной активности актуальным стал ряд социальных проблем, связанных с появлением значительного количества вновь прибывших жителей региона.

1. Главная проблема – трудоустройство, поскольку ее решение влияет на все другие стороны жизни. Основное препятствие при адаптации – несоразмерность предлагаемой заработной платы расходам, которые ложатся на переселенцев. Из рассказов переселенцев в СМИ, например, можно узнать, что «работы предлагают много, но на эту зарплату не прожить»; «...на предприятиях, куда нас возили, предлагают зарплату от 10 до 15 тысяч рублей. При этом за аренду жилья хозяева просят минимум 10-12 тысяч, плюс плата за коммунальные услуги и ежемесячная плата за временную регистрацию до 500 рублей с человека. Кроме этого первые полгода с зарплаты вычитают 30% подоходный налог»; «...часто работодатели озвучивают условия, которые не соответствуют действительности: вместо 50 тыс. рублей – 15, вместо квартиры – койкоместо»; «работодателям одинокие матери с детьми вообще не нужны»; «предлагаемые жилищные условия в действительности бывают непригодными для жизни»; «владельцы сдаваемого жилья пугаются, когда узнают, что в их квартиру заселятся беженцы с Украины ... как только люди узнают, что мы с Украины, сразу же отказываются сдавать нам квартиру» и т.д. У тех, кто живет частным образом, бывают и такие случаи: «... родственники выгнали, из съёмной квартиры тоже попросили съехать, поэтому вставить на миграционный учёт негде». Наличных денег на необходимые текущие расходы почти ни у кого нет, а сумму в 800 руб./сутки на содержание переселенцев на руки не выдают.

С другой стороны, не все работодатели могут реализовать свои ресурсы по предоставлению работы, поскольку на них «слишком много возложено»: «...если берешь семейных, то обязан официально их трудоустроить, предоставить жилье, оформить регистрацию по месту жительства, детей – в садики и школы пристроить. И если вдруг беженцам что-то не понравится и они напишут какую-нибудь жалобу, то приходят проверяющие органы», поэтому нужно

упростить систему устройства работников для работодателя. Кроме того, работодатели отмечают низкую трудовую мотивацию граждан Украины, обусловленную тем, что в течение 18 месяцев НДФЛ украинского сотрудника составляет 30% (для россиян – 13%). Этот факт вынуждал многих обратившихся отказаться от трудоустройства и жить на предоставленное российским государством пособие. В Удмуртии трудоустроенных граждан Украины на 1 июля 2015 г. было только 260 чел.

2. Другая проблема, с которой в реальности столкнулись приезжающие – отношение представителей принимающей стороны в лице чиновников «на местах». Подобные случаи благодаря СМИ становились известны общественности и обсуждались на самом высоком уровне органов власти. Так, 18 августа 2014 г. на аппаратном совещании у врио Главы Удмуртии главный федеральный инспектор Приволжского федерального округа по УР Д.А. Мусин публично и резко раскритиковал работу некоторых чиновников, которые невежливо вели себя с беженцам [9]. Инспектор отметил, что в его аппарат поступают жалобы на то, что приезжающие столкнулись с хамством со стороны ряда исполнителей и руководителей ведомств. В результате были составлены конкретные списки претензий и «черный список» чиновников, с которыми власти региона пообещали «разбираться» персонально, вплоть до увольнения.

3. Проблема восприятия приезжих нашла свое отражение и на общероссийском уровне. Социологические опросы зафиксировали некоторое ухудшение отношения россиян к беженцам из Украины. Так, по данным ВЦИОМ, по сравнению в течение июля – сентября 2014 г. доля тех, кто считает, что беженцев следует обеспечить всем необходимым и создать условия для жизни в России, сократилась с 50% до 40%; а доля тех, кто полагает, что беженцев следует сразу отправить на Украину, как только там сложатся приемлемые для них условия, наоборот, выросла с 39% до 45%; доля же тех, кто убежден, что России вообще следует прекратить принимать беженцев из Украины, выросла с 4% до 7% [7]. В этих условиях важную социальную

роль играют СМИ. Проблемам переселенцев и беженцев в той или иной степени внимание уделяют все электронные и печатные СМИ. Материалы, как правило, показывали динамику миграционных процессов, действия властей различного уровня, бытовые условия переселенцев. Из репортажей, отчетов и пресс-конференций ответственных лиц и органов власти следует, что текущие задачи размещения и удовлетворения основных потребностей переселенцев оперативно решались с той или иной степенью эффективности. Часть материалов представляли интервью с переселенцами, которые рассказывали о причинах переезда, повседневной жизни, планах на будущее. В целом, такая информационная политика дает результат: большую помощь в социальном обеспечении переселенцев и беженцев оказывают волонтерские организации региона, которые по собственной инициативе организывают сбор гуманитарной помощи, приобретают необходимые вещи – одежду, обувь, продукты, предметы гигиены, посуду, лекарства, бытовую технику и т.п., без чего невозможна нормальная повседневная жизнь, открыты специальные банковские счета.

4. Приезд в регион нескольких тысяч человек, чья жизненная устроенность далека от оптимальной, опасен потенциальным ухудшением криминогенной обстановки, появлением источников новых угроз и конфликтов. Например, в конце сентября в кировской газете «Вятский наблюдатель» появился материал об обострении ситуации с курительными смесями и всплеске отравлений, а также перекрытии канала поставки опасной курительной смеси [21].

5. С общей криминогенной ситуацией тесно связана и проблема мошенничества среди «лжебеженцев». Например, случаи, когда некие люди обращались к жителям городов с просьбой помочь деньгами были зафиксированы уже в июле, при появлении первых переселенцев. При этом «беженцы» не могут внятно рассказать о себе, предъявить документы или же показывают сомнительные ксерокопии [8].

Таким образом, прием, размещение, трудоустройство и социальная защита вынужденных переселенцев из Украины в Камско-Вят-

ском регионе проходит в соответствии с государственной политикой в сфере миграции, а также во взаимодействии региональных органов власти, волонтеров-активистов и общественных организаций. Работа в этой сфере остается приоритетной задачей, особое внимание обращено на разъяснение гражданам, вынужденно покинувшим территорию Украины, их прав, порядка предоставления государственных услуг в сфере миграции, оказания всесторонней гуманитарной помощи.

Источники и литература

1. «Громада» поможет беженцам с Украины // Удмуртская правда. 02.07.14. [Электронный ресурс]. – URL: <http://udmpravda.ru/articles/gromada-pomozhet-bezhentsam-s-ukrainy>.

2. 40 украинских беженцев, находящихся в Кварсе, попросили временного убежища в Удмуртии // Известия УР. 31.07.14. [Электронный ресурс]. – URL: http://izvestiaur.ru/news/view/9224201.html?sphrase_id=768514.

3. 8 беженцев из Украины прибыли в Удмуртию // Удмуртская правда. 09.09.14. [Электронный ресурс]. – URL: <http://udmpravda.ru/articles/8-bezhentsev-s-ukrainy-pribyli-v-udmurtiyu>.

4. Аналитический обзор о миграционной ситуации и деятельности УФМС России по УР по реализации государственной политики в сфере миграции в Удмуртской Республике за 2014 год // УФМС по УР [Электронный ресурс]. – URL: <http://fms-udm.ru/main/ufms-uf-po-ur/osnovnye-pokazateli-deyatelnosti/otchety-i-doklady>.

5. Беженец из Украины в Ижевске // Комсомольская правда. 21.06.14. [Электронный ресурс]. – URL: <http://izh.kp.ru/daily/26246.7/3126862>.

6. Беженцы из Украины не хотят работать, предпочитая жить на пособие // Вятский наблюдатель. 01.10.14. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nabludatel.ru/new/2014/10/01/zhit-na-posobie>.

7. Беженцы с Украины: создать все условия – отправить обратно? // ВЦИОМ. 26.09.14. [Электронный ресурс]. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114994>.

8. В Кировской области появились мошенники, выдающие себя за беженцев с Украины // Город Киров news. 23.07.14. [Электронный ресурс]. – URL: <http://gorodkirov.ru/content/article/v-kirovskoj-oblasti-poyavilis-moshenniki-vyidayuschie-sebya-za-bezhentsev-s-ukrainyi-20140723-1031>.

9. В Удмуртии уволят чиновников, которые невежливо разговаривали с украинскими беженцам // Politikus.ru. 18.08.14. [Электронный ресурс]. – URL: <http://politikus.ru/v-rossii/27220-v-udmurtii-uvolyat-chinovnikov-kotorye-nevezhливо-razgovarivali-s-ukrainskimi-bezhencam.html>.

10. Государственная служба занятости населения УР [Электронный ресурс]. – URL: <http://udmurt.regiontrud.ru/Attachment.axd?id=ea5d3f5e-b9e5-4b6d-ab3d-560998cc7bc1>.

11. Доклад начальника УФМС России по Кировской области Егорова К.А. «О миграционной ситуации в Кировской области в 2014 году и задачах по реализации государственной миграционной политики в 2015 году // УФМС по Кировской области [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fms43.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=46&Itemid=72.

12. Доклад начальника УФМС России по Кировской области Егорова К.А. «О миграционной ситуации в Кировской обл. в 1 полугодии 2015 года и задачах по реализации государственной миграционной политики во 2 полугодии 2015 года // УФМС по Кировской области [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fms43.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=46&Itemid=72.

13. Доклад о миграционной ситуации и основных результатах деятельности УФМС России по УР в 1 полугодии 2015 года // УФМС по УР [Электронный ресурс]. – URL: <http://fms-udm.ru/main/ufms-rf-po-ur/osnovnye-pokazateli-deyatelnosti/otchety-i-doklady>.

14. Михаил Бабич провел совещание по оказанию помощи гражданам, вынужденно покинувшим Украину // Полномочный представитель Президента РФ в ПФО. 21.07.14. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pfo.ru/?id=80169>.

15. На прошедшей ярмарке вакансий 20 переселенцев нашли работу на кировских предприятиях // Интерактивно-новостной портал «Pro-Gorod». 23.08.14. [Электронный ресурс]. – URL: <http://progorod43.ru/news/view/136114>.

16. Ни один беженец с Украины без помощи не останется // Глава УР и Правительство УР. Официальный сайт. 27.06.14. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.udmurt.ru/about/info/news/?ELEMENT_ID=305779&sphrase_id=450245.

17. Около 70% украинских беженцев, находившихся в Кварсе, трудоустроены в Удмуртии // Известия УР. 25.09.14. [Электронный ресурс]. – URL: http://izvestiaur.ru/news/view/9483001.html?sphrase_id=768514.

18. Первая семья из Украины подала документы для получения статуса беженцев в Удмуртии // Информационное агентство «Сусанин». 24.06.14. [Электронный ресурс]. – URL: <http://susanin.udm.ru/news/2014/06/24/426209>.

19. Постановление Правительства РФ № 691 от 22.07.2014 г. «О предоставлении временного убежища гражданам Украины на территории РФ в упрощенном порядке» // Консультант [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165936.

20. Распоряжение Правительства РФ от 15 ноября 2014 г. № 2295-р О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 30 ноября 2013 г. № 2231-р // Гарант.ру [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70700452/#ixzz3mvQSLRv1>.

21. С. Солодовников: Мы перекрыли основной канал поставки... // Газета «Вятский наблюдатель». 30.09.14. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nabludatel.ru/new/2014/09/30/kuritelnoj-smesi-2>.

22. Сегодня в Киров приехала вторая группа беженцев из Украины // Эхо Москвы в Кирове. 15.08.14. [Электронный ресурс]. – URL: <http://echokirova.ru/news/21588>.

23. Стенограмма пресс-конференции А.В. Соловьева от 2 сентября 2014 г. // Информагентство УР. 03.09.14. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.udmurt.ru/about/info/anounces/?ELEMENT_ID=306437&sphrase_id=450245.

ТРАДИЦИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В ВЯТСКОМ КРАЕ

Е.И. Титова

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ЖЕНСКОГО ФАКТОРА В ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ В СРЕДЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА ВЯТСКОГО РЕГИОНА В XIX ВЕКЕ

Показаны значение женского фактора в противостоянии властям за сохранение старообрядчества, роль женщины в среде старообрядчества Вятского региона в XIX в., а также в быту и воспитании детей.

Ключевые слова: XIX век, воспитание, Вятский регион, дети, женщина, старообрядчество.

Известно, что обыденное имеет в старообрядчестве знаковый статус, выступает в качестве маркеров конфессиональной группы, следствием самоидентификации ее членов. Существует целый свод правил, призванных оградить старообрядцев от «неправильных» поступков и нежелательных ситуаций, удержать их в рамках учения. Если выработка социальных норм была делом общинным, то закрепление их в сознании индивида было связано, прежде всего, с семьей [4, с. 140]. Именно через семью ребенок должен был получать основы старообрядческого мировоззрения, философии и образа жизни.

Титова Елена Ивановна – лаборант-исследователь научно-исследовательской лаборатории «Этнокультурные процессы в Вятско-Камском регионе» ВГУ и УИИЯЛ УрО РАН, кандидат исторических наук.

Важную роль в этом вопросе в старообрядческой среде уделялась женщине.

В Вятской губернии, в отличие от центральных и восточных регионов, не сложилось крупных культурных старообрядческих центров, которые стали бы залогом существования особой сети школ для обучения детей. Переселявшиеся сюда старообрядцы несли свои знания с собой и, обосновавшись, могли передавать его из поколения в поколение лишь внутри общины и семьи. Важен и тот факт, что преобладающими в среде вятских старообрядцев были беспоповцы, известные большей замкнутостью и религиозной строгостью. В отличие от западных регионов страны школы даже по правилам 1836 г. не могли быть открыты в Вятской губернии из-за изначально пристальной борьбы со старообрядцами представителей официального православия. Домашние школы для вятских старообрядцев в рассматриваемый период были основным и важным средством образования.

Инспектор народных училищ Нолинского уезда Вятской губернии в донесении от 28 февраля 1904 г. отметил, что тайные старообрядческие домашние школы существовали почти во всех крупных деревнях, населенных староверами, особенно в Мальканской и Немской волости. Например, в деревне Власовской Мальканской волости действовала школа в доме Епистимии Логиновой. Инспектор выделил два типа нелегальных школ староверов. В одних детей учили «только механизму славянского чтения... буквосочетательным методом»; обучение письму не предполагалось. В других школах детей готовили к проведению общественных богослужений и с этой целью учили пению с голоса и по нотам (крюковым), беглому чтению по славянским книгам, знакомили со старообрядческим уставом. Часто староверы обучались грамоте у так называемых «раскольнических девиц», отказавшихся от супружеской жизни и именовавшихся «келейными». Это были грамотные наставницы, пользовавшиеся большим уважением среди старообрядцев [10, с. 21]. Женщины в среде вятских старообрядцев были важными носителями знаний и информации.

Особенность позиции женщины в условиях противостояния и защиты веры говорит следующий документ 1848–1850 гг.: «села Колковского священник Емельянов всемерно старался обратить в православие и присоединить к Святой Церкви крестьянина Подрельской волости Елисея Двинина и малолетних детей его. Но они остаются непреклонными относительно же воспитания детей в правилах христианской веры и поручения их благонадежным по вере нравственности лицам доверить согласия никогда не изъявляли и не изъявляют... Находясь с давних пор в расколе (Елисей Двинин) был уже осужден за это положением комитета Гл. министров и наказан тюремным заключением по сей причине не желаем оставить секту эту запрещая детям своим ходить в церковь и исполнять христианские обязанности от него не делаются. Рожденные от него дети сын Иван 1,5 года крещен в церкви села Колковского, дочери Афросинья 19, Ирина 6, сыновья Платон 15, Александр 11 и Василий 9 лет которые равно и мать их Федосья сказали, что они содержат раскол по внушению покойного их деда прикаже навек делаться ей вопросы отбывала молчанием свойственном детству ея и от исполнения христианских обязанностей решительно отреклись. Мать коих в следствие отозвалась, что она посылать к церкви божией их не будет...» [2, л. 4]. Далее в деле говорится: «Елисей Двинин отпал от православия в раскол в недавних годах будучи венчан по православию, прижитых детей своих крестил по православию же, но воспитание им давал по раскольнической» [2, л. 5]. Анализ документа позволяет утверждать, что в патриархальной старообрядческой семье женщина, на равнее с мужчиной, сохраняла веру. Женщина, как хранительница домашнего очага имела большое воздействие на детей. Дети, воспитанные в старообрядчестве, не смотря на возраст, уже имели стойкое представление о вере и иммунитет на внешнее воздействие.

В деле о купеческой дочери: «...после смерти Сарапульского 3-й гильдии купца Алексея Прокопоевича состоящего в православии над малолетнею его дочерью Сарапульским сиротским судом

1844 года учреждены попечителями и опекунами Сарапульские купчихи состоящие издревле в расколе беспоповской секты Домна и Анна Павловны Московичовы... она от православной церкви совершенно удалена, у исповеди и Святого причастия не бывает, не только это но даже и сообщение с людьми православного исповедания от них Московичовых ей воспрещается» [1, л. 3]. В ходе дела было выяснено, что «дочь Прокопьева Анфиса значится в 1852 году записанною в раскольничьих регистрах... по сказкам в номере 1 сделана отметка в 4 графе Алексей Васильевич Прокопьев умер в 1835 году, а в графе женского пола дочь Алексея Прокопьева Анфиса будучи православного отца показана в числе раскольников с бабушкой Марфой Павловой 10 лет, а из метрической справки видно, что Прокопьев умер не в 1835, а в 1844 году 15 ноября, следовательно дочь Прокопьева отдана на воспитание в раскол в противоречивость закону». В результате 3 февраля 1853 года было вынесено решение «считать ея раскольницею» [1, Л. 12]. Анализ данного документа показывает пример стойкости борьбы женщины за свою веру и преемницу. Интересно, что наиболее влиятельные староверы настаивали на положительных решениях судов.

Важно подчеркнуть, что старообрядцы могли выдать замуж дочь за представителя официального православия, но ни в коем случае не наоборот. Объяснялось это тем, что «женщина домашнее хозяйство ведет, посты блюдет» [4]. Так, женщине отводилась важная роль передачи и сохранения веры. Когда в 1860-е гг. в Вятской губернии были замечены массовые уклонения в «раскол», «на увещании миссионера и приходских священников в 1897 году было 14 семейств». Из «увещаемых» оставить заблуждения и возвращения в православия никто не пожелал. Как писал миссионер: «на возвращение в православие сыновей надежды, кажется, нет никакой – поженились на ярых раскольницах» [3, л. 2].

О роли матери в семье старообрядцев говорит и следующий пример. Когда миссионер Павел Цвейтов спрашивал «старушку-раскольницу» почему она не может оставить староверие, то услышал

такой ответ: «нет, батюшка, мать моя не благословляла меня ходить в церковь, а мать для меня все, она для меня земной бог! ... Я боюсь проклятья матери, она грозила проклясть меня, если я пойду в церковь» [11, с. 673]. Отношение к родителям, которое было заложено с детства, матерью даже после смерти не позволяло нарушать заветы. Женщины имели большое значение в старовойрии. На женщину в семье возлагалась большая роль в воспитании детей, поэтому девочек воспитывали с особым трепетом.

Так, для девочки было стыдно не уметь обеспечить семью элементарными вещами: тканым бельем, полотенцами, скатертями с вышивкой и так далее. Как вспоминает информант, «после замужества мужику надо идти в баню, а свекровка ему белье не выдает и говорит: ты мужу припасла белье, нет?» [4]. «С детства заставляли прясть, чтобы умела вязать, вышивать, ткать, а мальчиков ремеслу, упряжь, сани, телеги делали» [5]. Староверы ради сохранения своей веры старались как можно меньше контактировать с окружающим миром. Способность самих себя обеспечивать элементарными вещами позволяла избегать их покупки, зависимости от «мирского». Большая роль в этом вопросе доставалась женщине.

Кроме того, нечеткое исполнение правил, даже в мелочах строго наказывалось родителями. Так, «одела кофту вместо сарафана и рубашки дома – пороли», - вспоминает старожилка» [6]. «Без чехлушки и без пояса мужика кормить не положено – грех» [9]. Строгость в мелочах во многом и способствовала их сохранению и объяснялась так же важной функцией, возложенной на женщину как носительницу веры.

Позиция женщины в воспитании детей облегчалась в Вятской губернии большими патриархальными семьями. Дети, главные продолжатели старообрядческой культуры, воспринимались с радостью, главной задачей семьи было само воспроизводство следующего поколения и их воспитание. Интересно, что, например, в промышленных центрах страны женщины-старообрядки рожали детей без опасения, что некому будет приглядывать за ними, пока они на работе. Своих

младенцев они отправляли в родные скиты, где молодое поколение принимали с радостью. «Странники» да и федосеевцы с большим удовольствием брали не только своих детей под опеку.

Еще с XVII в. у старообрядцев появились первые ясли и детские сады, где дети могли оставаться до повзреления, где их обучали грамоте, кормили, обували и одевали. Они стали прообразом советской политики детского воспитания. Первые детские заведения обустроивались в лесных землянках. В XIX в. старообрядческие сиротские дома появились в селах и городах. Их воспитанники были более образованными, чем сверстники из православных рабочих семей. Нерегистрируемые, бесхозяйные, бездетные, трудолюбивые по идейным соображениям и не требовавшие больших зарплат, они были той рабочей силой, в которой нуждалась нарождавшаяся крупная промышленность [13, с. 80]. В Вятском регионе крестьяне-старообрядцы восполняли отсутствие таких детских садов большими патриархальными семьями, где всегда было, кому водиться с маленькими детьми.

Кроме того, в семьях почитались восприемники. Их называли крестными, а родителей окрещенных детей – кумовьями. Покумившиеся семьи оказывали взаимопомощь, не допускали ссоры. Духовное родство обязывало крестных воспитывать крестников, если они оставались без родителей [12, с. 106]. Как вспоминает старожилка, в среде вятских староверов «кресна та же мать была... кресна больше заботится, покупает подарки и даже балует» [7]. Важная роль женщины в сохранении и передаче веры защищалась системой воспроизводства и передачи культуры новому поколению.

Такие образом, в XIX в. в среде вятских старообрядцев отчетливо прослеживается особая роль женщины в воспроизводстве и передаче своей культуры новому поколению. Женщины в среде вятских старообрядцев были важными носителями знаний и информации, за что имели большое уважение в своей среде. Они являлись активными участницами в борьбе с властями за сохранение веры. Женщина, как хранительница домашнего очага имела большое

воздействие на детей, была примером в быту. С малого возраста впитывая основы староверской культуры, женщина становилась сама строгой хранительницей всех малейших проявлений старообрядчества. Так происходило воспроизводство культуры, и женщина занимала в этом процессе знаковую важную роль.

Источники и литература

1. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Фонд по третьему столу Канцелярии Вятского Гражданского губернаторства с 1796–1917 гг. Ф. 582. – Оп. 85. – Ед. хр. 99.

2. ГАКО. Фонд по третьему столу Канцелярии Вятского Гражданского губернаторства с 1796–1917 гг. Ф. 582. – Оп. 14а. – Ед.хр. 72.

3. ГАКО. Фонд Вятского комитета православного миссионерского общества г. Вятка с 1870–1918 гг. Ф. 811 – Оп. 1. – Ед. хр. 515.

4. *Данилко Е.С.* Старообрядчество на Южном Урале: очерки истории и традиционной культуры. – Уфа: Гилем, 2002. – 225 с.

5. ИБЭ. 2002, Загвоздкина А.Ф., 1938 г.р., с. Шурма.

6. ИБЭ. 2007, Ефросинья, 1937 г.р., д. Шихали.

7. ИБЭ. 2004, Злобина мария Васильена, 1932 г.р. Борисовцы.

8. ИБЭ. 2008, Заболотских Евдокия Липатьевна, 1929 г. р. Шихали.

9. ИБЭ. 2002, Загвоздкина А.Ф., 1938 г.р., с. Шурма

10. *Машковцева В.В.* Конфессиональная политика государства по отношению к старообрядцам во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Вятской губернии). – Киров: ВятГГУ, 2006. – 140 с.

11. *Цвейтов П.* Неразумное веление матери // Вятские епархиальные ведомости (неофициальная часть). – 1903. – № 15. – С. 673.

12. *Чагин Г.Н.* Семья у русских старообрядцев Верхоямья: традиции и новации в XX – начале XXI вв. // Старообрядчество Сибири и дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи: Мат-лы четвертой междунар. науч. конф. – Владивосток, 2004. – С. 106–110.

13. *Шахназаров О.Л.* Старообрядчество и большевизм // Вопросы истории. – 2002. – № 4. – С. 72–97.

И.Ю. Трушкова

ВЗАИМНОЕ ВОСПРИЯТИЕ СТАРООБРЯДЦЕВ И МУСУЛЬМАН В ВЯТСКОМ РЕГИОНЕ В XX ВЕКЕ В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ¹

Статья посвящена анализу исторического опыта контактирования в Вятском регионе двух, на первый взгляд, «несравнимых» этнокультурных явлений – старообрядчества и традиционного ислама. Показаны причины и основания для сравнения и позитивного взаимодействия. Отмечены некоторые правила духовных и экономических контактов. Приведены некоторые примеры восприятия этих культур в других регионах России. Обозначены микротенденции в контактах этноконфессиональных сообществ в мировом контексте.

Ключевые слова: старообрядчество, традиционный ислам, Вятский регион, компаративистский анализ, исторический опыт позитивного взаимодействия, проблемы мирового этноконфессионального сообщества.

Трушкова Ирина Юрьевна – заведующая кафедрой археологии, этнологии и культурной антропологии Вятского государственного гуманитарного университета (г. Киров), доктор исторических наук, профессор.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15–11–43601 «Этнокультуры Российского Юга на Российском Севере: опыт взаимодействия в конце XX – начале XXI вв. (на примере Приуралья и Кировской области)».

В первые десятилетия XXI в. в России и в зарубежных странах наблюдается некоторое переосмысление роли конфессионального фактора в общественной жизни. Традиционные ценности, а вместе с ними религиозные устои переосмысливаются, подвергаются эрозии. «За пределами текущей «индустриальной» морали, за пределами атавистических социальных образов-паттернов, до сих пор сковывающих человека, он обретает свободу. И человек достигнет могущества последних Богов и даже превзойдет их, он начнет создавать себя... Ведь антропогенез – есть первый пример естественной сапиентизации, приводящей к созданию существ с внешней беременностью, социальной формой организации жизни, полиморфных, способных к созданию собственной среды обитания» [10, с. 7-8]. В этой ситуации начинают по-новому осмысливаться такие мировые религии как христианство и ислам.

Этнические процессы все больше переплетаются с конфессиональными. «Вопреки предсказаниям многих современных исследователей религии во второй половине XX в. мир не становится более атеистическим по мере развития прогресса... мы живем не в эпоху атеизма, мы живем в мире «взрывной, всепроникающей религиозности»...» [4, с. 436]. Кроме переосмысления некоторых традиционных явлений в зарубежных странах наблюдается как радикальное, так и либеральное восприятие религии. В «спектральной линейке» постмодернистских ценностей – весьма «либеральное» отношение к браку и семье, в том числе однополым бракам. На этом фоне особое внимание привлекает опыт взаимоотношений двух мировых религий – ислама и христианства, в том числе – старообрядчества и традиционного ислама в России.

Казалось бы компаративистский анализ данных конфессиональных явлений – это «сравнение несравнимых». Но при детальном рассмотрении выявляются некоторые небезыңтересные параллели. Традиционный/народный ислам и старообрядчество могут быть сравнимы по ряду аспектов. Обе формы религии – из крестьянской, аграрной эпохи, с присущими ей отношением к труду, коммуникации в семье, общине, мире.

Духовные мотивы поддержания своей культуры в нравственно чистоте у обеих рассматриваемых религиозных традиций выявляются через отношение к священным книгам и книгам вообще. Как и в других территориях России, на Вятке воспроизводилось обучение грамоте в общине, самообразование через чтение церковно-славянских азбук, Псалтыря и других книг. Обращают на себя внимание правила чтения. Так, например, на юге Вятской губернии у староверов-беспоповцев бытовали правила, что читать книги нужно лишь чистыми руками, если читаешь ее навесу, то следует придерживать переплет, перелистывать страницы за верхний угол и т.д. [7, с. 523]. Характерна привычка у старообрядцев в повседневной жизни при аргументировании ссылаться на «святых отцов», «на Писанье», «на Библию». Такая же черта отмечается в традиционном исламе с его обращением к Корану и суннам.

В силу значительного проникновения религии в повседневную жизнь в обеих рассматриваемых религиозных доктринах особое место занимает достаточно строгое соблюдение постов, в том числе в период социализма и после него. Поэтому в староверческих деревнях и во второй половине XX в. летом (из-за Петрова поста) накапливалось молоко, в другие посты также проходили «разгрузки» организма, особо выдерживался Великий пост [1, д. 16, л. 9]. Показательна такая фраза из современной беседы с мусульманкой в г. Кирове: «...Ой, уже много говорим, устала я, пост ведь у нас идет, Рамадан, нельзя есть днем, давай в другой день еще встретимся...» [1, д. 6, л. 1].

Как в староверии, так и в народном исламе существовало уважительное отношение к семейным и родственным связям и ценностям, в число которых входило послушание родителям, почитание старших. Оформилась сеть коммуникаций внутри религиозных общин. «...Именно в культуре староверия принадлежность к вере соотносилась с принадлежностью к группе, помогающей конкретной личности преодолеть жизненные трудности» [8, с. 181]. Для мусульманских деревень в Вятском регионе была характерна принадлежность к сообществу мечети.

В рассматриваемых этноконфессиональных культурах поддерживались и правила работы, быта, этикетные нормы для общения внутри и вне сообщества.

Прежде всего, следует обратить внимание на поддержание чистоты духовной и телесной в домах как приверженцев древнего православия, так и традиционного ислама. Своеобразной формулой звучит замечание одной старой женщины в старообрядческой деревне, что «дом без икон – хлев» [7, с. 516]. Аналогичная чистота наблюдалась и у татар Вятского края. Большое почтение оказывалось высказываниям из Корана, эстетично оформленным в рамках и развешанным на стенах дома. Всех домочадцев в семьях староверов приучали, что даже отхожее место должно содержаться в чистоте. Сходный сюжет в жизни вятских мусульман связан с культурой использования кумганов. Вероятно, достаточно полное воспроизведение религиозных устоев способствовало этому.

Вопрос рождаемости в обеих культурах решался с некоторыми сходствами, с присущими аграрным обществам традициям, т.е. в пользу большой детности. Так, например, у староверов значительное количество детей в семьях объяснялось, как известно, еще и тем, что государство ограничивало возможности пополнения старообрядческих общин за счет неофитов. Сильнейшая миссионерская и противораскольническая деятельность РПЦ до революции ставила старообрядческие общины в неравное положение по сравнению с приверженцами официального православия. Поэтому надежным источников воспроизводства и пополнения религиозных общин и семей, в том числе и как хозяйственных объединений, могло происходить за счет собственной повышенной детности. Похожая ситуация сохранялась и на протяжении XX столетия. В цепочке примеров – отношение к семье и детности у современных мусульман, причем, не только в Вятском регионе. Для имиджа приверженцев ислама важно иметь детей, особенно – сыновей, и воспитать их так, чтобы в дальнейшем эти культурные ценности воспроизводились и детьми. Так, существование в наши дни этноконфессиональных культур с

сильными традициями может помочь сохранять демографический баланс в отношении «либеральных» свобод однополых браков, гомосексуализма и т.п. Это залог воспроизводства этнических культур с «религиозным замесом».

Определенные сходства у русских-староверов и татар-мусульман в Вятском крае наблюдаются и в экономической деятельности, в частности, в развитии торговли, что целесообразно исследовать в современный период с точки зрения развития и упрочения мелкого и среднего бизнеса.

Так, при всей несхожести повседневных культур у приверженцев одной и другой религиозных традиций выявляется положительное взаимное восприятие. У татар в Слободском районе Кировской области зафиксировано следующее наблюдение: «У нас тут неподалеку старые веры жили, дак у них чисто в доме все, как и у нас. Полы очень скребли, все-все очень мыли, то есть чисто, как в Раю... у них тоже книги чтят...» [1, д. 7, л. 4]. Еще одно чрезвычайно полезное правило «народной дипломатии» у татар, произнесенное в Малмыжском районе гласит: «с родными иногда еще можно поссориться, а с соседями – никогда» [1, д. 15, л. 1].

Ответное отношение староверов к татарам, а также и к финно-уграм, можно проанализировать на двух уровнях. Первый, быстрый, поверхностный взгляд выявляет определенное размежевание, такое же, как и в других культурах. Особенно в духовных вопросах вятскими староверами с иным культурным окружением (в том числе – и с новообрядцами) поддерживался некий «status quo» при твердом соблюдении собственных религиозных канонов. Но более пристальное рассмотрение открывает факты торгово-экономического сотрудничества, и, что особенно интересно – факты расселения староверов не по соседству с деревнями и селами «мирских», в окружении деревень финно-угров и татар.

В целом, у старообрядцев и мусульман в Вятском регионе на протяжении XX в. фиксировалось позитивное отношение к инокультурному окружению, основанное на практических интересах.

Свое влияние на это оказал и советский период с его смещением национального и борьбой с религиозным в пользу классового вопроса.

К началу XXI в. в противовес, для удержания традиционных устоев и естественного развития и воспроизводства общества актуализируются религиозные течения не просто традиционные, из исторического опыта, но и с достаточной дисциплиной, самодисциплиной, аскезой, направленной на созидание.

Культурная интеграция в советское время и после перестройки привела к тому, что в Кировской области оформились диаспоры и национально-культурные общества дагестанцев, чеченцев, азербайджанцев, узбеков и таджиков. Известно, что на своей этнической родине, к примеру, на Кавказе, представители названных этносов – мусульмане, также имели опыт контактирования как со старообрядчеством, так и молоканами. В целом, воспроизводятся их положительные характеристики и восприятие данных конфессиональных групп русского народа благодаря понятной для Кавказа и Средней Азии большой детности, трудолюбию, хозяйственности, религиозности, длинным закрытым одеждам у женщин и т.д. [1, д. 3, л. 4]. Показательно здесь замечание переселенца из Армении: «...это молоканский костюм? нет? старообрядческий?! Похожи они, в них сарафаны и платки есть. У нас на Кавказе и старoverы, и молокане живут, спокойные, трудолюбивые...» [1, д. 3, л. 4-5]. Формула отношений «мы разные в духовной сфере, но в практических областях сотрудничаем» воспроизводится и здесь.

Некие сходства наблюдаются в культурном ландшафте старoverческих поселений на Кавказе. К примеру, южнее Адлера, в Имеретинской низменности, длительное время жили старoverы в пестром этническом окружении кавказских этносов; как и на юге Вятки – в окружении татарских, удмуртских и марийских деревень.

Еще одно сходство старoverия и традиционного ислама можно отметить в том, что эти обе формы религии при объявленной легитимности и в наши дни достаточно ранимы, испытывают ограничения со стороны некоторых государственных и других структур. В первом

десятилетия XXI в. намечается специфическая микротенденция: если некое религиозное сообщество претендует на «излишне государственный» статус, то его подстерегают опасности стагнации и впадения в крайности. В этом смысле так называемый народный ислам и старообрядчество, пользуясь «изустной» передачей этноконфессиональной информации, выдерживают уровень баланса и созидательного развития. Уровень «довольствования», характерный аграрной эпохе, удерживает их от стагнации.

Актуализация данных религиозных явлений в конце XX – начале XXI вв. может быть представлена своеобразной культурной инверсией: в индустриальное и пост-индустриальное время обращаться к традиционным ценностям, чтобы опыт той эпохи, ее культурные технологии помогли преодолеть нынешние трудности.

Не только различия, но и сходства обнаруживают образы старообрядцев и мусульман. Образ старообрядца в начале XX в. в России предстает отнюдь не ренегатом, самого себя сжигающим на костре. «Золотой век русского старообрядчества» познакомил Российские регионы, Российскую империю и мир с купцами Рябушинскими и Морозовыми, занимающимися не только экономикой, но и духовностью [6, с. 1-240; 2, с. 1-447; 3, с. 1-203]. Выходцами из староверия являются другие купцы-миллионщики – Гучковы, Мамонтовы, Третьяковы (в том числе и основатель знаменитой галереи в Москве П.М. Третьяков), Алексеевы, Кузнецовы. Последние известны благодаря фирменному фарфору. В этой когорте – поэты и писатели Н. Клюев, И. Шмелев, И. Чернев (А.А. Леонов). Старообрядчество дало миру и театральным деятелей – С.И. Зимина, К.С. Алексеева, известного больше как Станиславский [5, с. 246]. Образ выходца из старообрядчества получается таков: это энергичный, религиозно дисциплинированный, образованный человек, приверженец семейных ценностей.

Образ мусульманина в России и в наши дни можно рассматривать аналогично. Обращает на себя внимание, что некоторые общественные представления также разнятся с реальными характеристиками.

Не всегда верные стереотипы соседствуют с реальными характеристиками, основанными на статистических параметрах, особенно в зарубежных странах. «Начиная с печально известного 11 сентября быть мусульманином в Америке не очень легко. Почти у половины американцев отрицательное отношение к исламу... Но если посмотреть на реальный демографический портрет мусульман в Америке, то можно увидеть совершенно противоположную картину. Американцы считают мусульман жестокими? Подавляющее число мусульман (81%) поддерживают закон, ограничивающий и регулирующий продажу, покупку и владение оружием, тогда как за такой закон выступают чуть меньше половины американцев. Исламская религия агрессивна? Двадцать пять процентов мусульман говорят, что посещают религиозную службу раз в неделю, это делает практически такое же число американцев – 26%. 40% мусульман утверждают, что у них умеренные взгляды, что в количественном пересчете соответствует соотношению среди американцев. Кстати, если бы я описал часть американского населения, 70% которой состоит в браке, 82% занесены в списки избирателей, 59% имеют высшее образование и среднегодовой доход более 50 тысяч долларов, как вы думаете, к какой группе они относились бы? Это средний мусульманин в Америке. Молодой, ориентированный на семейную жизнь, хорошо образованный, преуспевающий и политически активный» [4, с. 117-118]. В чем дело? Ответ на уже это вопрос дает высказывание другого исследователя. В конце XX – начале XXI столетия людям нужны новые источники идентичности, новые нормы стабильного сообщества, и новые моральные устои, которые дали бы им чувство смысла и цели [9, с. 142].

Свобода совести в пост-индустриальном обществе, вероятно, должна включать некоторую диверсификацию: от государствами поддерживаемых макроструктур, с уменьшающейся при этом религиозной аскезой и большим риском стагнации, до некоторых разновидностей традиционного облика, где все положительные влияния религии больше выражены. «Религия, которая раньше была

построена на поточной экономике Форда, в настоящее время переходит в экономику кофеен «Старбакс», предназначенную для удовлетворения многих индивидуальных предпочтений. В наши дни можно выбрать себе религию и молитвенное сообщество практически так же, как выбираешь утренний кофе. Это приведет к меньшему числу прихожан в отдельно взятой церкви, но, наверное, к более сильной вере» [4, с. 439]. Эти явления могут воплотиться в реальности, в том числе и с учетом исторического опыта контактов старообрядчества и традиционного ислама в российских регионах.

В плане ретроспективы можно утверждать, что благодаря культурной инверсии выгодно определяются созидательные ресурсы староверия и народного ислама. Анализ современности и прогноз на будущее выявляет рост потребности в диверсификации религиозных практиках, где позитивные культурные технологии староверия и традиционного ислама в России и за рубежом могут быть переосмыслены и более полно задействованы в общественной жизни.

Таким образом, положительный опыт позиционирования внешних культурных и экономических коммуникаций старообрядчества и традиционного ислама в Вятском регионе в частности и в России в целом целесообразно учитывать в наши дни. Данная тема имеет значительные перспективы исследования.

Источники и литература

1. Вятский этнографический и археологический архив (ВЭАА). Ф. 2. «Этнографические материалы». – Оп. 2. «Материалы от жителей Кировской области».
2. *Иванов В.* Зачем человеку деньги. Хроника жизни купеческой семьи Рябушинских. – М.: ТЕРРА, 1996. – 447 с.
3. *Морозов С.Т.* Дед умер молодым. Документальная повесть. – М: ТЕРРА, 1996. – 203 с.
4. *Пенн Марк Дж., Залесн Кинни Э.* Микротенденции. Маленькие изменения, приводящие к большим переменам. – М: АСТ, 2009. – 510 с.

5. Петров С.П. Русские старoverы и этнокультурные процессы в странах и регионах // Сб. мат-лов Всеросс. научн.-техн. конф. «Наука – производство – технологии – экология». – Киров, 2006. – С. 245–249.

6. Рябушинский В. Старообрядчество и русское религиозное чувство. Русский хозяин. Статьи об иконе. – М.: Москва-Иерусалим, 1994. – 240 с.

7. Трушкова И.Ю. Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX – начале XX вв.: система жизнеобеспечения. – Киров: Маури-принт, 2003. – 722 с.

8. Трушкова И.Ю. Проблемы цивилизационной адаптации старообрядческой культуры: есть ли у старoverия постиндустриальное будущее // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Мат-лы V Междунар. научн.-практ. конф., 31 мая – 1 июня 2007 г. – Улан-Удэ, Изд-во Бурятского ун-та, 2007. – С. 180–184.

9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М: Изд-во АСТ, 2003. – 603 с.

10. Ютанов Н. Антропогенез вне морали // Столяров Андрей. Освобожденный Эдем. – М.: АСТ; СПб: Terra Fantastica, 2008. – С. 3–8.

Е.И. Титова, И.Ю. Трушкова

ТРАДИЦИИ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ У СТАРООБРЯДЦЕВ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

(на примере Уржумского района Кировской области)

В статье приводятся яркие зарисовки воспитания детей в среде старообрядцев на примере Вятского региона в XX – начале XXI в. Традиции воспитания и обучения младшего поколения формировали особую атмосферу, благодаря которой старообрядцы могли сохранять и передавать свою культуру, выращивать достойное поколение. Религиозное, трудовое воспитание детей староверов позволяло им обучаться в советских школах и оставаться верными своим традициям. Опыт вятских староверов сохранения своей культуры в условиях советского периода может быть важным для решения многих проблем воспитания и образования современного поколения.

Ключевые слова: трудовое воспитание, религиозное воспитание, старообрядчество, дети, молитва, школа, советский период, традиции.

Титова Елена Ивановна – лаборант-исследователь научно-исследовательской лаборатории «Этнокультурные процессы в Вятско-Камском регионе» ВГГУ и УИИЯЛ УрО РАН, кандидат исторических наук.

Трушкова Ирина Юрьевна – заведующая кафедрой археологии, этнологии и культурной антропологии Вятского государственного гуманитарного университета (г. Киров), доктор исторических наук, профессор.

Развитие образования в современный век информационных технологий для любой страны является одной из первостепенных задач. Проблемы в рассматриваемой сфере для нашей страны по большей мере связаны с соотношением явлений западной или российской системы образования, с сочетанием собственного и зарубежного опыта. Могут ли этнические, традиционные явления, как например, в старообрядческом образовании быть полезными в современном информационном обществе, с его «высокими технологиями»? Возможно ли использование традиционности для решения проблем в области воспитания и обучения современных детей? Староверам удавалось воспитывать активных, прогрессивных, стремящихся к образованности, нравственно-устойчивых и патриотичных личностей. Как и почему им удавалось так долго воспроизводить свою культуру, кроме того, в самых различных и сложных условиях? Интересной зарисовкой в данных вопросах являются традиции воспитания детей в среде старообрядчества на примере Вятского региона.

«Как вариант традиционной русской культуры, староверие, в том числе и вятское, в течение веков выработало оптимальную систему воспитания и обучения детей, подростков и молодежи. Она включала в себя, прежде всего, введение ребенка в мир религии, в том числе через молитвы, чтение, духовное пение» [11, с. 172]. Традиции воспитания XIX в. воспроизводились и в XX столетии, в том числе в период социализма.

Известно, что староверы особенно трудолюбивы и трудовое воспитание является для них очень важным. Стимулы к добросовестному труду были не явные, а скрытые. Трудились не за похвалу, как обязанность работу воспринимали. Еще во второй половине XX в. усердный труд положительно влиял на имидж человека, особенно девушки. Так, для девочки было стыдно не уметь обеспечить семью элементарными вещами: тканым бельем, полотенцами, скатертями с вышивкой и так далее. Как вспоминает информант, «после замужества мужику надо идти в баню, а свекровка ему белье не выдает и говорит: ты мужу припасла белье, нет?» [2]. «С детства заставляли

прясть, чтобы умела вязать, вышивать, ткать, а мальчиков ремеслу, упряжь, сани, телеги делали. Поединолично жили, хорошо» [5]. Староверы ради сохранения своей веры старались как можно меньше контактировать с окружающим миром. Способность самих себя обеспечивать элементарными вещами позволяла избегать их покупки, зависимости от «мирского».

Особое восприятие трудового воспитания у староверов привело к тому, что на протяжении XX в. при всех изменениях в сфере экономической занятости в разных субкультурных средах, контактирующих со старообрядцами, отмечается, что во всех хозяйственных делах они работали добросовестно. Б. Черезов в XX столетии писал в воспоминаниях: «В семьях была четкая субординация, как у казаков «слово старшего – закон». Режим труда и отдыха по всему селу был примерно одинаковым. Религиозная культура, трудовое воспитание дисциплинировали. Все работы по дому и в поле, а так же религиозные обряды проводились строго по времени. Кушали пять раз в сутки (завтрак, полдник, обед, паужинок, ужин). Считали: «Вовремя сделанное дело в два раза ценнее». Утром вставали в четыре часа и раньше ложились спать в десять вечера, иногда позднее. Обед с 12 до двух, чтобы накормить лошадь и отдохнуть. В поле работали с 8 до 70 лет. Приучали к труду раньше с 2-3 лет. Жили, как правило, по 87-95 лет, были и долгожители по 105-106 лет. Семьи были многодетные от 8-12 до 26 человек. Непослушание считалось грехом. Каждый имел свои обязанности. Вредных привычек было мало. Курили в двух домах, алкоголиков не было. Не зарегистрировано убийств и самоубийств [13]. Старообрядцы выделялись доброжелательностью, трезвостью и вели здоровый образ жизни. Таким образом, система обучения и воспитания в среде вятских старообрядцев формировала здоровый образ жизни человека, четкость, дисциплинированность, которые помогали избегать негативных явлений в обществе. Дети, получившие еще домашнее старообрядческое воспитание в 1920-50-е гг., стремились стать достойными гражданами страны, часто уезжали в город получать образование.

Для вятских староверов труд так же оставался непреходящей ценностью. Он позволял приспособливаться к любой власти, особенно трудовое обучение и воспитание сыграло свою роль в советский период. Не смотря на распространение комсомольской работы в первой половине XX в., в вятской провинции устои жизни оставались достаточно консервативными. Старожилы вспоминают: «в пионеры нас не пускала мать, часто ее в школу вызывали, позорили, спасало только то, что учились на отлично» [4]. Характерное включение в систему официального образования проявляются и в таких воспоминаниях. «... Был пионером. Все посты соблюдали. В армию крест брал в бумаге, когда учился, молитвы читал: «Господи, помоги сдать атеизм» [6]. Религиозное начало в воспитании дополнялось свойственным эпохе образованием.

Старожилка с. Шурма Уржумского района Кировской области вспоминает, что «брату Стахею, когда повестка пришла в армию, обязательно было ехать перед армией в д. Максинерь к духовнику, напутствие получить... крестик в армию брали обязательно» [4]. Кроме того, по ее словам, каждому событию в жизни соответствовала своя молитва. Их знание сохранялось благодаря записям в тетради: «Аще на войну пойдешь и будешь призывать на помощь Господа нашего Иисуса Христа и Святителя Николая Чудотворца, и скорого помощника и теплого заступника Дмитрия Солонинского, дабы сохранит от стрельбы и великого сечения, от оружия неприятельского...» [1]. Так, и в XX в. любое начинание, в том числе и трудовое, приучали делать с молитвой, с упованием на Святых, тем самым имелся положительный настрой в любом деле.

История повседневности, свойственная старообрядческой культуре в Вятском регионе в XX в., выявляет соотношения, в которых сочетались религиозная культура, трудовое воспитание дома и в государственных образовательных учреждениях, а также обучение в школе. «... Были и гулевые песни, раньше ведь все пели за работой. Ходили в поле с ребенком, рог был вместо бутылки. С маленькими в семье водиться заставляли. Своя учительница Варвара Калиновна по домам ходила. К домашним работам приучали сильно работать, во втором классе –

в поле работали, коромысла маленькие были, с реки воду носили» [5]. Такое детство было у родившихся в 1920-е и 1930-е гг. людей.

Собирание колхозных колосков, тайное использование молитв в РККА, по возможности избегание государственных больниц и лекарств, сильный моральный настрой – надежда на Бога; все это характеризует процесс мимикрии старообрядческой культуры в годы советской власти.

Религия продолжала оставаться стержнем духовности, явно и латентно. По словам старожилов, люди молились дома, в том числе – тайно. Часть устоев жизни связывалась населением с семейными ценностями, стремлением воспроизвести благополучие. «Начал кладут – Бог даст здоровье и судьбу хорошую. Без креста и пояса ангел не хранит. В крещенье вся вода святая с открытых водоемов, травки на этой воде заваришь, быстрее помогает. С полутора лет приучают к молитвам, с пяти лет – к «Отче наш», с семнадцати – к полным требам... Молиться, – как говорить, – научишься... За стол садишься и молишься. Я еще в школе не училась, но умела читать, читала, как старики поют (тянут)» [4]. Стойкость воспроизводства элементов религии в XX в. зависела от запретов, страхов деструкции неких вечных основ. Смысл и содержание молитв осознавались детьми позднее в разговорах со старшими, беседах в церкви, чтении религиозных книг. Постепенность понимания способствовала его качеству. Развивалась религиозность не только внешняя (знать дни святых и фенологические приметы, с ними связанные), но и внутренняя, с глубинным пониманием православия.

Совместные моления дома в кругу семьи, в церкви помогали процессу социализации. «Все в доме молятся и стар и млад...». Показательным в данном случае являются различные праздники как религиозные, так и семейные. Вся семья собиралась за праздничным столом. В особо крупные праздники, такие как Рождество, Пасха, Троица и др. происходило духовное общение не только в кругу семьи, но и всей общиной, деревней. «Что мама наготовит, то и едим все...», «...перед Пасхой семь недель не просили есть...» [7].

В человеке с малых лет воспитывалась религиозная сдержанность, аскетизм, сила воли.

У подрастающего поколения староверов с 20-30-х гг. XX в. обнаружилась ещё одна проблема вступление в пионеры и комсомольцы. Вспоминая о том времени даже в начале XXI столетия, уже пожилые люди не говорят, что они «были пионерами», а говорят – «носили галстуки»; тем самым подчеркивалось вынужденное вступление в пионеры. Эти люди вспоминают, что становиться членом детской политической организации приходилось быстрее, когда родителей стали раскулачивать. Но иногда вступление в пионеры оттягивалось до 1930-40-х гг. Система домашнего обучения и воспитания еще продолжала действовать.

История образования в старообрядческой среде в XX столетии, несомненно, включает разделы о школьной жизни. «...В школе наши быстрее учились читать, так как дома уже были научены читать более сложные тексты – по-старославянски. Где сложно в математике – за честь и радость считали мы решить такие задачи. Это ведь как в дедовых книгах» [8]. Так, домашнее обучение и воспитание помогало детям приспособливаться во внешнем мире.

Специфично проявляли себя школьники из староверских семей и во внеклассной работе. Одна из классных руководительниц вспоминала, что такие учащиеся были ее верными помощниками. «Они обязательно свое дежурство по классу отведут, и после уроков их не надо искать, чтоб пол в классе вымыть. Бывало, забудешь, что дежурным не напомнила про полы, придешь, а они сами уже все перемыли тщательно, стулья на парты аккуратно поставили. И даже окна, и доску обязательно протерли... Да и другие поручения выполняют честно, на «пять» [8]. В общем, проявлялась мимикрия по отношению к официальной идеологии – «лучше спрятаться, не отвечать на коварные вопросы и чтоб тебя любили учителя за прилежность, ум и труд».

Как вспоминает одна старожилка, «придет поп к нам, окна завесим, чтоб никакой щелки не было ничего, чтоб никто не видел и

не слышал, что тут поп есть в доме, вот так и венчались, так и все шестеро детей крещены...» [3]. Староверы, в отличие от «мирских» имели опыт осторожности и тайного проведения обрядов.

Нечеткое исполнение правил, даже в мелочах строго наказывалось родителями. Так, «одела кофту вместо сарафана и рубашки дома – пороли», – вспоминает старожилка [3]. «Без чехлушки и без пояса мужика кормить не положено – грех» [4]. Строгость в мелочах во многом и способствовала их сохранению. Понятие греха четко усваивалось в домашнем воспитании в мировоззрении ребенка. Требовательность к порядку воспитывалась с самого детства, вырабатывался стереотип поведения. Так, то, что через домашнее воспитание закладывалось в сознание человека, становилось определяющим для его поведения.

Вятские староверы, которые, находясь в постоянной конфронтации внешнему миру, всей своей системой образования готовили детей к встрече с ним, были вынуждены создавать свою философию, обличать недостатки внешнего.

Своеобразно отношение современных старообрядцев к печатной продукции: центральные и местные газеты, журналы они внимательно изучают и по-своему интерпретируют изложенные в них факты. Не вызывает столь сильных опасений также выписываемая для сельской местности литература по домоводству, рукоделию и уходу за приусадебным хозяйством [12, с. 38]. Вятские старообрядцы до сих пор держат и читают в своих домах старые религиозные книги. Причем, молодежь почтительно относятся к ним, интересуются. Старожилка говорила: «внуки, кода приезжают, любят слушать о вере... книги смотрят... все ведь это корни семейные...» [5]. Сохранялось и уважительное отношение к книгам, на юге Вятской губернии у староверов-беспоповцев бытовали правила, что читать книги нужно лишь чистыми руками, если читаешь ее навесу, то следует придерживать переплет, перелистывать страницы за верхний их угол и т.д. [10, с. 523].

Выработка новых стратегий образования, учитывающих возможную перестройку системы ценностей современной цивили-

зации – это наиболее сложная и важная проблема сегодня. Долгое время наука и технология в новоевропейской культурной традиции развивались так, что они согласовывались только с западной системой ценностей. Теперь выясняется, что современный тип научно-технологического развития можно согласовать и с альтернативными и с, казалось бы, чуждыми западным ценностям мировоззренческими идеями традиционных культур [9, с. 307]. В связи с этим старообрядческое мировоззрение, обучение и воспитание могли бы стать в нашей стране частью такой альтернативы.

Источники и литература

1. Архив ИБЭ. Тетрадь №6. 1973, д. Шихали, Уржумский район. 12 Л.
2. ИБЭ. 2007, Ефросинья, 1937 г.р., д. Шихали.
3. ИБЭ. 2008, Заболотских Евдокия Липатьевна, 1929 г. р. Шихали.
4. ИБЭ. 2002, Загвоздкина А.Ф., 1938 г.р., Шурма.
5. ИБЭ. 2004, Злобина Мария Васильевна, 1932 г.р. Борисовцы.
6. ИБЭ. 2003, Иван Васильевич Чернов, 1924 г.р., Пиляндыш.
7. ИБЭ. 2005, Кильмезский район.
8. ИБЭ. 2008, Омутнинский р-н.
9. *Степин В.* Наука и образование в контексте современных цивилизационных изменений // Журнал высоких гуманитарных технологий: Безопасность Евразии. – 2001. – №3. – Июль-сентябрь. – С. 307–312.
10. *Трушкова И.Ю.* Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX – начале XX вв.: система жизнеобеспечения. – Киров: Маури-принт, 2003. – 722 с.
11. *Трушкова И.Ю.* Этнопедагогика в культуре старообрядцев Вятского региона // Старообрядческий мир Волго-Камья: проблемы комплексного изучения. Материалы научной конференции. – Пермь, 2001.
12. *Фурсова Е.Ф., Голомянов А.И.* Прошлое, настоящее и будущее русских старообрядцев // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сб. науч. тр. / Отв. ред. и сост. Е.Ю. Юхименко. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 36–38.
13. *Черезов Б.* Старая Тушка и ее обитатели // Сельская правда (Малмыж). – 1996. – № 138. – 19 ноября. – С. 4.

ФИННО-УГРЫ – СЛАВЯНЕ – ТЮРКИ: ОПЫТ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

И.В. Чемоданов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛАВЯНСКОГО, ФИННО-УГОРСКОГО И ТЮРКСКОГО КОМПОНЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 1930-х гг.: НА ПРИМЕРЕ КИРОВСКОГО КРАЯ

В статье анализируются закономерности процесса коллективизации в Вятском (Кировском) крае. Жизнь и хозяйственная деятельность вятского крестьянства 1930-х гг. рассматриваются в общероссийском контексте, при этом раскрывается региональная специфика и выявляется влияние национального фактора.

Ключевые слова: Кировский край, крестьянство, коллективизация, колхозы, кулачество, национальные меньшинства, национальная политика.

Закономерности процесса коллективизации в Вятском крае были связаны со спецификой региона. К концу 1920-х гг., в связи с провозглашением курса на коллективизацию, колхозное движение усилилось не только в зерновых, но также в потребляющих и экономически отсталых национальных районах СССР. Однако,

Чемоданов Игорь Владиславович – доцент кафедры археологии, этнологии и культурной антропологии Вятского государственного гуманитарного университета (г. Киров), кандидат исторических наук.

несмотря на заметные сдвиги в осуществлении коллективизации, в потребляющих районах страны удельный вес коллективизированных хозяйств был в 2-4 раза меньше, чем в среднем по СССР. Типичным в этом отношении являлся Вятский регион. Вятские колхозы не могли рассчитывать на сколько-нибудь значительную материальную поддержку со стороны государства, поскольку приоритет отдавался зерновым районам страны. Поэтому удельный вес колхозных дворов в Вятском регионе к началу массовой коллективизации составлял лишь 3,4%. Это было значительно меньше, чем в целом по стране (7,5%).

Особенно трудно разворачивалось колхозное строительство в национальных районах. Сказывались общая экономическая и культурная отсталость, а также недостаточная работа местных органов власти среди национальных меньшинств. К началу 1930-х гг. национальные колхозы характеризовались крайне слабой производственно-технической и кадровой базой, агрономическое обслуживание там почти полностью отсутствовало. Со стороны русских по отношению к представителям национальных меньшинств имели место проявления великодержавного шовинизма.

К исходу 1932 г. в Вятском регионе (включая Удмуртию) было образовано 9939 колхозов. Они объединяли 240,8 тыс. крестьянских дворов, что составляло 44,7% всех хозяйств. Это было ниже по сравнению с общероссийским и общесоюзным уровнем (около 60%), а также по сравнению с соседними регионами – Марийской автономной областью (45,5%) [11, с. 30], Коми автономной областью (45,8%) [13, с. 200] и Уралом (66,4%) [8, с. 34]. Что касается отдельно взятой Удмуртской автономной области, то уровень коллективизации крестьянских хозяйств в ней в 1932 г. достиг 58,6%, а к лету 1933 г. Удмуртия уже стала областью сплошной коллективизации: в колхозах работало 69,9% крестьянских хозяйств, посевная площадь которых равнялась 76,9% [12, с. 83]. Что касается собственно Вятского (Кировского) региона, то он сумел выйти на этот уровень несколько позднее, к 1934 г.

Резкая активизация колхозного строительства в Вятском регионе наблюдалась в начале второй пятилетки: в 1933 г. процент

коллективизированных хозяйств в регионе (включая Удмуртию) сравнялся с общероссийским и общесоюзным показателями (64,5%), а в 1934 г. – превзошел их (74,5% в Кировском крае против 72% по РСФСР и 71,4% по СССР) [6, с. 11].

С начала второй пятилетки в ряде районов страны, отнесенных к третьей группе, проводилась значительная работа по вовлечению в колхозы единоличников. В то же время многие местные организации перестали работать с единоличниками, исходя из того, что колхозный строй в целом победил. Некоторые работники политотделов, колхозов и сельсоветов опасались, что приход в колхозы единоличников приведет к ослаблению трудовой дисциплины колхозников, помешает организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Поэтому они не только не проводили активной работы среди них, а, наоборот, стремились затормозить новый прилив, создавали разного рода ограничения при приеме единоличников в колхозы (отказывали единоличникам, которые не выполнили государственных обязательств, не имели среди членов своих семей трудоспособных и т.д.). В некоторых районах даже требовали, чтобы безлошадные крестьяне перед вступлением в колхоз приобретали лошадей или вносили соответствующую денежную сумму.

Примеры проявления негативного отношения к вступлению в колхозы новых членов из числа малоимущих крестьян имеются и по Вятскому региону. Так, Домкомаровский колхоз Пижанского района предъявил единоличнику требование внести при вступлении 500 руб. в качестве компенсации за то, что у него нет лошади и инвентаря. Оказалось также, что единоличник этот ранее вышел из колхоза, оставив там все свое имущество. Баймовский и Павловский колхозы (этого же района) отказывали в приеме беднякам на том основании, что у них нет лошадей и хорошего инвентаря. «Если принимать бедноту, – говорили отдельные колхозники, – то долго не сделаешься зажиточным» [9, л. 47об.-48]. В дер. Заделье Головенского сельсовета (Верхошижемский район) четверых крестьян (сдавших при вступлении в колхоз лошадей, яровые семена и инвентарь) исключили из

колхоза «за недостаток фуража и картошки». Повторное заявление о вступлении в колхоз было отклонено с такой формулировкой: «Пока не завезете картошку – приняты не будете». А поскольку колхоз отказался вернуть своим бывшим членам обобществленное имущество и предоставить земельные наделы, их семьи оказались без средств к существованию и вынуждены были просить милостыню [10, л. 13-13об.]. Поэтому требования, предъявляемые колхозами в качестве условий повторного приема, весьма напоминали самое обыкновенное вымогательство. Получался точный аналог тех «лжеколхозов», которые создавались еще в первые годы советской власти и в период НЭПа. Для таких объединений были характерны групповой эгоизм, стремление к замкнутости, отказ в членстве представителям малоимущих слоев крестьянства.

Показателен пример колхоза «Красный Маяк» (дер. Б.-Кивары Воткинского района). Колхоз этот был организован в 1928 г. В его состав первоначально вошло 40 хозяйств. Коллективизация сопровождалась раскулачиванием, но часть бывших кулаков все же сумела проникнуть в колхоз. В результате раскулачивания в распоряжении колхоза оказалось большое количество хорошей пахотной земли и лугов, ранее принадлежавших кулакам, однако хозяйственное использование угодий натывалось на нехватку рабочих рук.

Казалось бы, в подобного рода ситуации колхоз должен был быть заинтересован в притоке новых членов, тем более, что туда поступали многочисленные заявления о приеме, в том числе – из соседних сел. Более того, стремление вступить в колхоз проявлялось со стороны удмуртов и чувашей из Шарканского района соседней Удмуртской области. Некоторые из них приезжали в колхоз со всем своим скарбом.

Однако отношение колхозного руководства к поступавшим заявлениям было на редкость избирательным. Так, в течение года удмуртами и чувашами было подано в общей сложности 30 заявлений, принято же было всего 15 хозяйств, остальным в приеме было отказано. Председатель колхоза Роман Соломенников (уличенный

впоследствии в растрате 1000 руб.), председатель сельсовета Санников и начальник райзо Михряков запрещали принимать в колхоз выходцев из Удмуртской области даже при наличии положительного решения общего собрания колхоза. Мотивировка была предельно простой и лаконичной: «Своих хватит».

В качестве неперемennого условия вступления в колхоз ставилось наличие лошади. Безлошадным крестьянам, желающим вступить в колхоз, приходилось обзаводиться таковой. Чтобы набрать необходимую сумму на покупку лошади, крестьянка-удмуртка Антонина Соколова вынуждена была даже продать корову. Только тогда ее приняли в колхоз.

Однако, даже соглашаясь принять в колхоз представителей нацменьшинств, руководители колхоза рассматривали их не как полноправных колхозников, а лишь как рабочую силу. Ни один удмурт или чуваш не был поставлен на руководящую работу. Все члены правления колхоза и бригадиры были русскими.

Кулацкие элементы, проникшие на руководящие должности, стремились выжить из колхоза представителей нацменьшинств. Нерусские колхозники подвергались систематической травле. Руководители колхоза открыто заявляли, что удмурты и чувашы – «все лодыри, и их надо выгнать из колхоза». Когда в период сенокоса колхозники-удмурты обратились к председателю Роману Соломенникову с просьбой улучшить общественное питание (которое почти не было налажено), он заявил: «Кормить вас нужно, как свиней, так вы меньше будете мне указывать».

Среди нерусской части колхозников было немало ударников, но их заслуги не поощрялись должным образом со стороны правления. К 7 ноября 1934 г. в колхозе была выпущена стенгазета со списком лучших ударников. Всего таковых насчитывалось 15 человек, но среди них не фигурировало ни одного представителя нацменьшинств. О предвзятости составителей списка говорит следующее. Удмурт Григорий Караваев выработал 291 трудодень, однако его в список лучших ударников не включили, в то время как в списке оказались

русские колхозники Степан Лебедев и Валентина Касаркина с гораздо более скромными результатами – соответственно, 228 и 128 трудодней.

Удмуртам и чувашам поручались наиболее тяжелые и неквалифицированные работы. Во время уборки звеньевой бригады Сухомясов ставил нерусских колхозниц на вязку ржи туда, где хлеба были гуще, а русских – где реже. При этом выполненная работа оценивалась только по убранной площади, без учета густоты хлебов. Это делалось с целью доказать, что удмурты и чуваша работают хуже русских. Беременную колхозницу-удмуртку Антонину Соколову намеренно поставили на уборку густой ржи. Находясь на поздних месяцах беременности, норму выработки она выполнить не смогла, за что была объявлена в стенгазете лодырем. На молотье русские брали себе работу полегче, тогда как женщинам-удмурткам оставляли худшие работы. Кузнеца-удмурта Перевозчикова, получившего травму, правление отстранило от работы, поставив кузнецом бывшего кулака и лишенца Ивана Соломенникова. В воскресенье колхозники-удмурты работали, а большинство русских – нет, но никаких мер в отношении нарушителей трудовой дисциплины правление не предпринимало.

Удмуртов и чувашей в колхозе постоянно обсчитывали и обещивали. Сдельная работа колхозников бригадами не проверялась, и трудодни часто ставились произвольно, по усмотрению бригадира. Так, Макар Соломенников один «заработал» 635 трудодней. Ударник-удмурт Григорий Караваев к 20 сентября 1934 г. выработал 265 трудодней, а к 5 октября – 272 трудодня. Однако цифры в трудовой книжке счетоводом были поставлены наоборот, в результате получилось, что трудодней у Караваева не прибыло, а убыло. Выяснилось, что цифры были предоставлены бригадиром Коротковым, но счетовод не счел нужным проверить их, поскольку был связан с бригадиром совместными пьянками. Удмурт Тит Хохряков в течение октября работал каждый день по-ударному, неизменно выполняя нормы, но бригадир Коротков начислил ему только 15 трудодней.

Ударница Таисья Хохрякова заявляла, что кладовщик, отпуская колхозникам муку, русским делал скидку 2-3 фунта на мешок, тогда как удмурты и чувашаи на подобного рода скидку рассчитывать не могли. Когда мать удмурта-колхозника Александра Хохрякова сломала руку, и сын попросил для доставки матери в больницу лошадь, ему было отказано.

Массово-разъяснительная и культурно-просветительная работа среди нерусской части колхозников не велась. Многие из удмуртов и чувашей не знали русского языка, не умели читать на родном языке, но грамоте их не обучали, литература на национальных языках в колхоз не доставлялась.

Дело доходило до открытых оскорблений и хулиганства. Жена председателя колхоза обзывала детей удмурта Кузьмы Соколова мышами. 24 августа 1934 г. хулиган Сухомясов, будучи пьяным, ходил по селу, ругая и оскорбляя нерусских колхозников. Другой хулиган, Степан Кудрявцев, 7 ноября в пьяном виде вломился с ружьем в избу ударника-удмурта Григория Караваева и выстрелил в окно, перепугав всю семью (у Караваева было четверо малолетних детей).

Подобного рода безобразия осуществлялись при попустительстве местных властей. Неоднократные жалобы колхозников-удмуртов и чувашей во властные инстанции (райком партии, райзо, прокуратуру, суд и т.д.) оставались без ответа.

Следствием национальной дискриминации был выход нерусских хозяйств из колхоза. Из принятых в колхоз 15 удмуртских и чувашских хозяйств в течение 1933 г. из колхоза выбыло 4 хозяйства, а в 1934 г. – 7 хозяйств. К концу 1934 г. в колхозе «Красный Маяк» осталось лишь три удмуртских хозяйства и одно чувашское [1, л. 62-75, 81].

Ввиду ослабления внимания многих местных организаций к вопросам вовлечения единоличников в колхозы, ЦК ВКП(б) счел необходимым созвать специальное совещание по коллективизации, которое состоялось в начале июля 1934 г. В нем участвовали члены ЦК партии и секретари республиканских, краевых и областных

партийных организаций. После совещания работа по вовлечению в колхозы заметно активизировалась.

Осуществление масштабных аграрных преобразований в таком полиэтничном регионе, как Вятский, требовало учета национального фактора. К сожалению, этническая специфика того или иного района нередко игнорировалась, имели место многочисленные искажения национальной политики советской власти. Наглядным примером может служить Вятскополянский район Кировского края. К началу 1935 г. в состав района входил 31 сельсовет, в том числе 7 национальных, 12 смешанных и 12 русских. Общая численность населения в нем составляла 66 420 чел. Нерусское население насчитывало 21 786 человек (или 32,8%), в том числе удмуртов – 12 553 чел. (18,9%), татар – 8701 чел. (13,1%) и марийцев – 532 чел. (0,8%). При столь значительном удельном весе нерусского населения в районе, казалось бы, местные власти должны были уделять работе среди нацменьшинств самое пристальное внимание. На деле же этого не наблюдалось. Вятскополянские районные организации (райзо, райздрав, РОНО и др.) не располагали необходимыми сведениями о хозяйственном и культурном состоянии организаций и учреждений, объединявших представителей нацменьшинств (колхозы, школы, культурно-бытовые учреждения и т.д.). На требование крайкома ВКП(б) предоставить сведения о темпах роста и развития национальных колхозов по сравнению с остальными коллективами, райземотдел ответил: «Сведений этих дать не можем, т.к. никогда этим вопросом не занимались, а сведения имеем только общего порядка и то неполные».

Вятскополянский райком партии в течение всего 1934 и двух первых месяцев 1935 г. на своих заседаниях ни разу не поднимал таких вопросов, как борьба с великодержавным шовинизмом и местным национализмом, преодоление экономической и культурной отсталости нерусского населения, подготовка национальных кадров, лечение и профилактика социально-бытовых заболеваний (трахома, сифилис и др.). Районная газета («Вятскополянская правда»)

также не освещала вопросов, связанных с национальной политикой. Не нашли они отражения и в выводах районной комиссии по чистке парторганизаций. В ходе проверки национальных парторганизаций в Нижних и Средних Шунях ни парторгу, ни проверяемым коммунистам не было задано ни одного вопроса по национальной политике.

Вятскополянская районная парторганизация насчитывала в своих рядах 15 удмуртов (или 6,25% от общего числа коммунистов), 13 татар (5,42%) и ни одного марийца. Доля коммунистов из числа нацменьшинств в районной парторганизации (11,67%) была существенно ниже удельного веса нерусского населения района (32,8%), что свидетельствовало о неудовлетворительном состоянии массово-воспитательной работы среди нацменьшинств и о слабой подготовке национальных партийных кадров. Лишь 12 коммунистов из числа нацменьшинств проходили учебу в четырех партшколах. Остальные 16 чел. системой партийной учебы охвачены не были. Партшколы работали нерегулярно, занятия часто срывались из-за отсутствия руководителя, выездов учащихся, по ряду других причин. Так, с осени 1934 г. (за 5½ мес.) партшкола в Средних Шунях собиралась 14 раз, в Сосмаке – 10, Виль-Сюре – 13 и в Нижних Шунях – 16 раз, вместо предусмотренных 33 раз. К комплектованию школ подходили механически, не учитывая уровня подготовки того или иного коммуниста. Бывали случаи, что коммунистов, уже трижды прошедших кандидатскую школу, в четвертый раз заставляли учиться в ней же.

Уровень квалификации руководителей партшкол, в большинстве своем, оставлял желать лучшего, занятия подчас ограничивались лишь простым прочтением материала. Некоторые из руководителей вообще были беспартийные. Так, партшколой в Средних Шунях руководил сочувствующий Девятьяров. Среди учеников этого «знатока марксизма» значились гораздо более маститые партийцы – парторг Тимербаев и уполномоченный по заготовкам Гильманов. В селе Сосмаке дело обстояло еще хуже. Здесь партшколой руководил беспартийный Ямалеев, в свое время исключенный из партии комиссией по чистке за пьянство. Контроль за системой партийной

учебы со стороны райкома отсутствовал. Руководители партшкол не собирались на семинары, не инструктировались.

Слабостью коммунистического влияния пользовались антисоветские элементы. В селах Мултани и Нижних Шунях сгорели две национальные школы. И хотя имелись серьезные основания считать это поджогами, тем не менее, в обоих случаях дела были следственно-судебными органами прекращены, а виновные не установлены.

Весьма нездоровая атмосфера царил в Казань-Омгинском колхозе «Коммунар». Председатель колхоза Пигалов (снятый впоследствии с должности) окружил себя родственниками. Члены правления систематически пьянствовали с кулаками. В ходе одной из таких пьянок был выведен из строя племенной жеребец-производитель (стоимостью 4600 рублей). В 1934 г. в колхозе было съедено 17 свиноматок, в то время как невыполнение обязательств по мясопоставкам составляло 1200 кг. Конское поголовье было доведено до истощения, в результате чего колхоз был вынужден продать трех лошадей за 640 рублей. Летом 1934 г. правление пропило годовалого жеребенка. В 1933 г. доход колхоза был распределен таким образом, что на трудодень выдавалось по 6 кг, в то время как фуража (при наличии 37 лошадей и свинофермы) оставили всего 61 цент., в результате чего весной 1934 г. на проведение посевной кампании колхозу пришлось брать ссуду в количестве 215 цент.

В колхозе имело место разжигание национальной розни между удмуртами и русскими. Особенно это проявлялось при каких-либо выборах: русские стремились провести своего кандидата, а удмурты – своего, и дело доходило до конфликтов.

В деревне Средние Шуни кулак Фатых Северзянов (бывший торговец и лишенец) открыто вел агитацию против советской власти и коллективизации. Во время посевной он говорил члену ВКП(б) Гильманову в присутствии колхозников: «Сеете, только убирать вряд ли придется». Северзянов устраивал у себя кулацкие собрания, на которых велись такого рода разговоры: «Германия и Япония, а также Китай скоро нападут на СССР и перевернут все колхозы»; «Головку

смахнули [имелось в виду осуждение на 10 лет председателя сельсовета, коммуниста – И.Ч.], а вам и подавно головы отвернем».

В декабре 1933 г. колхоз «Красный Шахтер» обследовала бригада Горьковского крайкома ВКП(б) (территория Вятского региона входила тогда в состав Горьковского края), которая записала в своих выводах о необходимости исключения из колхоза четырех хозяйств как «классово-чуждых». Однако никаких мер по отношению к этим хозяйствам предпринято не было. На фоне слабой культурно-просветительной работы с большим размахом отмечались религиозные праздники, которые сопровождались обильными возлияниями и даже драками. За сутки до праздника Курбан-байрам колхозники прекратили работу по вывозке леса, а затем праздновали 2-3 дня. Муллы же в эти дни собирали вокруг себя по 100-200 чел.

В Сосмаке делегаты, посланные на районный съезд колхозников-ударников, опоздали на съезд из-за того, что были у муллы. Дело доходило до курьезов. Так, районная милиция, стремясь укрепить трудовую дисциплину, послала милиционера с поручением объехать мулл и договориться, чтобы они отказались от проведения праздника. Когда милиционер обратился к сосмаковскому мулле, последний попросил официальную бумагу, запрещающую проводить праздники. После этого милиционер был начальством отозван.

К началу 1935 г. в Вятскополянском районе насчитывалось 15 национальных школ, в которых обучался 1961 чел. Чувствовалась острая нехватка национальных педагогических кадров. В аппарате РОНО (за исключением одного инструктора-татарина) не было ни одного представителя нацменьшинств. Удмуртские школы обслуживались русским инструктором. Последний, не владея удмуртским языком, не мог адекватно оценить качество преподавания, которое велось на родном языке.

Подготовка и переподготовка работников национальных школ осуществлялась медленно (либо путем заочного обучения, либо за пределами района и даже края). Часть потенциальных педагогических кадров посылалась на учебу в Татарскую АССР, где большинство из

них затем и оседало. В силу нехватки школьных работников, нагрузка на имеющихся педагогов по отдельным школам была чрезвычайно велика. Так, в татарской школе в Средних Шунях в 1933 г. было 4 школьных работника, в 1934 г. – 3, а к началу 1935 г. их осталось всего двое, в то время как количество учащихся почти не изменилось.

Заметим, что национальные школы, по сравнению с русскими, пользовались более значительной финансовой поддержкой. Так, национальные педагогические кадры получали зарплату на один разряд выше, чем русские. Ассигнования на одного русского ученика в высшей школе составляли 9 руб. 65 коп., а на представителя нацменьшинств – 11 руб. 75 коп.; в неполной средней школе на русского ученика приходилось 22 руб., а на нерусского – 34 руб.

Весьма слабо разворачивалась работа по ликвидации неграмотности среди нерусского населения: из числа представителей нацменьшинств неграмотных (по неполным сведениям) в районе насчитывалось 927 человек, из них ликбезом было охвачено 386 человек (т.е. 41,6%). В колхозе «Красный Шахтер» на ликпункте обучалось всего 25 чел. (вместо 247-ми), в колхозе им. Сталина – около 12–15 чел. (вместо 116-ти), в ряде колхозов («Виль-Сюрес», «Виль-Гурт», Черново и др.) ликпункты вообще распались.

Значительные недостатки имелись в политпросветработе. В районе имелось 7 национальных изб-читален и 5 клубов, но никакой работы (если не считать различных собраний) они практически не вели. Кинопередвижками нерусское население обслуживалось нерегулярно, и картины демонстрировались, в основном, на русском языке. В колхозе «Красный Шахтер» не использовались два киноаппарата со всем оборудованием. Газеты выписывались, преимущественно, на русском языке. Так, в колхозе им. Сталина из 357 экземпляров газет, выписываемых колхозом и колхозниками, лишь 30 экземпляров были написаны на татарском языке, в Сосмаковском колхозе, соответственно, лишь 50 экземпляров (из 150). Еще хуже обстояло дело с удмуртскими колхозами, из которых большинство выписывало лишь русские газеты. Несколько лучше обстояло дело с учебной

литературой: учебниками (на родном языке) национальные школы были обеспечены лучше, чем русские.

Слабо проводилась работа среди женщин: ни одной женщины из числа нацменьшинств не было на руководящей работе ни в районном центре, ни в сельсоветах и колхозах (за исключением колхоза «Красный Шахтер», где женщина занимала должность заместителя председателя).

Всего в начале 1935 г. в Вятскополянском районе насчитывалось 137 колхозов, в том числе 35 национальных, 4 смешанных и 98 русских. Среди 35 председателей национальных колхозов русских было 2 чел., а в четырех смешанных колхозах двое председателей также были русскими. Несмотря на общую экономическую и культурную отсталость национальных районов, и, соответственно, слабость здесь колхозного строительства, среди национальных колхозов имелись передовые, выделявшиеся своими достижениями. Примером может служить татарский колхоз «Красный Шахтер» Нижне-Шуньского сельсовета. С 1930 по 1935 г. количество дворов в колхозе увеличилось с 29 до 304. Процент коллективизации достиг 90%. Неуклонно возрастали размеры зернопоставок: в 1932 г. они составляли 438,7 цент., в 1933 г. – 683,3 цент., в 1934 г. – 868,5 цент. На 15 марта 1935 г. колхозное стадо насчитывало 108 лошадей, 133 головы крупного рогатого скота (только по молочно-товарной ферме), 170 овец, 2 свиные (матка и хряк белой английской породы). На трудодень выдавалось: в 1932 г. – 4,8 кг хлеба и 25 коп. денег, в 1933 г. – соответственно, 6 кг и 50 коп., а в 1934 г. – 5 кг и 21 коп. (некоторое снижение веса трудодня в 1934 г. произошло вследствие развертывания большого хозяйственного строительства). Колхоз имел собственный автомобиль, сенопресс, молотилку, сортировку, корчевальную машину, 6 конных грабель, 7 жаток и много другого сельскохозяйственного инвентаря. В колхозе работала своя электростанция, были оборудованы помещения под фермы (молочно-товарную и овцеводческую), конный двор, пожарный сарай, построен двухэтажный деревянный дом под правление колхоза и агролабораторию.

Другим примером передового национального колхоза может служить удмуртский колхоз «Виль-Сюрес», насчитывавший 49 дворов и 50 лошадей. В 1934 г. на трудодень там выдавалось 5 кг хлеба. Колхоз имел 4 молотилки, 2 сортировки, свиноферму, конный двор, 3 зернохранилища (на 200 тонн), кирпичный завод, лесопилку, электростанцию. Кроме того, был построен клуб и оборудованы ясли.

Но, наряду с передовыми, имелись и отсталые колхозы, такие, например, как уже упомянутый Казань-Омгинский колхоз «Коммунар», колхоз «Куюк» Сосмаковского сельсовета и др.

Колхозы (равно как и другие организации) испытывали нехватку национальных кадров. Подготовка их затруднялась тем, что курсы и школы организовывались, по большей части, совместно с русскими, преподавание велось на русском языке, поэтому курсантам из числа нацменьшинств, не знающим русского языка, трудно было усваивать материал, а некоторые из них даже отказывались учиться. Специальных школ и курсов для представителей нацменьшинств в районе не организовывалось. Слабо практиковалось выдвижение национальных кадров на руководящую работу вообще и в районные организации в частности [2, л. 67-80].

Похожая картина наблюдалась и в других районах Кировского края (с декабря 1936 г. – области). В Уржумском районе были случаи назначения в национальные школы русских работников, плохо знающих национальный язык. При организации школьного дела Уржумский РОНО игнорировал национальную специфику. Когда работники национальных школ просили, чтобы их отпустили в соседний район Марийской АССР на конференцию для разработки методики обучения на марийском языке, то получили категорический отказ. А инструктор РОНО Рычкова по этому поводу заявила: «На марийскую методику мы и чихать не хотим [так в документе – И.Ч.], у нас есть своя методика».

К осени 1937 г. в Уржумском РОНО не было инструктора для марийских и смешанных школ (хотя по штату такая должность полагалась). К тому времени в районе имелась лишь одна национальная

неполная средняя школа (Байсинская). Укомплектована она была плохо. Преподаватели (за исключением одного) имели среднее образование (даже не всегда педагогическое). Не удивительно, что учащиеся, окончившие такую школу, затем проваливали экзамены при поступлении в техникум или училище.

Поскольку сеть национальных образовательных учреждений не в состоянии была принять всех желающих учиться, значительный поток учащихся шел из южных районов Кировской области в соседнюю Марийскую АССР. Однако, ввиду перегрузки школ, мест на всех не хватало и там, поэтому немалая часть марийцев-кировчан была лишена возможности учиться [3, л. 59-61].

Со второй половины 1934 г. наблюдался новый подъем колхозного движения. Он охватил все районы страны, хотя его масштабы и интенсивность были неодинаковы. Наиболее высокие темпы коллективизации в это время были в областях бывшей потребляющей полосы, которые к лету 1934 г. все еще заметно отставали от зерновых районов. В дальнейшем, однако, это отставание все более сокращалось. Пример Вятского (Кировского) региона в этом отношении является весьма показательным. К 1 июля 1935 г. в Кировском крае (без Удмуртии) в колхозах состояло 85,4% крестьянских дворов. Это было несколько меньше, чем по Европейскому Северу (86,5%), Северо-Западу (85,8%), Средней и Нижней Волге (87,5%), но больше, чем по Черноземному Центру (81,5%), Верхней Волге (82%), Уралу (83,3%), Западной и Восточной Сибири (соответственно, 82,9% и 78,9%), а также по сравнению с общероссийскими (83,4%) и общесоюзными (83,2%) показателями [4, с. 361; 5, с. 314].

Приведем также данные об уровне коллективизации по Кировской области на 1 июля 1936 г. в сравнении с соответствующими сведениями по РСФСР и по соседним регионам: Кировская область – 92% дворов в колхозах, РСФСР – 90%, Татарская АССР – 89%, Мордовская АССР – 81%, Чувашская АССР – 80%, Марийская АССР – 83%, Удмуртская АССР – 95% [11, с. 31]. Следовательно, к исходу второй пятилетки Кировская область по уровню коллективизации уверенно

опережала целый ряд соседних, южных по отношению к ней регионов, уступая лишь Удмуртии.

Небезынтересно отметить, что техническая оснащенность колхозов Кировской области (по сравнению с другими регионами) оставалась весьма скромной. Посевная площадь колхозов, обслуживаемых МТС, по Кировскому краю в 1935 г. составляла лишь 38,9% от посевной площади всех колхозов. В то же время в ряде регионов с более низкими показателями коллективизации уровень обслуживания колхозов машинно-тракторными станциями был существенно выше, чем в Кировском крае. Так, в Черноземном Центре МТС обслуживали 76,7% колхозных посевов, на Верхней Волге – 48,9%, на Урале – 73,8%. Вятский регион и Европейский Север в середине 1930-х гг. демонстрировали высокие показатели коллективизации при относительно слабом развитии в них сети МТС (соответственно, 38,9 и 26,2% колхозных посевов, обслуживаемых МТС в 1935 г.) [5, с. 337]. В 1936 г. уровень механизации аграрного сектора Кировской области существенно возрос. МТС обслуживали уже 60% посевной площади колхозов. В то же время в ряде соседних южных регионов этот показатель был еще выше (в Татарской АССР – 76%, в Марийской АССР – 67%) [11, с. 33], хотя уровень коллективизации, как уже было показано, там уступал кировскому.

Как видим, между уровнем технической оснащенности колхозов и уровнем коллективизации в отдельных регионах не прослеживалось строгой зависимости. Колхозное строительство в Вятском (Кировском) регионе опиралось не столько на финансовую поддержку со стороны государства, сколько на мощные общинные традиции вятского крестьянства. Необходимо учитывать и то, что за высокими процентами коллективизации далеко не всегда стояли реально функционирующие сельскохозяйственные предприятия. Резкое увеличение в годы второй пятилетки удельного веса вовлеченных в колхозы крестьянских дворов в сочетании с относительно низким процентом раскулаченных хозяйств по Вятскому (Кировскому) региону свидетельствует в пользу того, что вятское крестьянство в условиях радикальной

ломки привычного уклада во взаимоотношениях с властью предпочитало не идти на открытый конфликт, а придерживаться тактики пассивного сопротивления. Формально соглашаясь на проведение коллективизации, часть крестьян не оставляла попыток фактической реставрации (под прикрытием колхозов) индивидуального хозяйства.

Процесс коллективизации в конце второй пятилетки разворачивался главным образом путем постепенного втягивания единоличников в существующие колхозы. Показательно, что несмотря на значительное увеличение числа коллективизированных хозяйств, количество колхозов в стране за эти годы выросло незначительно. Если на 1 июля 1934 г. в СССР имелось 233,3 тыс. колхозов, то на 1 июля 1937 г. – 243,4 тыс. Аналогичная тенденция прослеживается и в Вятском (Кировском) регионе: за два года (с 1 января 1935 по 1 января 1937 г.) количество колхозов увеличилось лишь на 33 единицы – с 11359 до 11392 коллективов. Достигнув своего пика к началу 1936 г. (11648 единиц), количество колхозов в Кировской области в последующем неуклонно сокращалось вследствие их укрупнения [7, с. 318].

Таким образом, в Вятском (Кировском) крае условия для проведения коллективизации были значительно сложнее, чем в зерновых районах, а также в более развитых в индустриальном отношении регионах нечерноземной полосы. Дело заключалось не только в слабости материально-технической и кадровой базы формирующегося колхозного строя, но и в относительной прочности традиционно-патриархального уклада, в сильном влиянии кулачества и духовенства, которые в борьбе с колхозами использовали темноту, невежество и религиозные предрассудки отсталых масс. Особенно трудным было вовлечение в колхозное строительство представителей финно-угорских и тюркских национальных меньшинств, исторически проживавших на территории края. Осуществление аграрных преобразований в национальных районах осложнялось их общей экономической и культурной отсталостью, острой нехваткой квалифицированных национальных кадров, ошибками и злоупотреблениями местных властей при работе с национальными меньшинствами.

Источники и литература

1. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. П-1255. – Оп. 1. – Д. 151.
2. ГАСПИ КО. Ф. П-1255. – Оп. 1. – Д. 199.
3. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. – Оп. 1. – Д. 206.
4. *Гуцин Н.Я.* Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). – Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1973. – 520 с.
5. История советского крестьянства: В 5 т. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937 / Отв. ред. И.Е. Зеленин. – М.: Наука, 1986. – 448 с.
6. Кировский край в цифрах. – М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1936. – 321 с.
7. Коллективизация сельского хозяйства в Нижегородско-Горьковском крае (1927–1937 гг.): Документы и материалы / Сост. Н.И. Куприянова, З.В. Подавалова. – Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, Кировское отд., 1985. – 350 с.
8. *Коньшин А.Е.* Социально-экономическая история развития коми-пермяцкой деревни в 1917–1940 гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Ижевск, 2006. – 51 с.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. – Оп. 21. – Д. 852.
10. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. – Оп. 19. – Д. 260.
11. *Хлебников А.В.* Развитие советской автономии марийского народа 1929–1936. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1976. – 164 с.
12. *Шибанов К.И.* Социалистическое преобразование удмуртской деревни. – Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1963. – 160 с.
13. *Якоб В.В.* Крестьянство Коми АО в период НЭПа, индустриализации, коллективизации (1920–1930-е гг.). – Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2012. – 216 с.

Р.Н. Касимов

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ОТДЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЧЕПЕЦКИХ ТАТАР

Статья посвящена проблеме некоторого сходства мифологических представлений разных народов, в частности, русских и татар. Сюжеты взаимодействия рассмотрены на примере отдельных элементов календарной обрядности чепецких татар.

Ключевые слова: базовая мифологическая установка, календарная обрядность, религиозно-мифологическое сознание, русская православная культура, чепецкие татары.

Актуальность мифологического сознания для любой культурной эпохи и каждого этноса всегда высока, меняется лишь сфера его распространения. Традиционной областью применения мифологического сознания является повседневность, календарная обрядность. Здесь бытование разного рода образцов фольклора, отображающих народную интерпретацию религии, является постоянным. Такая традиция существует по весьма архаичным принципам построения

Касимов Рустам Нуруллович – старший научный сотрудник отдела междисциплинарных и прикладных исследований Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, кандидат исторических наук, доцент.

структуры текста или обряда. Например, фактор слияния случая, и пространственно-временной смежности. Отсюда, кстати, происходит масса примет, бытующих и у русских, и у удмуртов, и у татар: феномен «порчи» и «сглаза», существование «счастливых и проклятых» мест, дней, цифр, людей. Страхи обусловлены иррациональным видением их причин (представления о том, что левша связан с потусторонним миром, поскольку использует для манипуляций левую руку, а не как большинство – правую). Или представления о том, что человека убитого молнией нельзя хоронить на кладбище (его нечистое происхождение отмечено небом, точнее фактом удара молнией).

Мифологическому сознанию присущ и обязательный поиск персонифицированного ответственного за что-либо происходящее (охота на ведьм), равно как и преувеличение роли участия в событиях, имеющих характер системной динамики, какой-либо конкретной персоналии (феномен бытования знахарок, колдунов и пр.). В этом проявляется базовая мифологическая установка, характерная для любого народа – одушевлять и персонифицировать окружающее (традиционные духи-покровители дома, леса, поля и пр.). Сходность мифологических представлений разных народов рассмотрена в данной статье на примере взаимодействия духовной культуры чепецких татар с русской православной традицией.

Чепецкие татары давно расселены в иноэтничном и иноконфессиональном окружении русских, удмуртов и бесермян [1, с. 5-6]. Синкретизм является сущностным свойством духовной культуры этих народов, населяющих современную Удмуртскую Республику. Он свойственен практически всем этнокультурным типам сознания. В Удмуртии за исторически короткий срок миграционные потоки из разных территорий традиционного проживания этнических русских, украинцев, татар, башкир, марийцев и других народов России объединили и смешали этнические культуры, их традиции, обычаи и обряды. Некоторую роль в этом взаимодействии сыграли и этнокультурные компоненты народов, не являющихся «традиционными» для территории Поволжья и Приуралья. Вследствие миграционной

динамики и активного полиэтнического взаимодействия синкретизм стал одной из базисных моделей формирования и развития духовной культуры народов в Удмуртии.

В такой модели религиозного мышления сочетаются открытость и восприимчивость к усвоению инокультурных образцов. Очевидно, что данные свойства мировоззрения могут иметь как позитивные, так и негативные следствия – например, они могут выражать себя в аморфности этнокультурных установок отдельных индивидов и целых групп. Открытость, восприимчивость к усвоению образцов иной культуры – эти базисные свойства имеют различные измерения, и, в частности, свойственны татарской культуре с её заимствованиями от русской.

Исторически сложилось так, что чепецкие татары были рано оторваны от культурного и религиозного центра в Казани. Народ, попав в иноэтническую среду, перенял многие обычаи, обряды и представления соседних народов и, прежде всего, русских и удмуртов. Например, цикл обрядов и праздников, проводимых до начала сева, кульминацией которого явился сабантуй, среди чепецких татар содержит в себе элементы немусульманской традиции, это и почитание земли, культ предков, почитание Солнца. Все эти элементы на протяжении веков органично срослись с заимствованиями из земледельческих традиций русских, удмуртов и бесермян. Ислам по существу не изменил основы этих празднеств, прибавив лишь обязательную молитву Аллаху на поле, совершаемую муллою и уважаемыми аксакалами. Летом, после завершения пахотных работ и перед самым сенокосом те же русские, устраивали праздник, посвященный матери-земле (хозяйке земли). Татарам этот образ известен как жир иясе, жир анасы. Аналогичный праздник у удмуртов «проходил на исходе дней летнего солнцестояния, перед началом сенокоса как последний в году праздник земли». Эти общественные моления назывались Гужем юон / Гербер [3, с. 105].

Время зимнего солнцестояния – момент от Рождества до Крещения широко отмечали у чепецких татар, так же как у татар – кряшен

и татар-мишарей. Интересно, что основная масса казанских татар не имела специального праздника на этот период [2, с. 99]. Очевидно, это связано с тем, что чепецкие татары, как и кряшены, испытали большое влияние русской церкви с ее православными праздниками. Татары-кряшены напрямую, путем обращения их в православную веру, чепецкие татары – через русских соседей и удмуртов, подвергшихся христианизации. У чепецких татар сохраняются обряды и праздники, посвященные дням зимнего солнцестояния (прогулки ряженных, ночные гадания, катания на санях, общие гуляния и пр.).

Несомненно, что это заимствование пришло из русской православной культуры (напрямую и через тесное общение с удмуртами и бесермянами). Но поскольку мусульманское духовенство играло большую роль в духовной жизни чепецких татар, то и набор ритуалов в празднествах был ограничен. Тогда как, у татар-кряшен празднования были длительные, в празднике принимало участие большое количество ряженных, было много вариантов девичьих гаданий. Интересно отметить, что «тот вариант, который преобладал у кряшен, типологически сходен с таковым у русских» [2, с. 107].

Праздник проводов зимы, известный в русской традиции как Масленица, отмечался и у чепецких татар. Он имел название Мащенца-байрам, Масленка. В это время устраивали массовые катания с гор, разъезжали по деревне на лошадях. Это время становилось и временем свадеб. Удмуртам также была известна Масленица под названием вёйдыр/ вёйсиён/ вёйарня. Она была, по сути, «проводами зимы, холодного, темного времени и встречей светлой солнечной весны, рождающей надежды на новый хозяйственный год» [3, с. 103-104]. Татары-кряшены в эти праздники прыгали через огонь, иногда даже верхом на лошади [2, с. 111]. Огонь символизировал новую жизнь и прощание с зимней стужей.

Несмотря на то, что в восприятии обывателя татарскую духовную культуру характеризуют мусульманские религиозные праздники, (и, прежде всего, Ураза-байрам и Курбан-байрам), существуют и праздники второго пласта, Они более специфичны и несут в себе

элементы русской православной культуры и земледельческих культов удмуртов. Это народные праздники, связанные, в большинстве своем, с земледелием.

Таким образом, русская православная культура оказала определенное влияние на формирование духовной культуры чепецких татар.

Источники и литература

1. *Касимов Р.Н.* Очерки о религиозно-мифологических представлениях чепецких татар: монография. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2013. – 156 с.

2. *Уразманова Р.К.* Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (годовой цикл XIX – начала XX вв.) // Историко-этнографический атлас татарского народа. – Казань: Изд-во ПИК «Дом печати», 2001. – 196 с.

3. *Христолюбова Л.С.* Обрядность и мифология // Удмуртская мифология / Под ред. В.Е. Владыкина. – Ижевск, 2004. – С. 103–111.

А.А. Клементьев, Р.Н. Касимов

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ УДМУРТСКОГО НАРОДА О РУССКИХ (на основе фольклорных и литературных сюжетов)

В статье рассматриваются отдельные этнические стереотипы, сформированные у удмуртов и татар благодаря воздействию русской православной культуры. Авторы на примере полевого материала и анализа некоторых литературных источников иллюстрируют механизмы формирования стереотипов.

Ключевые слова: автостереотип, гетеростереотип, русские, синкретизм, татары, удмурты, фольклор.

Современное российское общество, исторически являясь полиязычным, развивается в условиях усиления поликультурности. Результатом такого усиления становится синкретизм как модель сознания, сочетающая в себе открытость и восприимчивость его носителей к усвоению иных культурных образцов. Это основная модель формирования духовной культуры региона, ставшего местом встречи трех культурных миров: православных славян, тюрок-мусульман и языческих финно-угорских племен. После территориального присоединения

Клементьев Андрей Александрович – заведующий кафедрой удмуртской филологии и национальных языков АОУ ДПО УР «Институт развития образования», кандидат филологических наук.

Касимов Рустам Нуруллович – старший научный сотрудник отдела междисциплинарных и прикладных исследований Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, кандидат исторических наук, доцент.

русские крестьяне поселились среди мусульман (татар) и язычников (чувашей, удмуртов и марийцев), а к середине XVIII в. край был полностью интегрирован в административную структуру империи. Проблема синкретизма привлекает пристальное внимание ученых, поскольку сегодня идет, пусть и не повсеместно, процесс интеграции различных аспектов культуры (конфессиональных, этнических, профессиональных и пр.) в пестрое и неоднозначное синкретичное целое.

Среди специфических особенностей фронта следует указать на существование локальных культурных отличий контактирующих этнических групп, до сих пор не потерявшую своей актуальности [2, с. 4].

В процессе межэтнических контактов складывались ранее и складываются сейчас устойчивые образы народов (стереотипы), населяющих нашу страну, в сознании их представителей, как положительные, так и отрицательные.

В данной статье на основе фольклорных и литературных сюжетов сделана попытка рассмотрения этнических стереотипов, выражающих образ русского народа в сознании удмуртов. Авторами использован полевой материал, собранный в Кизнерском, Алнашском и Дебёсском районах Удмуртии. Приведём примеры из обыденной удмуртской речи, выражающие как отрицательные, так и положительные стереотипы по отношению к русским:

Ѕуч кышно кадь коштан – Модница (модная), как русская;

Ѕуч мунё – Русская кукла (о девушке или женщине, красивой на лицо и красиво одетой);

Кудзем зуч кадь – Как пьяный русский (о бессвязно, непонятно говорящем человеке).

Для сравнения приводится ряд стереотипов восприятия носителей русской культуры татарами. Материал может быть полезен педагогам, методистам и другим специалистам, участвующим в развитии межэтнической коммуникации, гармонизации межнациональных отношений в республике.

В качестве преамбулы определим тезаурус нашего исследования. Ведущий термин статьи – стереотип, определённый как «нечто,

повторяемое в неизменном виде; шаблон действия, поведения и пр., применяемый без раздумий, рефлексии, даже неосознанно [4]. Данный термин чаще всего связан с представлениями о тех или иных социальных группах общества. В науке, начиная от У. Липпмана, социальный стереотип утвердился в значении как «упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо социальной группы или общности» [1].

В последнее время для социологов, этнопсихологов, отчасти педагогов-методистов интерес представляют этнические стереотипы как устойчивые представления о моральных, умственных, физических и иных качествах, якобы присущих представителям различных этнических общностей. Этностереотипы, как правило, содержат оценку тех или иных качеств:

– внешнего облика («Зуч кышно кадь коштан» / «Модница (модная), как русская»);

– исторического прошлого («Современные татары это то же самое, что и золотоордынцы»);

– особенностей образа жизни и трудовых навыков («Татары лентяи, им бы только торговать»);

– коммуникативных и моральных качеств («Удмуртъёс юйтэк шулдырьясько вал» / «Удмурты гуляли без употребления алкогольных напитков», «Удмурты – молчаливый народ»).

Среди этнических стереотипов учёные выделяют автостереотипы и гетеростереотипы. Автостереотипы выражают образ собственного народа. Совершенно логично, что этнофоры определяют представителей своего народа чаще всего с положительной оценкой качества национального характера. В пример приведём некоторые удмуртские автостереотипы: «Удмуртъёс юйтэк шулдырьясько вал» / «Удмурты гуляли без употребления алкогольных напитков», «Улоньсь кошкем чыжы-выжыоссылэсь нылпиоссэс удмуртъёс уг кушто, семьязы кутто» / «Удмурты детей умерших или погибших родственников не бросают, принимают в свои семьи»). Для сравнения возможно привести и традиционные татарские автостереотипы: «Джигит от слова не от-

кажется, лев от следа не отойдет»; «Джигит, если и упадет, денежку найдет»; «Батыр – гордость страны» [5, с. 14-15].

В отличие от автостереотипов, гетеростереотипы бывают как положительными («Зуч кышно кадь коштан» / «Модница (модная), как русская»), так и отрицательными («Татары лентяи, им бы только торговать»). У татар на этот счет бытует такая поговорка: «Не тот мастер, кто много работает, а тот, кто дело знает» [5, с. 61]. Иллюстрацией этнического стереотипа с неоднозначной характеристикой другого народа может послужить и рассказ Б.Ш. Касимовой 1923 г.р., уроженки д. Татарские Парзи Глазовского района УР, татарки, образование начальное: «А убыр есть. В Удмуртских Парзях есть убыр. Там ведуньи раньше жили. Одна, говорят, из удмурток в огненный шар обращалась и в дома через печь попадала» [2, с. 23].

В древние времена предки удмуртского этноса жили по берегам больших рек. На плодородные и освоенные земли претендовали давние их соседи – марийцы, позднее русские с севера, а татары с юга. Это нередко приводило к территориальным столкновениям. Совершенно логично, что исторические факты, связанные с межэтническими отношениями, нашли отражение в эпосе, легендах и преданиях удмуртского народа, а также в художественной литературе.

С русскими у удмуртов, так же, как и с татарами складывались непростые отношения. Некоторые сюжеты нашли отражение в фольклорных и литературных текстах. К примеру, в драме Кедре Митрея «Идна батыр» в сознании главного героя, внимающего словам сородичей, сформировался стереотип, в котором выражена мысль об опасных и, словно лиса, хитрых людях (вероятно, русских). Подобное представление удмуртов о чужом племени раскрывается и в героическом эпосе, где с негативной оценкой повествуется приход русских, оскорбление ими религии и осквернение святынь местных жителей, насильственная христианизация, захват земель. Завоеватели характеризуются как злые, безжалостные, не щадящие ни детей, ни стариков.

Любопытно, что у татар-мусульман также закрепились стереотипы, характеризующие носителей иной религиозной культуры (русских

и удмуртов). Так, пожилые люди рассказывают, что «от рождения каждый человек наделен знанием мусульманской веры. Крестьясь, он теряет его, но, захотев вернуться к исламу, он может вернуть истинную веру. Таким образом, даже русский или удмурт может быть похоронен на татарском кладбище при соблюдении мусульманских правил похорон» [2, с. 96-97].

У удмуртов негативная оценка к русским и процессу христианизации мотивирована требованиями эпического жанра: хорошо то, что способствует сохранению корней, плохо то, что их разрушает, губит. Подобная картина межнациональных отношений создана в поэме «Юбер батыр» Кедре Митрея.

Наряду с крайне негативным отношением к новым соседям в некоторых преданиях повествуется о миролюбивом отношении к русским, формируется восприятие их как спасителей от татарского засилья (например, народное предание «Как удмурты освободились от татарского государства»). Известно, что крупный исследователь истории удмуртского народа и Удмуртии П.Н. Луппов в своих трудах обращался к характеристике классовой борьбы удмуртов и бесермян против татарских муз в конце XVII в.

Взаимоотношения удмуртов и русских с положительным содержанием также нашли отражение и в некоторых топонимических преданиях. К примеру, предание о названии деревни Кизьна, что в Дебёсском районе Удмуртии, гласит: «Раньше в этих краях сплошной лес был, потом люди появились, лес выкорчевали. Постепенно всё больше и больше народа стало. Народ, говорят, в здешних краях очень работающий был. Один другому, дескать, говорил: «Сей ещё! Сей ещё! Потому раньше и на Урале хлеб сеяли, с русскими наполовину. Они наше село Кизьна [т.е. «Сей ещё» – Авт.] назвали, сейчас и пишется так, а мы по-своему называем» [3, с. 135]. Можно предположить, что дружба и положительное отношение удмуртов к русским отразилась в названиях населённых пунктов Юдрук (Юдрук < ю, друг «пей, друг») и Уром (Уром < уром «друг», товарищ).

Совершенно иной взгляд на межнациональные отношения наблюдается в удмуртской литературе советского периода. От сугубо нацио-

нальных проблем (30-е гг. XX в.) литература обращается к интернациональным явлениям и дружбе народов в духе социализма: поэма «Эшгьяськон сюресъёс» А. Бутолина, творчество поэтов-фронтовиков Т. Шмакова, М. Петрова, С. Широкова, лирика М. Покчи-Петрова. В этих произведениях формируется исключительно положительный образ русского как старшего брата.

В последнее десятилетие XX в. (как результат этнической мобилизации народов России) вновь возрастает интерес к собственной истории. Так появляется ряд произведений, в которых отражены сугубо национальные интересы и проблемы удмуртского этноса: «Ар гурызъ йылысен» А. Перевозчикова, «Уй вадьсын – бубылиос» В. Ар-Серги, поэзия Р. Мин и др.

Таким образом, в удмуртском фольклоре и литературе представлена картина эволюции межнациональных отношений: от конфронтации этносов к интернационализму, а затем возврат к национальным проблемам, интересам. Здесь мы видим художественное воплощение этнических стереотипов, отражающие образ другого народа.

Источники и литература

1. *Агеев В.С.* Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. – № 1. – 1986. [Электронный ресурс]. – URL: <http://psyfactor.org/lib/stereotype6.htm>

2. *Касимов Р.Н.* Очерки о религиозно-мифологических представлениях чепецких татар: монография / науч. ред. А.Е. Загребин. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2013. – 156 с.

3. *Кельмаков В.К.* Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры = Удмуртъёслэн вераськон сямъёссы: Уйпал кылвыл но шор вераськетъёс. – Ижевск: Удмуртия, 1981. – 297 с.

4. Стереотип / Большая психологическая энциклопедия / Академик, 2000–2014. [Электронный ресурс]. – URL: <http://psychology.academic.ru/2458/стереотип>.

5. Устами татарского народа: Пословицы, поговорки, афоризмы, литературные миниатюры / сост., пер.: А. Мушинский, А. Сафиуллин. – Казань: Магариф, 2007. – 239 с.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

В.Б. Юминова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПО СОХРАНЕНИЮ И РАЗВИТИЮ СЛАВЯНСКИХ ТРАДИЦИЙ В 2011–2015 гг.

В статье показана деятельность ОРК УР по сохранению и развитию славянских традиций, особенное внимание обращено на культурно-просветительскую работу в различных формах по популяризации русского языка через тематические конкурсы, семинары, фестивали, круглые столы и т.п. Сделан вывод о необходимости и высокой социальной значимости привлечения детей и юношества к мероприятиям, посвященным литературно-поэтическому творчеству.

Ключевые слова: литература, народный праздник, просветительство, родной язык, славянский мир, традиции.

В конце мая весь славянский мир традиционно празднует День славянской письменности и культуры. Чествование братьев-просветителей уже стало доброй традицией.

23 мая 2011 г. в Центре русской культуры и литературы «Берегиня» состоялся праздник, посвященный Дню славянской письменности и культуры, на котором собралось 60 человек. Праздник начался с

Юминова Вера Борисовна – член Правления Общества русской культуры Удмуртской Республики.

презентации «Как Слово зародилось и живёт» и продолжился обзором книг «Откуда азбука пошла». Приглашённые активно участвовали в дискуссии по современной периодике по теме «Как воспитать культуру выбора: подросток как объект влияния журнальной прессы». Также состоялся обзор книг современных писателей – лауреатов российских премий. Читатели выступили с сообщениями о любимых книгах. Мероприятия, которые проводятся в библиотеке, доказывают, что библиотека – это остров спасения слова. Библиотекари используют разные формы работы, через которые книга выходит в мир, стремятся показать красоту русского языка и русской литературы.

29 мая 2011 г. Свято-Михайловский Собор собрал гостей на Республиканский праздник «От Кирилла и Мефодия до наших дней». На площади присутствовало до 1500 человек. Праздничные мероприятия, приуроченные к международному Дню славянской письменности и культуры, состоялись на сцене Свято-Михайловского Собора. Всё, что связано с родным языком, литературой, народными традициями и обычаями прозвучало на этой сцене. Мероприятие объединило всех, кто гордится историей своего государства, уважает веру предков, русскую культуру и духовные традиции. Торжества по случаю Дней славянской письменности и культуры служат ярким примером неразрывности, исторических связей и культурного единства славянских народов. В программе приняли участие 16 самостоятельных творческих коллективов из разных уголков Удмуртской Республики.

В течение 2011–2012 гг. проходил Республиканский литературный конкурс «Волшебное русское слово», посвящённый Дням славянской письменности и культуры. В конкурсе приняли участие: гимназия № 24, МОУ СОШ 52, 57, 59, 91, 93 г. Ижевска. 22 мая 2012 г. состоялось подведение итогов конкурса, победителям были вручены ценные подарки и грамоты Общества русской культуры Удмуртской Республики.

В преддверии Дня славянской письменности и культуры состоялся Республиканский литературный праздник для школьников,

библиотекарей, учителей-словесников «Идут века, но Пушкин остаётся». Начался праздник с презентации книжных выставок «Что за прелесть эти сказки» и «Солнце России». Литературная композиция познакомила зрителей с Пушкинским этапом развития русской литературы. Учащиеся школ прочли стихи А.С. Пушкина, иллюстрируя достижения этого поэта в области лексики, ритмики и поэтики стихосложения. Дети отмечали высокий стиль, книжную лексику – всё то, что господствовало в стихах до Пушкина. Не менее сложной была и проза того времени, вычурность, искусственность, усложненность – так можно охарактеризовать литературный язык XVIII в. И вдруг благодаря Пушкину раскрылось богатство и красота разговорного русского языка. Самые обыденные темы превратились в высокую поэзию. Здесь же дети показали любовь к произведениям Александра Сергеевича Пушкина: прозвучала инсценировка по повести «Барышня-крестьянка» в исполнении старшеклассников средней школы с. Пугачёво Малопургинского района. Поэзия Пушкина любима во многих странах, особенно она близка славянским народам. Переводы стихов Пушкина на болгарский язык явились основой выступления «Густой пчелиный мёд поэзии русского гения» (о поливариантных переводах лирики А.С. Пушкина на болгарский язык) Н.В. Леконцевой – кандидата педагогических наук, доцента кафедры культурологи и филологического образования ИПКиПРО УР.

Пушкинские традиции живы в современной поэзии. Стихи поэтов находят отклик у людей, кто откликается на проблемы сегодняшней минуты. Частым гостем на наших праздниках был ижевский поэт Н.П. Мрыхин. У него есть прекрасные стихи, посвящённые открытию памятника поэту в Ижевске. Стихи посвящены проблеме чистоты современного языка и трудностям поэтического творчества. А.С. Пушкин создал тот язык, на котором мы разговариваем в быту, в семье, на работе, даже не подозревая этого. Он дал нам высокое измерение, на которое ориентируются современные образованные люди. Общительность, коммуникабельность Пушкина делали его любителем салонов и балов. Он объединил людей разных по возрасту, профессий,

по месту жительства, он дал нам почувствовать прелесть русского слова и величие русской литературы.

В мае 2013 г. к 1150-летию славянской письменности состоялся семинар для библиотекарей «Как слово зародилось и живёт». Семинар проводился в библиотеке им. Л.Н. Толстого. Славянская азбука, созданная Кириллом и Мефодием, имеет свой подтекст, смысл которого собравшиеся пытались постичь все вместе, взяв в руки славянский алфавит, все буквы которого имели упразднённые ныне названия, складывающиеся в тексты-послания. Красной нитью через весь семинар прошла мысль: берегите свой язык, цените и любите его, язык могуч и красив. 24 мая в нашей республике – это самый яркий национальный патриотический праздник славянских народностей, он представляет собой значительное явление культурной и политической жизни России.

В библиотеке пос. Ува в честь этого юбилея в ноябре 2012 г. объявили конкурс «Родник духовного наследия». Детям были рекомендованы книги, которыми они могли бы пользоваться в течение года, также была подготовлена и проведена познавательная игра «От глаголицы до кириллицы». 2 апреля 2013 г. в Государственном Национальном театре Удмуртской Республики были подведены итоги. В Можге председатель отделения ОРК Соколова Т.В. открыла научно-практическую конференцию «Проблемы русского языка в XXI веке». Докладчики на этой конференции отмечали, что наш язык серьёзно болен, и ему нужно поставить диагноз: безграмотность, безвкусица, небрежность, заштампованность. Иногда на читателей воздействуют для экспрессии слова из воровского лексикона и жаргонизмы, из языка уходит доброта, ласковость, уважение к собеседнику. Нецензурная брань становится распространённым явлением. Мы не воспринимаем его как национальное сокровище. Идёт изменение русского языка за счёт проникновения иностранных слов, хотя в 2005 г. был подписан закон Президентом РФ «О государственном языке Российской Федерации». Стихийным бедствием нашего языка стала сетевая литература, принцип «Пишу, как слышу» торжествует

победу. Для русского языка можно изменить ситуацию к лучшему, не прибегая к резким шагам, «чтобы добиться чистоты языка, надо биться за чистоту человеческих чувств и мыслей», – говорил К.И. Чуковский, – для этого нужно действовать». В этом же году состоялся круглый стол по теме: «Обеспечение конституционных прав граждан на пользование родным языком».

В начале 2013 г. среди учащихся в Республики был объявлен конкурс эссе «История моего родного языка», 21 февраля подвели итоги в рамках конкурса чтецов «Береги родной язык», где приняли участие школы № 24, 91. 24 мая Общество русской культуры Удмуртской Республики, МО «Каракулинский район» и Дом Дружбы народов в селе Каракулино провело Республиканский фестиваль, посвященный Дню славянской письменности и культуры «От Мефодия и Кирилла до наших дней». Открыло фестиваль праздничное богослужение в Храме. Также в программе концертные номера лучших коллективов Каракулинского района, выступления почетных гостей, представителей национально-культурных объединений Каракулинского района: татарского, удмуртского, марийского, украинского. В концертной программе выступил ансамбль народной песни «Непоседы» Сарапульского района. На детской площадке ребята смогли принять участие в народных играх, забавах и конкурсах. Также работали торговые ряды и различные аттракционы.

В январе 2015 г. была открыта школа русского языка для детей, приехавших из Украины. Больно смотреть на события, которые происходят в соседней стране. Общество русской культуры Удмуртской Республики равнодушно к судьбе соотечественников. Украинцы и русские всегда были рядом, нас издавна связывала крепкая дружба. Две страны, один народ – славяне. Наши предки жили в одном государстве – Древняя Русь, где стольным городом был Киев. С украинцами у нас много общего: ментальность, конфессия, понятные языки, народные традиции. Безусловному и резкому осуждению подлежат те, кто, не зная исторических корней наших народов, посягнул на самое святое в культуре – русский язык. Человек же только на

родном языке может выразить свои чувства, используя в речи всю языковую палитру, мы может нарисовать красочную картину мира.

В течение 40 лет я преподаю русский язык, но не удалось найти ни одного языка, похожего красотой, бесконечностью звуков на русский. И вот уже несколько месяцев в женсовете г. Ижевска дети с Украины изучают свой родной язык – русский, в школах Украины программа была сокращена. Поступив в наши образовательные учреждения, дети Донецкой и Луганской областей затруднялись на уроках русского языка. Общественная организация «Женсовет города Ижевска» решила открыть школу русского языка для школьников из Украины. Обучение велось бесплатное как дополнительное образование к основным предметам. Дети с большой любовью слушали стихи А.С. Пушкина и других поэтов. С преподавателями нашли общий язык, учатся они с желанием.

Когда мы говорим о сохранении русской культуры, то имеем в виду не только бережное отношение к нашим народным традициям, обрядам и праздникам. Не менее важна и передача лучших составляющих русской культуры бытия и культуры общения. В наших Республиканских конкурсах в центре внимания русский язык со всем его богатством, с его жизнью прошлой и современной. Дети – наши преемники и продолжатели, и мы должны разбудить в них интерес к русской культуре.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Н.В. Халявин

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПРОБЛЕМАХ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ (из опыта преподавателя отечественной истории)

В статье поднимаются вопросы современного исторического образования в высшей школе, анализируются основные проблемы преподавания гуманитарных дисциплин, рассматриваются некоторые варианты выхода из кризиса исторического образования в отечественных вузах.

Ключевые слова: высшая школа, гуманитарное образование, преподавание истории, университет.

Современное гуманитарное образование, и, если брать уже, преподавание истории в вузах, переживает сегодня не самые лучшие времена. Это касается даже профильных факультетов. Преподаватели отмечают как общее снижение интеллектуального уровня студентов, так и отсутствие или слабо выраженную мотивацию к получению знаний. Обеспокоенность качеством получаемого на выходе из вуза образования побуждает к поиску причин происходящего.

Однозначного ответа здесь быть, конечно же, не может, но чаще всего причины видятся в проблемах преемственности школьных и

Халявин Николай Васильевич – доцент кафедры истории России Удмуртского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

вузовских программ обучения и переходе к двухуровневой системе образования (бакалавриат-магистратура) в высшей школе, повлекшей разрушение устоявшейся системы подготовки специалистов. Эти причины действительно имеют место, но, не касаясь сейчас проблем средней школы и признавая свершившимся фактом переход к болонской системе образования в вузах, стоит признать, что эти причины не единственные и поискать рычаги исправления ситуации в сложившихся условиях.

Снижение качества высшего образования стало заметно ещё до перехода к болонской системе. На исторических факультетах это было связано с падением ценности получаемой информации. Смысл высшей школы – в получении профессиональных навыков по созданию того или иного продукта, в гуманитарной сфере – это новый информационный продукт. В историческом образовании, в частности, нужно научиться добывать информацию из источников, обрабатывать (анализировать) её, чтобы на выходе получить что-то качественно новое: выпускную квалификационную работу, статью, монографию и т.п.

В этой цепочке действий: добыть информацию – проанализировать её – создать новую, каждое из звеньев одинаково важно и каждое требует приложения определённых усилий. Но с развитием Интернета в этой цепи произошёл явный дисбаланс: поиск информации перестал представлять хоть какую-то трудность. Если раньше на этой стадии происходила самостоятельная исследовательская работа: совершался собственно поиск нужной литературы в библиотеке, её первичная оценка и отбор наиболее важного материала, то теперь любая поисковая система может выдать тысячи готовых вариантов ответа.

Сложился удивительный парадокс: при повышении доступности информации никакого роста профессиональных навыков у студентов – наиболее активной части интернет-пользователей, не произошло. На примере преподавания истории это проявилось, в частности, в том, что совершенно бессмысленными стали прежние формы контроля студенческих знаний – рефераты, различного

рода конспекты литературы и прочее. Студенты быстро научились находить всё это на просторах Интернета и выдавать за плоды собственного труда. Поэтому, если раньше преподаватель, задавая реферат, проверял навыки студента по поиску литературы, анализу информации и её краткому изложению, то теперь он чаще всего получал (и сейчас получает) уже готовый, составленный каким-то посторонним автором продукт и проверить может, разве что, навыки работы студента с поисковыми интернет-системами.

Более того, снизилась ценность самого преподавателя, как носителя и источника информации. Для многих работников вузов это стало серьёзным испытанием. Массовое университетское образование в России особенно бурно начало развиваться с 1970-х гг., когда на базе многих педагогических институтов в крупных областях и национальных республиках стали создаваться государственные университеты. Качество библиотек в этих новых учреждениях зачастую оставляло желать лучшего. Получить научную степень можно было, как правило, в центральных вузах, после длительного кропотливого труда в столичных архивах и библиотеках. Поэтому вузовский преподаватель, особенно обладавший научной степенью, был носителем уникальной информации – он транслировал то, что нельзя было получить другим путём. Конечно же, университетские преподаватели занимались наукой и многие из них были действительно видными учёными в своей сфере. Но для преподавательского авторитета достаточно было просто транслировать знания: полученные из редких и труднодоступных источников, они имели самостоятельную ценность и придавали их носителю высокий статус.

Этой «подушки безопасности» у современного университетского преподавателя, особенно читающего общие курсы, нет. Система бакалавриата, нацеленная на создание некоего базового уровня знаний и уходящая от спецкурсов, характерных для специалитета, зачастую оставляет преподавателю незавидную роль «говорящей головы». Безусловно, авторские лекционные курсы имеют за собой огромную интеллектуальную работу, но она нивелируется тем, что

лектор воспринимается студентами как один из возможных источников информации, причём не самый удобный. Собственно же специализация – «кухня» получения новых знаний, сдвигается на уровень магистратуры.

Проблема современной высшей школы видится не столько в самой двухуровневой системе образования, сколько в падении ценности получаемой в вузах информации. Это не проблема только российского исторического образования или высшего образования России в целом, это проблема мирового, цивилизационного уровня. Речь о том, что мы живём в новых условиях – информационного переизбытка, информационного завала – и это меняет систему ценностей, в том числе и в образовательной среде. Мы вступили, если так можно выразиться, в «информационное средневековье» – обладание знаниями вновь становится прерогативой избранных, но не просто знаниями-информацией, а знанием о том, как, кем и для чего делаются знания. В исторической науке понимание этого всегда было важно, но теперь ценность самой «кухни» – умений по написанию истории – в профессиональном образовании выходит на первое место. Понимание этого поможет нам справиться с существующими проблемами высшей школы.

Когда-то университетское образование имело исключительный статус, оно начиналось как элитарный клуб – чтобы получить главную ценность – знание, информацию из той или иной научной сферы, студент должен был пройти «посвящение» – обучиться всем премудростям у того, кто этими знаниями обладал, кто был их единственным, уникальным носителем и творцом. Каста средневековых профессоров имела непререкаемый авторитет и высокий статус, который сумела пронести сквозь века. Творец знаний, их хранитель и транслятор соединялись в одном лице – приобщиться к этой элите было сложно, учёба была трудна, но награждала тебя тем, чем никто больше не обладал – уникальной профессиональной информацией.

С повышением доступности информации – библиотеки, СМИ, наконец Интернет – она потеряла свою уникальность и ценность.

Если раньше достаточно было стать носителем и транслятором знаний (и для этого стоило сидеть на вузовской скамье, писать конспекты и делать контрольные работы, чтобы хотя бы просто аккумулировать, накапливать материал, быть носителем ценной информации для тех, кто ею пока не обладает), то с появлением глобального хранилища информации – Интернета, эта ценность исчезла. Бессмысленно создавать простых носителей и трансляторов знаний с высшим образованием, университеты должны создавать творцов. Столь же бессмысленно быть преподавателем-транслятором информации, нужно предстать перед студентами её создателем. Ценность профессоров – носителей информации уходит в прошлое, но важным остаётся умение знания создавать. В этом один из ответов на создание современной мотивации для студента высшей школы: он может быть потребителем всего того, что уже кем-то создано – скачать реферат, статью, книгу и выдать их за своё, суть от этого не изменится – он останется потребителем и транслятором того, что уже кто-то сделал. А может стать творцом, может войти в касту создателей информации, по-прежнему невеликую и элитарную. Собственно говоря, вузы должны вернуться к тому, с чего начинали – студент должен научиться не просто получать сами знания, заучивать материал (это само собой, это база и это теперь можно сделать и без вуза), но научиться эти знания делать, создавать новую информацию.

Традиционная вузовская классно-урочная система преподавания с прежними лекциями и семинарами должна измениться, трансформироваться в нечто иное. Это тот путь, в условиях современного информационного гиперполя, на котором должно сформироваться оптимальное соотношение самостоятельной работы студента с аудиторными занятиями и кураторством со стороны преподавателя-наставника.

РЕЗОЛЮЦИЯ

межрегионального круглого стола «Историко-культурное наследие славянских народов Камско-Вятского региона»

Ижевск, 29 мая 2015 г.

Заслушав и обсудив, прозвучавшие на заседании выступления и мнения по наиболее актуальным вопросам региональной славистики, участники круглого стола решили:

1. Сохранять и развивать практику научного изучения в области региональной славистики как междисциплинарного направления через проведение исторических, этнографических, демографических, социологических, лингвистических и иных (в том числе комплексных) исследований.

2. Особое внимание необходимо уделять проблеме этнокультурного контактирования славянских народов с финно-угорскими, тюркскими и другими народами региона.

3. Продолжить взаимодействие в различных формах с национально-культурными объединениями славянских и других народов Камско-Вятского региона в культурно-просветительских целях.

4. Инициировать подготовку тематического сборника научных статей по итогам работы круглого стола.

5. Подготовить информацию о восточнославянских народах (украинцы, белорусы) Удмуртии и Камско-Вятского региона для включения в последующие выпуски серии «Народы Удмуртии».

6. Подготовить и разместить информацию о круглом столе и его итогах на сайтах УИИЯЛ УрО РАН, Министерства национальной политики УР, Дома дружбы народов УР, славянских НКО и др.

7. Сделать данное научное мероприятие традиционным (ежегодным), приурочив к Дню славянской письменности и культуры.

Научное издание

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ КАМСКО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА

Публикуется в авторской редакции

На обложке: славянский христианско-языческий оберег-«змеевик». XIV век.

Находка В.В. Опарина, Малая Пурга, 1984 г.

На титуле: логотип Кирилло-Мефодиевских чтений Ю.С. Якиной

Компьютерный набор *Д.А. Черниенко*

Оригинал-макет и компьютерная верстка *Н.Ю. Юрпаловой*

Подписано в печать 16.11.2015.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 8,1.

Тираж 300 экз. Заказ №

Удмуртский институт истории, языка и литературы

Уральского отделения Российской академии наук

426004 Ижевск, ул. Ломоносова, 4

Тел. (3412) 68-52-94 Факс (3412) 68-39-94 <http://udnii.ru>

Отпечатано в АНО «Ижевский институт компьютерных исследований»

426034, г. Ижевск, ул. Кооперативная, д. 5

Тел./факс: +7 (3412) 50-02-95